

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Ямало-Ненецкого автономного округа

Выпуск № 1 (70)

**МАТЕРИАЛЫ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЯМАЛЬСКИЕ ГУМАНИТАРНЫЕ ЧТЕНИЯ»**

САЛЕХАРД
2011

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК № 1 (70)

Редакционный совет:

С.Е. Алексеев –
директор ГБУ «Ямало-Ненецкий научный центр изучения Арктики», к.и.н.

Н.В. Федорова –
заместитель директора ЯНОМВК им. И.С. Шемановского,
к.и.н.

А.Г. Вороненко –
заместитель директора ГБУ «Ямало-Ненецкий научный центр изучения Арктики»,
к.пед.н.

К.А. Ощепков –
генеральный директор ООО «Ямальская археологическая экспедиция».

Организаторами «Ямальских гуманитарных чтений» выступили Департамент по науке и инновациям ЯНАО, Ямало-Ненецкий научный центр изучения Арктики, Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского.

Чтения проходили в г. Салехарде на базе Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского, 25–26 апреля 2011 года.

В работе конференции приняли участие исследователи из научных центров Российской Федерации (гг. Москва, Тула, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Тюмень, Омск, Новосибирск, Ханты-Мансийск, Салехард), а также из Арктического центра Лапландского университета (Рованиemi, Финляндия).

Общее направление работы Ямальских гуманитарных чтений в 2011 г.: «Взаимовлияние этносов и культур в Западносибирской Арктике от эпохи средневековья до современности – факторы стабильности и изменчивости».

В последнее десятилетие краеугольным камнем арктических гуманитарных исследований стало понятие об устойчивом развитии человека в Арктике, что связано с пониманием роли этого региона в будущем планеты. Базовые составляющие (или даже определяющие) этого понятия – существование традиционной культуры в исторической ретроспективе и в современных условиях, возможности ее сохранения в будущем, а также взаимодействие и взаимовлияние различных экономических укладов и культур в Арктическом регионе.

Особое внимание, в ходе конференции, было уделено следующим вопросам:

1. Как соотносятся стабильные и изменчивые формы (элементы) в традиционных культурах ямальского Севера в исторической ретроспективе и перспективе?

2. Каковы механизмы трансляции стабильных элементов традиционной культуры и инноваций, какова роль взаимодействия различных этнических, культурных и экономических факторов в этих процессах?

3. Насколько возможно взаимопонимание «местного» и «пришлого» населения, промышленных структур и АПК, государственной необходимости и реальной жизни кочевого населения при условии разного восприятия культуры, природной среды, образа жизни в целом?

УСТОЙЧИВОСТЬ И ИЗМЕНЧИВОСТЬ КУЛЬТУР СЕВЕРА*

* Работа выполнена по программе фундаментальных исследований Президиума РАН
«Историко-культурное наследие и духовные ценности России»

А. В. Головнёв

*Чл.-корр. РАН, г.н.с. Института истории и археологии УрО РАН,
зав. кафедрой археологии и этнологии Уральского федерального университета*

Во все времена этничность не появлялась и не исчезала, а лишь меняла свой облик, дрейфуя между пиками и спадами политики, религии или экономики. Пока в ней что-то исчезает, что-то тут же появляется. Она похожа на реку, которая постоянно куда-то утекает и откуда-то прибывает. Этничность – не косная традиция, а постоянно генерируемое явление. Эта возобновляемость обусловлена персональной и групповой стратегией самоопределения и безопасности. Этничность представляется самой естественной и доступной (вслед за брачно-родственной) социальностью, поскольку в ней реализуется общность понимания и доверия. Скорее инстинктивно, чем осознанно, люди в драматических ситуациях ищут спасения в этничности (или религиозной идентичности) и в ней же черпают ресурсы самореализации и позиционирования. В зависимости от состояния элитных групп и внешних контактов этничность может нагнетаться, унифицироваться, рассеиваться, дробиться. Однако, будучи сколь угодно изменчивой, она остается устойчивым свойством социальной материи, и этно-инстинкт выявляется у людей всех эпох и культур.

Северу свойственна, с одной стороны, устойчивость культур и систем коммуникации с глубокой древности. С другой стороны, высокая адаптивность северных сообществ к экологическим и социальным переменам обусловила их изменчивость, которая стала залогом устойчивости. Сценарии этноистории развиваются на Севере не по каким-либо генеральным законам эволюции или роста организма, а в ситуативном диалоге локальных и магистральных культур, стратегиях и действи-

ях их элит. Ключевым мотивом этничности во все времена был контроль над природным и социальным пространством.

Глубины этничности

Насколько административные акты порождают этнографические факты? Или современные представления о дрейфе этничности – иллюзия постмодерна, неловкая проекция сегодняшней изменчивости на вчерашнюю устойчивость? Иногда этногенез кажется тенью идеологии: вчера идеология сияла – и у народов были ясные очертания, сегодня идеология померкла – и этнографическая явь предстала сумеречным наваждением. Чтобы совладать с призраками, неплохо бы уяснить, с чем этнология имеет дело – исконным социальным свойством, химерой, ментальным орудием (оружием) вождей или нерасчленимой смесью всего этого.

При извлечении научного знания из реальности этничность можно анализировать по частям, но при возвращении знания в реальность снова образуется нерасчленимая смесь. Этничность как будто познаваема, но не управляема. При этом после научно-политической переработки она изменяется не по правилам науки и политики, а по собственному набору сценариев. Так, на Севере, вопреки увещаниям науки и жесткой политике перевода на оседлость в 1930–1940-е гг., оленеводы-ненцы продолжали кочевать, молиться собственным богам и поднимать антисоветские восстания (*мандалада*). В те годы это списывалось на «вековую отсталость». Зато сегодня ненцы – яркая «точка роста» этнической культуры и неотрадиционализма на

российском и циркумполярном Севере. Среди народов современной России они – лидеры и по использованию потенциала собственной этнической культуры «на душу населения» (оригинальная религия, мифология, кочевой оленеводческий культурно-хозяйственный комплекс), и по практике родного языка (им владеют $\frac{3}{4}$ ненцев в местах традиционного расселения), и по демографическим индексам (особенно высока репродуктивность ненцев-кочевников).

В прежние столетия реконструируются не менее противоречивые метаморфозы. Полтысячелетия назад группы самоедов – охотников на дикого оленя и морского зверя – были рассеяны по просторам Арктики и Субарктики. Скандинавская и российская колонизация Севера вызвала «бегство в кочевники», и ведущим мотивом охватившей тундру оленеводческой революции было стремление к свободе, а не хозяйственные нужды или климатические сдвиги, как обычно считается. Миграции тундровых охотников сопровождалась борьбой за стада оленей и контроль над отдаленными территориями. В этой борьбе лидерство захватила североуральская Карачейская орда, распространившая свое влияние по урало-западносибирским тундрам. Собственно вожди Карачейской орды и создали этнокультурное единство, называемое сегодня ненцами, причем в их состав вошли представители других групп, в том числе северные угры (роды *хаби*), восточные самоеды (роды *мандо*). На российскую колонизацию и христианизацию самоеды в XVII–XVIII вв. ответили религиозной войной и укреплением традиционных культов. На практику управления тундрой через остяцких князей Тайшиных они в XIX в. отреагировали выдвижением собственного национального лидера (Пайгола Карачейского) и восстаниями Ваули Ненянга и Пани Тоху. Все эти события послужили факторами этнической мобилизации, а благодаря интенсивной коммуникации и обширным миграциям на всю тундру распространился общий язык – тундровые ненцы от Белого моря до Енисея говорят на одном диалекте.

Примечательно, что эти впечатляющие вехи этноистории обычно тонут в подробных этнографических описаниях ненецких оленей, чумов и обрядов. В советское время ненцы занимали причитающееся им по алфавиту место среди 26 малых народов, выделяясь разве что численностью и недостаточной оседлостью. Речь шла то об их вымирании (при царизме), то о процветании (после революции), то опять о вымирании (после «перестройки»). В науке и публицистике рубежа 1980–90-х годов царило не то уныние, не то отчаяние по поводу их судеб и перспектив. На конгрессах и конференциях мне не раз доводилось вызывать недоумение российских и зарубежных коллег рассуждениями о высоком потенциале северных культур, в частности ненцев. Мало-помалу тон североведческих форумов изменился, и сегодня в их тематике нередко фигурируют сюжеты успешного опыта этнического развития, сравнения «победителей и проигравших» на Российском Севере. Популярным стал пример «победителей-ненцев» с их успехами в оленеводстве и устойчивой традиционной культурой.

Устойчивой? Или изменчивой? Ненцам свойственна оригинальная жизненная стратегия устойчивой изменчивости или изменчивой устойчивости. В ее основе – движение, от физического кочевания до культурной динамики. За несколько веков этничность тундровых самоедов повернулась несколькими ликами: арктический охотник, тундровый разбойник, ревностный язычник, крепкий оленевод, непокорный бунтарь, колхозный пастух, успешный собственник. Во всех случаях, при их ситуативном многообразии, на первый план выступает самореализация, которая и генерирует то, что образует ненецкую этничность. В ее основе – власть над собственной судьбой. Самобытность состоит не в наборе особенностей, а в мотивационно-деятельностной схеме, генерирующей эти особенности.

Насколько древней может быть подобная схема самореализации? На севере Евразии ее прототип мог быть исходным, поскольку само по себе освоение Севера – оригинальная

самореализация. Во всех стратегиях колонизации ключевым звеном является контроль над пространством, и в зависимости от характера территории и стратегии контроля над ней складываются более или менее долговременные туземные сообщества. Схема контроля над пространством и есть стратегическая традиция, генерирующая устойчивость и общность культуры в спектре ситуативных вариаций.

По С. А. Арутюнову, «этнос как формы культурной вариабельности могут рассматриваться как адаптивные механизмы, изоморфные различным видам биологической вариабельности» (Арутюнов 1989:57). Это как раз та платформа этничности, которая крепит ее к определенной территории. Археологически и этнографически на Севере Евразии выделяются области со специфическими схемами движения и коммуникации. Так выглядят, например, сибирские «рыболовные омуты» — долины Амура и Оби, где из эпохи в эпоху развивались локальные культуры и оседали подвижные соседи. По системам коммуникации самобытны «оленные тундры» Арктики, морская и речная сеть Русского Севера и Берингии, среднесибирское плоскогорье, магистральная долина Лены, горные страны Алтая, Саян и Урала. Археология фиксирует устойчивость культурного рубежа между Западной и Средней Сибирью, где на протяжении столетий и тысячелетий контактировали, периферийно смешиваясь, ленские и уральские культуры. Устойчива и картина «антропологических непрерывностей» Северной Евразии — обширных сетей коммуникации, в которых формировались и развивались так называемые языковые семьи. В поддержании этих непрерывностей важную роль играло сочетание занимавших отдельные экониши локальных культур и связывавших их магистральных культур.

В отличие от открытых пространств степей и морей, труднопроходимая тайга не располагала к развитию мощных магистральных культур. Однако своя система магистралей существовала и в лесах. Речные и водораздельные пути поддерживали связи между

локальными сообществами, и среди жителей тайги, например древних уральцев, с давних пор существовал слой мобильных посредников. С севера и юга уральская тайга окаймлена открытыми пространствами тундры и степи, где сложились подвижные культуры (мадьяр в степи, самоедов в тундре), эпизодически связывавшие локальные таежно-речные группы. Устойчивость лесного уральского мира, сотканного из локальных культур и соединенного «медленными» речными магистралями, выражена в преимущественности археологических культур. Локальные культуры создавали мозаику освоенного пространства, магистральные играли ключевую роль в движении и колонизации. Локальная идентичность соответствовала культурной самобытности, но существенно корректировалась носителями магистральной культуры, нередко выступавшими в роли колонизаторов. Часто в обособлении и локальных сообществ со стороны колонизаторов обозначалось их союзничество или враждебность, религиозная близость или чуждость. Например, российская колонизация отделила крестившуюся пермь от «безверных вогуличей», «воровскую самоядь» от служилых остяков, непокорных чукчей от союзных юкагиров.

26 народов Севера

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «Об учреждении временного положения об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР» (1926 г.) был сформирован список из 26 малых народов Севера. В те годы строилось новое государство, и обновление народов входило в планы большевиков. Революция подняла волну этногенеза по всей стране, начиная с метаморфозы русских (в менталитете, социальной структуре, образе жизни) и заканчивая самосознанием северных племен, которые, получив новые названия, из инородцев превратились в титульные народы. Всем им было предписано двигаться от первобытности к коммунизму, для чего создавалась письменность и буквари с изображениями Кремля и Ленина. Северным туземцам на-

шло место в советском проекте, поскольку «малые народы» были признаны, наряду с пролетариями и бедными крестьянами, социальной опорой новой элиты.

Номенклатура малых народов сложилась из реальной этнографии, но с вкраплением политических и персональных предпочтений. Например, самоеды были преобразованы в три народа (ненцы, энцы, нганасаны), остяки — тоже в три (ханты, селькупы, кеты), но на разных основаниях. Если остяки действительно рознились по языку, то самоеды от Белого моря до Енисея представляли собой довольно монолитную по языку и культуре общность. Выделение среди них енисейской группы энцев было во многом волеизлиянием этнографа Б. О. Долгих, проводившего в устье Енисея перепись 1926 г. Позднее акт обособления стал фактом самосознания, и до сих пор энцы, насчитывающие немногим более 200 человек, считаются отдельным народом. Мне довелось в конце 1970-х гг. начинать среди энцев свою полевую работу в Заполярье и вместе с руководителем экспедиции В.И. Васильевым докапываться, чертя ветвистые генеалогические схемы, до отличий энцев от ненцев. В большинстве случаев эти отличия сводились к установкам Б. О. Долгих. В 1978 г. один из последних знатоков энецкого языка К. А. Болин отмечал, что язык этот особо ценен потому, что им интересуются «ученые из Москвы».

Другой пример этнообразования связан с подвижнической деятельностью этнографов Г. Н. и Е. Д. Прокофьевых, которые сочли возможным объединение нарымских и тазовско-туруханских остяков (остяко-самоедов) в один народ, несмотря на отсутствие у них общей идентичности. Прокофьевы начинали свои исследования и учительскую практику на р. Турухан, где местные жители назывались *сель-куп* (лесной человек). По мнению Прокофьевых, этот этноним подходил для всех рассеянных между Обью и Енисеем племен остяко-самоедов, ставших при советской власти селькупам. Правда, как мне довелось убедиться в 1980-е гг., многие «селькупы» Тыма и Кети назывались иначе (*чумуль-кум,*

сюсю-гум и др.) и до конца своих дней предпочитали считать себя по старинке остяками.

Как видно, Г. Н. Прокофьев и Б. О. Долгих занимались не только теорией, но и практикой этногенеза. Оба случая этнообразования — реконструкции, этногенез вспять. Изначально они были проектами, но довольно скоро стали реальностью. Насколько ситуация могла быть иной, будь на месте этнографов-переписчиков менее творческие люди, судить сложно. В любом случае очевидна их причастность к судьбам изучаемых народов вплоть до строительства идентичности.

Если для селькупов нашлось единое название, то для туземцев Амура и Сахалина подошла мозаика — в «списке 26-ти» они составили целую плеяду народов: нанайцы, негидальцы, нивхи, ороки, орочи, удэгейцы, ульчи. Отчасти обилие названий и самоназваний связано с перекрестным соперничеством на Дальнем Востоке щедрых на наречение метрополий (Китай, Маньчжурия, Монголия, Россия, Япония), переходами территорий от одной державы к другой (например, «китайская эпоха» этноистории Амура после Нерчинского договора, «японский период» этноистории Сахалина между I и II мировыми войнами). Однако экспертам, номинировавшим дальневосточную часть «народов Крайнего Севера», не составило бы труда обосновать тунгусское единство большинства этих племен (согласно, например, взглядам Л. Я. Штернберга), руководствуясь они этногенетической логикой Прокофьева.

Порождением революционного XX века стали долганы — метисная (саха-тунгусо-самоедо-русская) группа Таймыра, оказавшаяся по воле устроителей Севера отдельным народом, к тому же титульным в пределах Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа. Иначе сложилась судьба другой метисной группы — камчадалов. Перепись 1926 г. объявила их народом, но в конце 1970-х гг. они были изъяты из списка. Чиновники вынуждали камчадалов «отказаться от прежней национальности и стать по выбору: ительменами, эвенями, русскими, орочами, коряками»; в 2000 г. камчадалов вернули в список,

но только в пределах Камчатской области (в Магаданской области они остались «вне закона») (см.: Сирина 2005:88–91).

Пока советский режим благоденствовал, 26 народов Севера планомерно шли «от патриархальщины к коммунизму», развивая «национальную по форме и социалистическую по содержанию» культуру. Но стоило режиму рухнуть, и этногенез вышел из-под контроля. За двадцать постсоветских лет список коренных малочисленных народов Севера вырос до 40. Этот пипл-бум — итог не только подвижничества этно-активистов, лоббирования этнографов, но и своего рода передел «привилегий 26-ти».

Мотивы постмодерна

Закат советского проекта совпал с глобальным ментальным сдвигом от модернизма к постмодернизму. Прочная идеологема уступила первенство мобильному проекту. Стихия постмодерна — конкуренция множества проектов, настроенная не на победу одного из конкурентов, а на их долгосрочный диалог. Если модерн был ареной борьбы за господство (и в этом смысле следовал древней традиции «право победителям и горе побежденным»), то постмодерн обустроил поле многообразия и противовесов. Среди расшатанных метанарративов модерна оказалась и системная категория «этнос». Однако слом метанарративов произошел не полностью, не для всех и, наверное, не навсегда.

Этнологический парадокс постмодерна состоит в том, что при кризисе конструкта «этнос» случился бум этничности. В 1990-е гг. Север был охвачен стихией национальных и националистических движений, в которой появились прежде не аккредитованные народы, сложились новые этнические элиты, возникла целая сеть общественных ассоциаций. В северной этнографии произошла подвижка, совпавшая с безвременным уходом из жизни ряда выдающихся советских североведов, — из среды коренных северян выросла и обрела влияние целая когорта исследователей собственной этнической культуры. Особенно

заметны на этом поприсе успехи томской школы Н. В. Лукиной, давшей рост двум окружным научным центрам (в Югре и на Ямале) и многочисленному сообществу защитивших диссертации этнографов (среди них Т.В. Волдина, М. А. Лапина, Т.А. и Т.А. Молдановы, С. А. Попова, А.М. Сязи, Н.М. Талигина, Г.П. Харючи). Примечательно, что этих исследователей гораздо меньше волнуют сюжеты этногенеза, чем их столичных предшественников, и больше — фольклор, орнамент, сакральное пространство, этническая этика. По замыслу Н.В. Лукиной, инициировавшей проект подготовки ученых из среды коренных северян вопреки скепсису коллег, публикация знаний о культуре своего народа должна повлечь за собой «информационный взрыв в этнографической науке» (Лукина 2002:27). По своей методологии этот постмодерн-проект принципиально отличается от господствовавшей прежде модерн-традиции и активизирует новый потенциал этничности в лице северных профессионалов-гуманитариев.

Подобных поворотов этноистория Российского Севера еще не знала, и, возможно, именно сейчас в головах интеллектуалов-северян нового поколения зреют нестандартные идеи этнического развития. Они могут идти вразрез с традицией (хотя и апеллировать к ней, как культуротворческие проекты Ю.К. Вэлла и А.П. Неркаги) и открывать новые перспективы, непривычные для этнологии. Впрочем, потрясения 1990-х всерьез обновили и этнологию, которая сегодня априори готова к любым этническим метаморфозам.

Со своей стороны модерн не намерен сдавать позиций, поскольку государство нуждается в метанарративах для структурирования реальности на свой лад. Слово «модернизация» не случайно не сходит с уст российских политиков, хотя звучит несколько архаично в эпоху постмодерна. Как ориентация на известные мировые образцы модернизация не всегда гармонирует с конкурентным (и даже венчурным) полем постмодерна, а так называемая теория модернизации, заменяя пятичленку (марксистскую шкалу формаций) на двучленку (от аграрности к индустриальности),

утверждает очередную идеологему в понимании традиции и новации.

Современная антропология, с виду свободная от формационных идеологем, нередко — в противовес модернизаторам — тоже смакует тему контраста традиций и новаций. Применительно к Северу это особенно заметно в обсуждении конфликтов «старого и нового», в призывах бережно хранить традиции подальше от новаций. Между тем традиция — если ее понимать как проявление самобытности, а не уцелевший рудимент — жизнеспособна лишь в потоке реальности. Этнокультурное огораживание способствует не сохранению, а усыханию традиций. Это относится и к культурному наследию, которое мертво в закрытых хранилищах и оживает в открытом информационном пространстве.

Одним из вьезшихся в сознание штампов модерна является изображение северных традиций древними—ценными—неизменными, а потому требующими к себе почтения, изучения и охраны от пагубного воздействия современности. Спектр проекций этого штампа широк — от изоляционистских моделей резерваций («назад в пещеры») до исключения северян из числа конкурентов на проектном поле современности. Многих вполне устраивает сувенирно-заповедная ниша, отведенная культурам Севера. Между тем уже в 1980-е гг. был инициирован альтернативный проект неотрадиционализма, предполагающий обновление культур Севера в синтезе традиционализма и модернизма (Пика 1996). К несчастью, трагическая гибель А. И. Пики (1951—1995), вдохновителя этого многообещающего проекта, замедлила его дальнейшую разработку и реализацию.

Вопреки штампу, северные народы и культуры наделены высоким потенциалом преобразования на собственной деятельностной основе. Например, в середине II тыс. н. э. Евразийская Арктика преобразилась в ходе так называемой «оленоводческой революции». Российская колонизация вызвала, помимо прочего, стремительное развитие технологий товарной пушно- и рыбодобычи. И при жестком советском режиме некоторые сообщества

(например, тундровые ненцы-кочевники) сумели обновить традиционное производство и даже колхозы приспособить под собственные нужды. А в постсоветские годы те же ненцы едва ли не первыми в России преуспели в наращении производственных ресурсов, причем не за счет передела или перепродажи чужой собственности, а на основе своей, сконцентрированной в оленеводстве (см. подробнее: Головнёв 2004). Лидеры северных народов быстро адаптировались к политическим бурям постсоветского времени и успешно освоили ремесло дипломатии и администрирования на локальном, региональном, федеральном и международном уровнях.

В 2004 г. вышел в свет «Доклад о развитии человека в Арктике» — первый комплексный научный обзор циркумполярного Севера. В нем на основе обобщенного опыта всего Севера отмечается, что позиция сбережения традиций сегодня сталкивается с вызовом стремительных перемен. Северные народы вовсе не чужды перемен, более того, готовность к ним заложена в самой природе гибких и адаптивных северных культур. «Арктические общества и культуры — особенно коренных народов — имеют большой исторический опыт адаптации, основанной на свойстве быстро приспосабливаться к изменениям экосистем, от которых они зависят, и даже извлекать выгоды из биофизических и социальных изменений для улучшения своего состояния. Способность этих народов использовать преимущества, предоставляемые современными практиками и технологиями (например, снегоходы, вертолеты, Интернет), должна восприниматься как признак скорее жизнеспособности, чем упадка культуры. Традиции динамичны» (Einarsson, Young 2004:230).

Международному обзору вторит опубликованный в том же году экспертный доклад Института этнологии и антропологии РАН: «Было бы ошибкой считать «традиционное хозяйство» самой основой жизни этнической общности и отдельно взятого аборигена. Следует учитывать, что традиционность начала XXI в. не совпадает с той, что была харак-

терна для начала XX в., а сегодняшние инновации — это завтрашние традиции». Предложенный в докладе подход многовариантного развития «включает создание точек роста на основе конкретных проектов и приоритетную установку на создание более качественного человеческого ресурса. Этот подход учитывает способность человека любой культуры и социальной среды к инновациям, отдает предпочтение индивидуальным стратегиям людей» (Тишков 2004:11, 182).

Популярная концепция «устойчивого развития», на которую ссылается этот доклад, исходит изначально из природоохранных соображений и, распространяемая на коренные народы, несет в себе акцент консервации. Правда, в оригинальной версии понятие «sustainable» содержит не только смысл «устойчивости», но и оттенок «изменчивости» (управляемости, регулируемости). И все же установка на «поддержание» без активного «продвижения» обречена в современном мире на устойчивое старение. В этом отношении заявленная в экспертном докладе стратегия «точек роста» представляется более практичной для северян, чем апология «устойчивости».

Еще одним штампом модерна представляется устойчивое соотношение «Крайний Север — малый народ», укоренившееся в советской риторике и, благодаря социальным льготам, донныне сохраняющее привлекательность. Между тем, Российский Север издавна населяют не только малые, но и большие народы — коми-зыряне (293 тыс. в 2002 г.) и якуты (444 тыс.), а также русские поморы, чье историко-культурное наследие измеряется не локальными, а евразийскими масштабами. Кроме того, коренные народы Севера сумели превзойти основное население России и по темпам демографического роста, и по уровню сохранности традиций. «Уменьшительно-ласкательный» взгляд на северян имеет мало общего с праисторической и исторической реальностью, созданной на просторах Евразийского Севера народами индоевропейской, уральской, алтайской, палеоазиатской и эско-алеутской языковых семей. В разное время здесь доминировали

мощные культуры скандинавов-норманнов, эскимосов эпохи туле, русских поморов, коми-зырян, якутов, угров эпохи княжеств, ненцев, эвенков, объединявших огромные территории сетью миграционных, торговых и военно-политических связей. На Севере рождались и развивались культуры больших пространств, а не малых народов.

Численность «коренного народа» в России до сих пор формально ограничена 50 тыс. человек, вследствие чего живущие на Севере коми и саха (якуты) лишены подобного статуса. Это ограничение делает двусмысленным и положение саамов, число которых в России (около 2 тыс.) соответствует статусу коренного народа, а общая численность в Фенноскандии и России (около 57 тыс.) выходит за обозначенные рамки. Сходная ситуация с эвенками, которых в начале XXI в. века было далеко за 60 тысяч (свыше 35 тыс. в России, 30 тыс. в Китае, 3 тыс. в Монголии). Если крупнейший из коренных малочисленных народов Российского Севера — ненцы — сохранит динамику популяционного роста (29 тыс. в 1979 г., 34 тыс. в 1989 г., 41 тыс. в 2002 г., более 48 тыс. в 2010 г.), то совсем скоро ему грозит утрата формального статуса КМНС. Возможно, ненцы уже сейчас перевалили заветный рубеж, но скрывают это, как скрывали численность своих оленей в совхозные годы. Именно ненцам, ввиду перехода в «новую весовую категорию», суждено сойтись в поединке с застарелым штампом.

Остаточная инерция идеологии модерна выражается в том, что привилегии для этнических меньшинств побуждают большие народы к сегментации. Например, о своей этнической самобытности и независимости от других коми-зырян заявляют оленеводы-ижемцы (около 15 тыс. чел.), живущие по соседству с «привилегированными» ненцами и стремящиеся уравниваться с ними в правах. Нелепа правовая ущербность русских старожилков, чьи предки укоренились на Севере несколько десятилетий или (поморы) столетий назад. Поморы — гордость русской истории и культуры — лишены права на использование

базовых ресурсов моря и леса. Разного рода инспекции произвольно штрафуют жителей беломорских деревень за лов рыбы и порубку леса. Выход из критической ситуации местные общественные лидеры видят в объявлении поморов «малочисленным народом» — отречении от слишком большого русского народа в пользу аборигенности.

Привилегии меньшинств действенны и позитивны, если они не ущемляют прав и достоинства окружающего большинства. Иначе они оборачиваются своей изнанкой, провоцируя межэтнические трения и вызывая негативные обходные контрмеры. Тактика временных льгот эффективна, когда побуждает к саморазвитию, а не становится консервирующей традицией и лицензией на паразитирование и сувенирность. Всякое сращение льготности

с этничностью усиливает не самобытность, а зависимость.

Как показывает мировой опыт, наиболее эффективные модели позиционирования северных меньшинств — на Аляске, Ямале, в Гренландии, Лапландии, Нунавуте, Тромсе, Югре — основаны на структурировании региональной идентичности, сочетающей ценности северных меньшинств и пришлого населения. При этом повсюду, особенно заметно в России, отмечаются встречные тренды укоренения пришлых и расширения деятельности сферы коренных северян. Именно на основе внутрирегиональных практик диалог культур на Севере сдвинулся в последние годы от фронтального противостояния к конструктивному взаимодействию коренных и укорененных.

Литература

- Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989.
- Головнёв А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург: УрО РАН, 2004.
- Сирина А. А. Кто такие камчадалы и почему ты — один из них? // В поисках себя. Народы Севера и Сибири в постсоветских трансформациях. М.: Наука. С. 85–107, 2005.
- Лукина Н. В. Наука как форма общественного развития северных этносов. Томск: ТГУ, 2002.
- Пика А. И. Неотрадиционализм на Российском Севере // Социологические исследования, 1996. № 11. С. 47–53.
- Тишков В. А. (ред.). Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Независимый экспертный доклад. М.: ИЭА, 2004. 184 с.
- Einarsson N., Young O. R. (eds.). Arctic Human Development Report. Akureyri: Stefansson Arctic Institute, 2004. Русский перевод: Доклад о развитии человека в Арктике (ДоРЧА). Екатеринбург; Салехард, 2007.

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА:
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ,
СТРАТЕГИИ СОХРАНЕНИЯ И МУЗЕЕФИКАЦИИ

Е. В. Первалова

*Заведующая сектором этнографии
института истории и археологии УрО РАН, к.и.н.*

Благодаря приглашениям Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса имени И. С. Шемановского (г. Салехард), в частности Натальи Викторовны Федоровой, а также директора Шурышкарского краеведческого музея Анны Геннадьевны Бруснициной, течения двух последних лет мне вновь представилась возможность поработать на севере Нижнего Приобья в привычном для меня амплу этнографа (и даже в несвойственном — археолога). Сегодняшнее мое выступление — это скорее заметки-наблюдения, подкрепленные некоторым визуальным рядом, по поводу сохранения и использования этнокультурного ресурса Ямала.

Заявленная тема довольно объемна, и чтобы уложиться в отведенное мне время я коснусь только двух моментов — это музейные и культурно-ритуальные практики.

Музейные практики

Сеть музейных учреждений Ямало-Ненецкого автономного округа (всего по данным интернета 16 музеев) представлена шестью краеведческими, тремя экологическими и двумя художественными музеями, двумя музейно-выставочными центрами (в одном из которых мы находимся), одним мемориальным музеем (Музей-квартира Л. Лапцуя), музеем истории предприятия (Музей истории предприятия ООО «Ямбурггаздобыча») и одним Детским музеем.¹

¹ Красноселькупский историко-краеведческий музей (Красноселькупский р-н, с. Красноселькуп), Овгортский краеведческий музей (Шурышкарский р-н, пос. Овгорт), Приуральский районный краеведческий музей (Приуральский р-н, п. Аксарка), Пуровский районный краеведческий музей (Пуровский р-н, г. Тарко-Сале), Шурышкарский районный краеведческий музей (Шурышкарский р-н, с. Мужки), Ямальский районный музей (Ямальский р-н, с. Яр-Сале); Музей освоения Севера (г. Губкинский), Музейный ресурсный центр (г. Ноябрьск), Эколого-методический центр «Дом природы» (г. Надым); Новоуренгойский художественный музей, Музей изобразительных искусств Музейного ресурсного центра (г. Ноябрьск); Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс имени И. С. Шемановского (г. Салехард), Музейно-выставочный центр г. Надыма, а также Музей истории предприятия ООО «Ямбурггаздобыча» (п. Ямбург), Музей-квартира Л. Лапцуя (г. Салехард), Детский музей г. Ноябрьска.

Несмотря на официальное профильное разнообразие большинству музеев округа свойственна экологическая или этнографическая направленность. Экспозиции большинства из них были построены в 1980—1990-х гг. (чаще всего благодаря инициативе местной интеллигенции) с опорой на экзотичность природы и культур, проживающих на Ямале коренных малочисленных народов.

Яркий пример о музей в селе Овгорт Шурышкарского района, созданный местным учителем географии и биологии, а ныне директором это учреждения — Еленой Ильиничной Тыликовой.

Однако экспозиции районных музеев во многом однотипны и дублируют друг друга. В этом нет ничего предосудительного, поскольку территориально они расположены очень далеко друг от друга и призваны представлять локальные особенности разных ямальских регионов. Вместе с тем богатейший историко-культурный потенциал Ямала позволяет отнестись к использованию этноресурса более обдуманно и более практично.

Оценить значимость того или иного этнокультурного объекта, а тем более выстроить стратегию и тактику его сохранения и использования непросто. Как правило, музеефикация приводит к полному или частичному исключению объекта или предмета из культурной среды. В значительной мере музеефицированные этнообъекты выглядят «обездушенными», лишившись главной составляющей, призванной сохранять культурное наследие народа, — естественного бытования и развития. Один из вариантов относительно корректного использования этноресурса — создание особо охраняемых территорий или заповедников, позволяющих сохранять объекты в естественном ландшафтном и этническом окружении.²

² См.: Карачаров К. Г., Первалова Е. В. К проблеме сохранения традиционной культуры // Угры. Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2003 г., г. Тобольск). Тобольск, 2003. С. 338–344.

Опыт такой работы в Ямало-Ненецком округе есть. Так, в Шурышкарском районе на базе парка-музея «Живун», расположенного на территории хантыйского поселения Ханты-Мужи, предполагается создание историко-культурного заповедника традиционной культуры малочисленных народов регионального значения.

За последние несколько лет здесь появилось большое число неплохих реконструкций, проводится многочисленные этнокультурные мероприятия (этнические праздники, фестивали, ярмарки, мастер-классы и пр.), направленные на сохранение традиционных культур северных хантов, коми и ненцев. Существование подобных музейно-парковых комплексов, несмотря на кажущуюся искусственность, приводит к активизации этнокультурного потенциала. А сами музеи становятся местом сосредоточения (пусть даже на короткий период проведения мероприятия) традиционных знаний и опыта и даже своеобразным аккумулятором сохранения и развития этнокультурного наследия. Исходя из этого, для сохранения и достойной презентации этноресурса регионов видится целесообразным формирование сети охранных зон и заповедников, позволяющих создать условия для сохранения культурного своеобразия крупных территориальных групп коренного населения Ямала.

Вместе с тем этнографические музеи-заповедники, как правило, представляют собой жилищно-святилищные комплексы с большим числом реконструкций. На мой взгляд, для Ямала логично использовать для презентации как в стационарных экспозициях, так и «под открытым небом», сюжеты этноистории Нижнего Приобья. На слайде три из шести штор (акварельных панно) из фондов Музея антропологии и этнографии (Санкт-Петербург). Они выполнены сибирским художником-самоучкой Николаем Шаховым, вероятно, в начале XIX в. Эти три полотна, названные автором «Обдорский князь и самоецкая старшина», «Губа Морская» и «Обдорская крепость», емко и достоверно представляют Обдорию рубежа XVIII–XIX вв. Таинственная и холодная Обдория обозначена,

во-первых, как административный центр Нижнего Приобья, где интересы коренного населения представляет туземная элита — обдорский князь и самоецкие старшины; во-вторых, как страна, находящаяся в Луке моря, в которую впадает главная транспортная артерия Западной Сибири Обь, бороздимая различными по конструкции и назначению судами; в-третьих, показана единственная русская крепость в окружении многочисленных туземных племен. Валерий Николаевич Чернецов, опубликовавший «шторки» в статье «Быт хантов и манси по рисункам XIX в.» в сборнике МАЭ, отмечал исключительную высокую информативность рисунков. На мой взгляд, акварельные панно Шахова могут рассматриваться как документально-художественная концепция, которую можно взять за основу для развертывания незадействованного или слабодействованного в музейных практиках пласта этнической истории Ямала.

Сегодня для общей стратегии сохранения и музеефикации эноисторического наследия важно выстраивание концептуальных цепочек, обладающих туристским потенциалом. Возможности на этом поприще у Ямала велики. Многие идеи, по несколько лет витающие над сибирскими просторами, могут стать опорными. Например, не смотря на многолетнее существование идеи создания Музея реки Оби (Нефтеюганск) в Ханты-Мансийском автономном округе, реализация проекта пока сводится к банальному созданию музейного комплекса, а точнее культурно-досугового центра, коих по Сибири уже немало. Откровенно говоря, г. Нефтеюганск для воплощения этой идеи место неподходящее. И на сегодняшний день глобальная тема, раскрывающая значение для Сибири главной водной магистрали — реки Оби — остается нереализованной. Музеефицированный водно-санный путь Обдорск (Салехард) — Горнокнязьевск и Обдорск — Вандиязы — Мужы — Ямгорт (ямские станции, использованием самобытных транспортных средств, экспозициях о путешественниках и исследователях XVIII–XX вв. и пр.) мог бы стать интереснейшим туристским маршрутом. Его можно усилить еще одной

имеющей все основания закрепиться в Салехарде идее, которая много лет назад была предложена г. Тобольску — это создание Музея Власти. Практически туристский водно-санитарный маршрут и опорные точки Музея Власти Нижнего Приобья совпадают — это Салехард (административный центр с известной Обдорской ярмаркой), Горноknязевск (резиденция князей Тайшиных) и Ямгорт (резиденция князей Артанзеевых). Реализация проекта Музей Власти Нижней Оби обеспечена документальным и экспонатно-иллюстративным рядом (фонды Ямало-Ненецкого музейно-выставочного комплекса, фонды ТГИАМЗ, РЭМа и МАЭ). Часть этого маршрута уже музеефицирована: существует реконструкция Обдорского острога в Салехарде и природно-этнографический комплекс с памятником обдорскому князю Тайшину в Горноknязевске. Оба объекта считаются визитной карточкой Ямало-Ненецкого автономного округа. Осталось создать достойную экспозицию, представляющей российскую власть в Сибири в Обдорском городке, и экспозицию, характеризующую туземную власть, в Горноknязевске, а также обратить внимание конечную точку маршрута — Ямагорт — последнюю резиденцию куноватских князей Артанзеевых.

Более того, на этом же маршруте находится уникальный средневековый памятник — городище Усть-Войкарское или Войкарский городок (XIV—XVIII вв.), раскопки которого в течение нескольких лет ведет Ямальская археологическая экспедиция под руководством Натальи Викторовны Федоровой).

Материалы археологических раскопок с Войкарского городка поражают сходством с традиционными самоедской и угорской культурами. Безусловно, следует продолжить изучение это богатейшего археологическо-этнографического объекта, возобновив раскопки. А для расширения интерпретационных возможностей и последующей музеефикации представляется целесообразным развертывание специальной программы археолого-этнографических исследований по нескольким направлениям.

Ритуально-культурные практики

Одним из приоритетных направлений использования этноресурса должно стать изучение, обеспечение сохранности, возрождение и частично музеефикация культовых объектов, святилищ и культово-ритуальных практик региона.

На правом берегу устья р. Полуй в черте города Салехарда расположен Ангальский мыс (хант. *Лонх авыт нель* — Мыс богов). Здесь исстари находилось знаменитое языческое капище остяков, названное главой Обдорской духовной миссии и просветителем края начала XX в. отцом Иринархом «оплотом древней веры остяков и самоедов».³ Ныне святилище стало местом проведения различных фестивалей и мероприятий окружного значения с включением этнической составляющей и одновременно объектом возрождения традиционных жертвоприношений различными этническими сообществами (хантами, ненцами и коми-зырянами). По окружной целевой программе «Сохранение, использование, популяризация и государственная охрана объектов культурного наследия Ямало-Ненецкого автономного округа на 2009–2011 годы» на священном месте «Ангальский мыс» должна быть проведена историко-культурная экспертиза, по результатам которой будет определен правовой статус объекта⁴ и отрегулированы стратегия и режим его использования.

Рядом с ним, буквально в нескольких сотнях метров, находится древнее святилище Усть-Полуй, значение которого трудно переоценить. Необходимость музеефикации этих двух уникальных памятников, расположенных в черте города, очевидна. Так, лучше концептуально решить этот вопрос, пока еще не завершены раскопки.

Бытование этноисторических (памятных мест, кладбищ) и культовых объектов (куль-

3 Иринарх (Шемановский И. С.). В дѣбрях крайнего северо-запада Сибири // Православный благовестник. 1910. № 2. С. 71; № 4. С. 183.

4 Закон об окружной целевой программе «Сохранение, использование, популяризация и государственная охрана объектов культурного наследия Ямало-Ненецкого автономного округа на 2009–2011 годы». [Электрон. ресурс] Режим доступа: http://www.nasledie89.info/2009/03/10/zakon_janao_ot_02122008_g_107zao.html

товых комплексов и ансамблей, святилищ и мест жертвоприношений, единичных культовых сооружений и пр.) является важнейшим фактором сохранения этнического самосознания и культурной самобытности коренного населения является. Большинство культовых памятников связано с религиозно-мифологическими представлениями, с историей заселения края и реальными историческими событиями. Даже святилища, на которых активной культовой практики не происходит, остаются главными составляющими мифологической картины коренных народов Севера. Исходя из этого, следует, опираясь на постоянный мониторинг, максимально оптимизировать работу по выявлению и инвентаризации культовых объектов и мест.

Целенаправленная работа по сохранению культовых мест коренных жителей региона в Ямало-Ненецком автономном округе ведется с 1999 г. Был разработан закон о культовых местах и созданию базы данных святилищ и мест захоронений ненцев и хантов, с целью внесения их в государственный реестр недвижимых памятников истории и культуры округа. Одна за другой были запущены целевые программы «Охрана, использование и популяризация объектов культурного наследия ЯНАО на период 2007–2008 годы» и «Сохранение, использование, популяризация и государственная охрана объектов культурного наследия Ямало-Ненецкого автономного округа на 2009–2011 годы», сориентированные «на выявление и охрану памятников культуры коренных малочисленных народов Севера».⁵

Однако территории округа изучены крайне неравномерно. Благодаря развертыванию программ довольно плотно были обследованы Ямальский и Тазовский районы и фрагментарно Шурышкарский и Приуральский. Но даже и внутри регионов ситуации с сохранностью культовых объектов и бытованием ритуальных практик весьма различны. Так, коренное население Шурышкарского района на фоне своих соплеменников, проживающих в других регионах ЯНАО, считается благополучной категорией в плане

относительно высокого уровня сохранности традиционной культуры.

Однако относительно благополучной можно назвать, например, Сыню, но далеко не Куноват, за последние 20 лет превративший практически в мертвую зону (заброшенные и исчезнувшие стойбища, культовые места и кладбища, до которых не может добраться местное население в виду элементарно отсутствия средств на бензин – удручающая картина).

Конечно, масштабы и труднодоступность регионов не позволяют быстро и кардинально изменить положение. Для преломления ситуации требуются согласованные и активные действий окружных органов власти, учреждений, призванных заниматься охраной историко-культурного наследия (ГБУ «Ямало-Ненецкий научно-инновационный центр», Служба по государственной охране и использованию культурного наследия), и муниципальных органов власти, в последнее время проявляющих серьезную заинтересованность в сохранении имеющиеся на их территории этнокультурных памятников как ввиду их большой значимости как для местных этнических сообществ, так и для устойчивого развития региональной идеологии.

Реализация проекта «Урал Промышленный – Урал Полярный» и грядущее интенсивное промышленное освоение Ямала, безусловно, представляют новую угрозу разрушения уникальных памятников истории и культуры автономного округа, что неизбежно приведет к дальнейшей трансформации традиционной культуры коренных малочисленных народов Ямала. В этих условиях региональный этноресурс должен вызвать повышенное внимание региональных администраций и экспертного сообщества, чтобы занять значимую экономическую и социально-культурную нишу. Общий мониторинг этноресурса Ямала, включающий натурное обследование и проведение этнологических экспертиз, позволит выявить реальные риски объектов этнокультурного наследия, предусмотреть возможность их сохранения и использования.

⁵ Закон об окружной целевой программе...

ПРОШЛОЕ В НАСТОЯЩЕМ
(ПОСЕЛОК ХУЛИМСУНТ В КОНЦЕ XX ВЕКА)

Е.Г. Федорова

*Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург*

Вопрос о причинах функционирования элементов традиционной культуры в современных условиях является одним из важнейших среди тех, которыми занимается этнографическая наука. Особенно привлекает внимание наличие таких элементов культуры в крупных населенных пунктах с неплохо развитой инфраструктурой. К числу последних относится и мансийский поселок Хулимсунт Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, поразивший во время экспедиции 1999 г. тем, что в мансийской его части, практически рядом с каждым домом, установлены свайные амбары (*сомбях*). Во второй половине XX в. их можно было увидеть лишь в небольших, труднодоступных деревнях, где проживало исключительно коренное население.

Поселок Хулимсунт расположен на правом берегу р. Северной Сосьвы – левого притока Оби – в ее верхнем течении. Его название переводят как «Устье нерестовой речки» (*сунт* ‘устье’, *хулюм* ‘нерестовая речка’, ‘нерестилище’) (Матвеев, 1997. С.148). По словам одного из информантов, название поселка возникло от слова *хулимхул* ‘язь’ (Федорова, 1999. Л.75).

Это место обитаемо издавна. Поселение или стоянка Хулюмсунт – один из известных археологических памятников на территории современного Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, открытый в 1926 г. Археологи относят его к энеолиту – поздней бронзе. Говорить об этнической принадлежности древнего населения, естественно, сложно, но, во всяком случае, в последние века здесь жили угры.

По имеющимся данным (конец XVIII – конец XX в.), менялся фамильный состав обитателей Хулимсунта. Так, на 1795 г. здесь

фиксируются фамилии Абарданов, Выртепенков, Паков, Похленгеев, на 1858 г. – Выртепенков, Похандеев, Четов (Пивнева, 1999. С. 236 (II), 238 (II)). XX в. дает совершенно иную картину. В 1940–50-е гг. прежних мансийских фамилий здесь уже практически нет. Наиболее распространенная для Хулимсунта фамилия в этот период – Анемгуров, затем – Пуксиков, Адин, Алгадьев. В конце XX в. мансийских фамилий здесь уже 19. Их число увеличилось более чем на 50 % всего за четверть века (подробнее см.: Федорова, 2005. С.18). Самой распространенной стала фамилия Алгадьев (по данным на середину 1999 г., – 15 семей, 49 чел.) (там же).

Алгадьевы происходят из дер. Менкья, которая располагается недалеко от Хулимсунта. Отличающий эту деревню орнамент – «щучьи зубы». Алгадьевы относятся к фратрии Мось. По поводу происхождения и фамилии, и деревни информанты привели такую легенду. «При Екатерине II был какой-то мор. В Менкье все умерли. Купцы ездили мимо и видели, что каждый раз дыма из труб идет все меньше. Потом один зашел в дом, увидел, что там остался только один мальчик. Купец взял его в Сартынью (селение в низовьях Северной Сосьвы. – *Е.Ф.*), воспитывал его со своим сыном. Приезжий дрался, его называли Алхат (манс. *алхатункве* ‘драться’. – *Е.Ф.*). Потом купец ему объяснил, где его родина, и отправил туда. Он приехал, но на старом месте деревню не построил, построил на новом. Здесь в семьях детей много не рождается» (Федорова, 1999. Л. 90). Реально эта деревня, по словам информантов, существует, примерно, с начала XIX в. В конце XX в. дер. Менкья (летняя) использовалась в качестве временного поселения. Здесь жили в период рыбалки, се-

нокоса, охоты в недавно построенных домах, сохранявших некоторые элементы конструкции традиционного мансийского жилища, в частности, свес крыши над входом. При этом не были разобраны и старые, полуразрушенные, классические мансийские дома со свесом крыши над входом, нарами и чувалом.

Не менее значимая фамилия для Хулимсунта — Адин. По словам одного из информантов, она происходит от слова *атим* — «ничего нету, что-то бросит — и нету» (Федорова, 1999. Л.36). Адины также относятся к фратрии Мось.

Мансийские фамилии Хулимсунта в основном связаны с верховьями Северной Сосьвы. В последней четверти XX в. появились и фамилии, характерные для других территориальных групп северных манси: Анямов (4 семьи, 5 чел.) и Меров (1 семья, 4 чел.) с Ляпина, Пеликов (2 семьи, 8 чел.) и Бахтияров (1 чел.) с севера Свердловской области (Федорова, 2005. С. 18). Верхнесосьвинские манси определяют границы своей территории по реке от дер. Верхнее Нильдино либо Кимкьясуя, расположенных ниже Хулимсунта. Дальше начинается земля, где живут нижней/северной/ низовьев реки люди. Как говорили информанты, они уже другие, у них другой язык.

Начало концентрации мансийского населения в Хулимсунте связано с процессом сселения, проводившегося повсеместно с конца 1950-х гг. Здесь был образован промхоз. Переселяясь из небольших деревень манси перевозили в Хулимсунт жилые дома и хозяйственные постройки. Строили и новые. В качестве одного из мастеров-строителей называли Илью Васильевича Алгадьева. Все это происходило в начале 1960-х гг. Но, по словам информантов, самые старые дома «унесло водой». В конце XX в. еще можно было увидеть два старых, полуразрушенных дома традиционной мансийской конструкции, в которых уже давно никто не жил. Специально такие дома стараются не разбирать. Кроме того, из заброшенных домов нельзя брать оставленные там вещи. Считается, что какие-то из них могут быть посвящены духам, например, обычная ложка — «приснился сон — решили посвятить» (Федорова, 1999. Л.38).

Еще в середине 1970-х гг. Хулимсунт был сравнительно небольшим населенным пунктом, входившим в состав Няксимвольского сельсовета. Во второй половине 1970-х гг. здесь насчитывалось 29-30 хозяйств, с населением в 130-140 чел., подавляющее большинство из которых составляли манси (Федорова, 2005. С.10). Прочих было в разные годы от 3 до 5 чел.

Во второй половине 1970-х гг. в Хулимсунте появляются газовики (Сосьвинское линейно-производственное управление газопровода, в конце XX в. являвшееся основным предприятием поселка). В 1990 г. поселок отделяется от Няксимволя и становится самостоятельным административным образованием. В 1999 г. здесь числилось уже 1523 чел., из них манси 262 чел., хантов 16 чел., ненцев 5 чел. (Федорова, 1999. Л.48).

В это время поселок состоял из двух основных частей: современной, с многоэтажными домами и мансийской, которая располагалась выше по течению реки. Это важный момент: ниже по течению находится чужой мир. Аналогичное расположение мансийской части селения еще сравнительно недавно фиксировалось и в других крупных населенных пунктах.

В Хулимсунте между частью поселка с типовыми многоэтажными домами, школой, детским садом, оборудованной детской площадкой, магазинами, домом культуры, врачебной амбулаторией, аптекой и т.д. и мансийской частью — ряд коттеджей и кладбище. Таким образом, кладбище, как и положено у манси, ниже по течению реки относительно их жилищ. Рядом с кладбищем можно было увидеть следы землянок, вход-коридор которых направлен в сторону реки. Эти землянки информанты связывали с периодом, который называют «старое время» — *нес пора* (300-400 лет назад). По их словам, там жили «местные люди, которые воевали».

В мансийской же части поселка дома и амбары были ориентированы по-разному: дома, в основном, входом в сторону реки, амбары — в сторону леса или параллельно реке.

Свайные амбары — наиболее яркие и заметные, как уже говорилось, постройки в мансийской части Хулимсунта конца XX в.

Сохранились более старые сооружения, сделанные в соответствии с мансийской традицией — со свесом крыши над входом, с помостом под этим свесом (повторение конструкции жилого дома со свесом крыши), с лестницей в виде бревна с зарубками (рис. 1). Были и сравнительно новые амбары, в основном повторяющие традиционные постройки. Некоторые из них имели не характерные для традиционных амбаров детали. Например, на одной из усадеб был поставлен амбар с входом в боковой стене. Так оказалось удобнее, поскольку место, где он находился — рядом с забором и деревом, которое хозяева не захотели срубить. Сделать вход в соответствии с традицией в данном случае не удалось. У некоторых амбаров имелись «сенки»

В Хулимсунте в 1999 г. были как четырехсвайные, так и шестисвайные амбары. Стандартная высота свай — около 1,5 м. Встретились амбары на сваях высотой и до 2 м. Они располагались в пределах усадьбы (во дворе, в огороде), а также за ее границами. Нередко на усадьбе встречалось по два и более свайных амбара, что характерно для традиционной культуры манси. Наиболее распространенный вариант — стоящие рядом бревенчатый и дощатый амбары (рис. 2). В бревенчатом хранили одежду и обувь, в дощатом — продукты зимой. В летнее время в дощатых свайных амбарах спали дети. Известны также амбары для хранения культовых предметов, куда, по словам информантов, «лазили только мужчины».

Помимо амбаров в Хулимсунте сохранились и другие традиционные хозяйственные сооружения. К ним относятся коптильни — в плане почти квадратные, высокие, защищенные по сторонам досками, с отверстием внизу, чтобы разводить костер. Над ним на тонких жердях кладут рыбу. Оленьи камусы коптели в специальных берестяных бочках. В Хулимсунте были также и сооружения для сушки юколы — помосты с двускатным навесом, огороженные панцирной сеткой, вешала для сушки сетей. Встречались еще постройки для содержания скота, совсем недавно широко распространенные в среднем



Рис. 1. Свайный амбар с лестницей. Пос. Хулимсунт, Березовский р-н, ХМАО — Югра. МАЭ РАН, колл. № И-2194-84. Фото Е.Г. Федоровой, 1999 г.



Рис. 2. Бревенчатый и дощатый свайные амбары. Пос. Хулимсунт, Березовский р-н, ХМАО — Югра. МАЭ РАН, колл. № И-2194-109. Фото Е.Г. Федоровой, 1999 г.



Рис.3. Постройки для содержания скота.
Пос.Хулимсунт, Березовский р-н,
ХМАО – Югра. МАЭ РАН,
колл. № И-2194-75.
Фото Е.Г.Федоровой, 1999 г.

и верхнем течении Северной Сосьвы, – с загонном и плоской крышей для хранения сена (рис.3). На некоторых усадьбах Хулимсунта можно было встретить их трансформированный вариант – с надстройкой над плоской крышей.

Традиционные хозяйственные сооружения особенно были заметны на фоне строящихся домов, уже русского типа. Строительство жилья в этой части поселка все же велось, несмотря на то, что Хулимсунт несколько раз исключали из соответствующей программы, существовавшей в Округе, а также на проблемы со стройматериалами. Эти проблемы называли многие из тех, с кем пришлось разговаривать. Нельзя не отметить, что многодетным семьям в это время за счет поссовета покупали квартиры в новой части поселка. Но желающих строить свои дома в Хулимсунте было много. Некоторые получали ссуду по акции Газпрома. К 1999 г. вместо денег по этой акции выделяли стройматериалы.

Во многих семьях сохранялись и те предметы традиционной культуры, которыми уже давно не пользовались. Их держали, как говорили, на память. Это утварь, одежда, орудия труда, сухожильные нитки, прикрепленные к утиной косточке, и др. Но в мансийской одежде, даже в мансийской части поселка, уже не ходили, что, хотя и

нечасто, можно было наблюдать в таких крупных населенных пунктах, как Няксимволь и Саранпауль.

Хранение традиционных, уже не используемых вещей характерно для северных манси в целом. Но это не бросается в глаза пришлому населению – вещи находятся в доме, нередко в чемоданах, шкафах, сервантах и т.д. Таким образом, по культурному облику манси не отличаются от всех остальных жителей того или иного поселка. Другое дело – свайные амбары Хулимсунта, сразу же бросающиеся в глаза любому, кто оказывался в этой части поселка. Причем поселок хотя и отдаленный, но все же хорошо доступный: около него проходил путь с Урала на Обь («царская дорога»), несколько десятилетий назад, весной, когда была большая вода, ходил пароход. С приходом газавиков появилось авиасообщение.

Возможно, сохранение традиционных хозяйственных построек в поселке такого типа объясняется тем, что в его современном виде он формировался в тот период, когда стало меняться в целом отношение к культуре коренного населения. Отпала необходимость прятать от посторонних глаз нужные, но слишком заметные предметы, постройки. Поэтому они и остались.

Конечно, это лишь один из возможных вариантов объяснения того, почему сохраняются те или иные элементы традиционной культуры. Понятны причины, по которым остаются, например, некоторые транспортные средства, промысловая одежда, ловушки. Несмотря на все научно-технические достижения не во всех случаях удалось найти замену тому, что вырабатывалось веками и лучше всего приспособлено к условиям конкретной местности, хозяйственным занятиям и т.п. Понятны причины, по которым сохранялись, уходя «в подполье», знаковые вещи – не всегда можно было продемонстрировать принадлежность к определенному народу или его части, отправлять какие-то обряды. Свайные амбары Хулимсунта конца XX в. в определенном смысле можно причислить к знаковым элементам культуры, к

знаковым – в другом плане, уже именно по отношению к этому периоду. Если ориентироваться на привычную для исследователя схему, в поселках такого типа – крупных,

с преобладанием пришлого населения – должна быть полностью утрачена традиционная культура. Но пример Хулимсунта показывает, что существуют исключения.

Список литературы и источников

Матвеев А.К. Географические названия Тюменского Севера. Краткий топонимический словарь. Екатеринбург, 1997.

Пивнева Е.А. Манси: популяционная структура, этнодемографические процессы (XVIII-XX вв.). М., 1999.

Федорова Е.Г. Материалы экспедиции в Березовский р-н Тюменской обл. (манси верховьев Северной Сосьвы). 1999 г. // Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2, № 1733.

Федорова Е.Г. Сосьвинско-ляпинские манси: некоторые аспекты этнодемографической и хозяйственно-культурной ситуации // Сибирь на рубеже тысячелетий. Традиционная культура в контексте современных экономических, социальных и этнических процессов. СПб., 2005.

Подписи к иллюстрациям:

Рис.2. Свайный амбар. Пос.Хулимсунт, Березовский р-н, ХМАО – Югра. МАЭ РАН, колл. № И-2194-68. Фото Е.Г.Федоровой, 1999 г.

**ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ
К УПРАВЛЕНИЮ РАЗВИТИЕМ ТРУДА
В ТРАДИЦИОННОМ ХОЗЯЙСТВОВАНИИ
ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА**

А.Н.Кугаевский

Заместитель Губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа

В настоящее время перед традиционным хозяйствованием коренных малочисленных народов Севера стоят новые вызовы и задачи, решение которых требует инновационных подходов не только на краткосрочную, но и на долгосрочную перспективу. По объекту воздействия инновации можно разделить на институциональные, технико-технологические и организационные¹.

Современные задачи управления развитием трудовой деятельностью в традиционном хозяйствовании приходится решать в районах сосредоточения месторождений полезных ископаемых, а они, как правило, расположены в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера. В связи с тем, что в течение 30-40 лет на Севере произошло значительное сокращение площади оленьих пастбищ и охотничьих угодий, в технико-технологических инновациях нуждаются, прежде всего, процессы добычи и переработки природных ресурсов, минимизирующие экологическую нагрузку и в виде замкнутых производственных циклов².

В области технико-технологических инноваций в Ямало-Ненецком автономном округе есть определенные успехи — в настоящее время внедряются безотходные технологии переработки продукции оленеводства, рыболовства, основанные на создании компактных комплексных производств и инновационных технологиях, имеющих международный сертификат. Эти инновационные технологии ориентированы на максимальную занятость коренных малочисленных народов Севера в

традиционном хозяйствовании. Модернизированные производства по переработке сырья традиционных промыслов способны выпускать крупные партии высококачественной продукции, имеющие спрос на региональных, межрегиональных и международных рынках сбыта. Внедренные технико-технологические инновации позволяют увеличивать сроки хранения выпускаемой продукции, что в условиях Севера играет немаловажную роль.

Современные технологии позволяют осуществлять полную утилизацию биологического сырья. При этом специализация смещается от производства пищевой продукции и элементов бытового обихода в сторону производства биологически активных веществ, разнообразных пищевых добавок и субстанций для производства лекарственных и косметических препаратов. Использование новейших технологий дает возможность получать продукцию нового поколения, имеющую свойства предупреждать развитие различных заболеваний. В состав этой продукции входят продукты питания, косметические средства, медицинские препараты из крови оленей и желез внутренней секреции и т.д. Вся эта продукция в десятки, а то и в сотни раз позволит получить более высокие доходы по сравнению с продукцией первичной переработки.

Ткани и органы северного оленя содержат чрезвычайно активные биологические вещества, которые перспективны как сырье для производства медицинских препаратов, биологически активных добавок и сред (БАД и БАС). Развитие производства биологически-активных препаратов (экстракты из внутренних органов, крови, рогов, коллаген из дефектных кож и т.д.) потребует активного вовлечения в этот процесс науки и бизнеса. Развитие этого направления укрепит экономическую основу жизни коренных малочис-

1 Гальцева Н.В. Предпосылки и перспективы реструктуризации экономики Магаданской области. М.: КомКнига, 2009. С. 186-187.

2 Арбатов А.А. Производительные силы и социально-экономическая динамика / Труды Всерос. Науч. Конф. 20-21 окт. 2005 г., посвящ. 90-летию СОПС. М., 2007. С. 121-129.

ленных народов севера в XXI веке, потребует реализации других инновационных проектов и их последующего тиражирования.

В настоящее время перед учеными стоит задача разработки технологий глубокой переработки продукции рыболовства, которые были бы реализуемы силами локальных сообществ или предприятиями с их активами. Данные технологии должны обеспечивать производство востребованной на развитых рынках конкурентоспособной пищевой и фармакологической продукции. В рамках этого проекта на научной основе планируется создание и развитие центра по воспроизводству ценных пород рыб Обского бассейна (рыборазводного и научного комплекса). Проекты по биоресурсам оленеводства и рыболовства представляют собой часть международного проекта «Сохранение здоровья пришлого и коренного населения Арктики», реализуемого в рамках международной межправительственной организации Арктический Совет.

В предстоящие десятилетия экономика государства также будет развиваться за счет промышленного освоения северных недр. Следовательно, для развития многоукладной экономики необходимо внедрять инновационные технологии как в сфере добычи и переработки природных ресурсов, так и в сфере традиционного хозяйствования.

Вопросы взаимодействия государственных органов и частных структур в современных условиях приобретает особую значимость. Использование инструментов государственно-частного партнерства для развития экономики и завершения формирования базовой социальной, транспортной, энергетической, информационной инфраструктуры в северных регионах России, особенно в Арктической зоне Российской Федерации постоянно расширяется.³

Государственно-частное партнерство проявляется во взаимодействии государства и бизнеса для решения общественно значимых задач на взаимовыгодных условиях. Отличительной чертой ГЧП является то, что при

этом типе взаимодействий государство не реализует властные отношения, а выступает в роли партнера бизнеса⁴.

В округе разрабатывается новая инвестиционная программа на основе инновационных технологий, создаются льготные условия для инвесторов, развивается государственно-частное партнёрство, основанное и нацеленное на прорывные высокотехнологичные проекты.

Традиционные промыслы на Ямале ведутся одновременно с реализацией крупных инвестиционных проектов и программы комплексного освоения месторождений полуострова Ямал и прилегающих акваторий; программы комплексного освоения месторождений Ямала и севера Красноярского края; проектом «Урал промышленный – Урал полярный». Участники реализации проектов, региональная и местная власть, а также общины коренных народов Севера ищут пути конструктивного взаимодействия и баланса интересов всех участников для дальнейшего социально-экономического развития округа.

В сельских поселениях и межселенных территориях Ямала, которые вовлекаются в зону индустриального освоения, реализуются мероприятия в рамках федеральных программ. Это меры государственной поддержки социально-экономического развития сельских территорий в зоне промышленного освоения полуострова Ямал и прилегающих акваторий, предлагаемые к финансированию за счет межбюджетных субсидий, федерального бюджета; подпрограммы «Защита окружающей среды, экологический мониторинг при освоении месторождений полезных ископаемых полуострова Ямал и прилегающего шельфа Карского моря» в составе ФЦП «Снижение рисков и смягчение последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Российской Федерации».

При реализации сценария гармоничного сочетания индустриального и традиционного укладов жизни в рамках Программы комплексного освоения месторождений ЯНАО

³ Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».

⁴ Государственно-частное партнерство в образовании. – М.: КДУ, 2009. – 242 с.

и севера Красноярского края до 2020 года предусматривается развитие селекционно-племенной работы и оптимизация численности поголовья оленей, развитие переработки сельскохозяйственного сырья, развитие системы факторий, формирование системы разряженного расселения коренного населения при переходе на оседлый образ жизни, образовательные программы для КМНС.

Обеспечение трудовой занятости коренных малочисленных народов Севера решается путем введения новых промышленных мощностей по глубокой переработке рыбной и мясной продукции, а также создания нетрадиционных условий хозяйствования, развития сети факторий, расширения спектра услуг, оказываемых тундровикам; подготовки и переподготовки специалистов из числа коренных малочисленных народов Севера; сохранения существующих природных систем и поддержания их целостности.

Важную роль в установлении баланса интересов играет бизнес, его социальная ответственность. Предприятия ТЭК занимают активную позицию в реализации социальной политики округа. Большинство нефтегазовых компаний, работающих на Ямале, заключают ежегодные или долгосрочные договоры с органами местного самоуправления, общинами коренных народов Севера, на территории которых они ведут свою деятельность. Административные центры Новый Уренгой, Надым, Ноябрьск, Салехард и др., где работают социально ответственные компании крупного бизнеса, имеют высокие уровни обеспеченности основными объектами социальной инфраструктуры. С участием бизнеса осуществляются компенсационные и природоохранные мероприятия, строительство жилья, обустройство мест традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера, решаются многие насущные проблемы жителей и органов местного самоуправления.

В соответствии с окружным Законом «О недрах и недропользовании» в Ямало-Ненецком автономном округе в Генеральных соглашениях между администрацией округа

и недропользователями определяются не только взаимные обязательства, но и ответственность, и финансовые гарантии всех участников соглашения.

Организационные инновации проявляются в том, что руководство администраций районов и сельских поселений, а также непосредственно их жители активно участвуют в открытых публичных обсуждениях с участием представителей бизнеса по проблемам трудовой деятельности в традиционном хозяйствовании в округе, совместно ищутся и принимаются согласованные решения. Для согласования интересов традиционного и индустриального укладов жизни, минимизации ущерба для трудовой деятельности коренных малочисленных народов Севера, возникающего при строительстве железных и автомобильных дорог, системы магистрального транспорта газа и нарушающих маршруты календария оленей, официальные органы управления округа учитывают мнение неправительственных общественных организаций, в т.ч. регионального отделения Ассоциации коренных малочисленных народов Севера «Ямал-потомкам!». Подобные открытые публичные диалоги между органами власти, представителями бизнеса и коренных этносов являются крайне эффективным способом выявления проблемных вопросов и поиска компромиссных решений. Эти мероприятия дают возможность более глубоко ознакомиться с проблемами непосредственно на месте и найти оптимальные пути решения существующих проблем с участием всех заинтересованных сторон.

В автономном округе в настоящее время идут процессы модернизации системы здравоохранения и образования, развития культуры и спорта, усиливается поддержка граждан, нуждающихся в социальной помощи. Крупные компании, работающие на северных территориях Ямала, участвуют практически во всех социальных проектах муниципальных властей и общин коренных малочисленных народов Севера.

Таким образом, защита трудовой деятельности в традиционном хозяйствовании корен-

ных малочисленных народов Севера является неотъемлемой частью социальной практики власти и бизнеса на Ямале.

В ближайшие годы через территорию Ямала будут проложены железные дороги, нефтегазопроводы и другие инженерно-технические коммуникации нефтегазового комплекса, будет пущено в промышленную эксплуатацию Бованенковское месторождение, планируется завершить строительство железной дороги Обская-Бованенково, продолжится реализация проекта «Урал Промышленный – Урал Полярный», будут создаваться газоперерабатывающие производства. Эти мероприятия отразятся на трудовой деятельности в традиционном хозяйствовании: возникнут неизбежные проблемы по содержанию стад оленей, его структуре и качеству получаемой продукции, сократится площадь пастбищ и нерестилищ рыбы. Техногенное воздействие на водные объекты приведет к сокращению запасов промысловых видов рыб.

Наибольшему воздействию промышленного освоения Ямала подвергнутся территории Ямальского, Надымского и Приуральского районов с проживающими здесь коренными малочисленными народами Севера. От правильно выстроенной системы управления развитием их трудовой деятельности в традиционном хозяйствовании во многом будет зависеть сохранение и самих народов Севера.

С целью осуществления компенсационных мероприятий ООО «Газпром добыча Надым» подписан договор пожертвования, в соответствии с которым функциями главного администратора доходов окружного бюджета по компенсационным выплатам и главного распорядителя средств окружного бюджета наделен департамент по развитию АПК ЯНАО. Объем финансирования по указанному договору с 2008 по 2011 годы составляет более 7,5 млрд. руб.

Компенсационные мероприятия предусматривают ряд проектов по реконструкции и строительству жилищного фонда, объектов социально-бытового обслуживания, культуры, образования и здравоохранения, объектов переработки агропромышленного

комплекса – всего 109 различных объектов, а также осуществление мероприятий по гармоничному сочетанию индустриального и традиционного укладов жизни, природоохранные и природовосстановительные мероприятия.

В настоящее время в рамках государственно-частного партнерства проведены мероприятия по обустройству факторий в Приуральском и Ямальском районах. Приобретены жилые дома для обслуживающего персонала, здания хлебопекарни, фельдшерско-акушерского пункта, магазина, бани, дизельные электростанции, просчетные корали для трех муниципальных оленеводческих хозяйств и национальных общин.

Организационными инновациями являются и новые эффективные формы управления трудовой деятельностью в традиционном хозяйствовании, которые воплощены в Государственном учреждении «Объединение по экономическому развитию коренных малочисленных народов Севера». На 1 января 2011 года в Реестре Объединения учтено 90 общины автономного округа. Основные виды деятельности общин: оленеводство, рыболовство, охот-промысел, производство сувенирной продукции, эко- и этно-туризм. По данным на 01.01.2011 г. общая численность работающих в общинах – более 1100 человек. Зарегистрированное поголовье оленей, являющихся собственностью общин малочисленных народов Севера автономного округа составляет порядка 130 тыс. голов.

Объединение осуществляет следующие виды деятельности:

- предоставление рекомендаций и консультаций по подготовке юридических документов по регистрации, внесению изменений в учредительные документы, ликвидации малых форм хозяйствования (общины коренных малочисленных народов Севера, крестьянско-фермерские хозяйства, личные подсобные хозяйства, индивидуальные предприниматели);
- консультирование по вопросам коммерческой деятельности и управления малыми предприятиями;

- разработка бизнес-планов, их сопровождение, консалтинг;

- оказание консультационных, офисных и бухгалтерских услуг для малых предприятий, предпринимателей;

- организация семинаров, обучения и повышения квалификации работников малых предприятий, предпринимателей;

- деятельность, разработка методических материалов и рекомендаций;

- содействие в проведении конференций, деловых встреч, «круглых столов» и переговоров.

- создание и ведение реестра банка малых форм хозяйствования коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа;

- организация выставок изделий народных художественных промыслов, сувениров;

- предоставление рекомендаций и консультаций по участию малых форм хозяйствования в развитии этнографического и аборигенного экологического туризма в Ямало-Ненецком автономном округе.

Сдача мяса общинами производится на убойный комплекс МП «Ямальские олени» и заготовительным организациям в муниципальных образованиях автономного округа по цене 140–144 руб./кг (35 млн.руб). Ведется работа со страховыми компаниями по возможности страхования поголовья северных оленей.

Таким образом, совместными усилиями Правительства округа, ресурсодобывающих компаний и местной власти удастся осуществить комплексную перестройку методов хозяйствования коренных народов Севера и новых подходов к управлению трудовой деятельностью членов общин.

Вопросы совершенствования управления развитием трудовой деятельности в традиционном хозяйствовании коренных малочисленных народов Севера зависят от институциональных, технико-технологических, организационных инноваций при взаимодействии государства, бизнеса и коренных народов Севера. При этом научные организации проводят анализ текущего состояния

многоукладной экономики округа и прогнозируют дальнейшее развитие традиционного хозяйствования в условиях реализации программы по освоению месторождений Ямала.

Как представляется, совершенствование управления трудовой деятельностью коренных малочисленных народов Севера должно включать в себя:

- расширение практики заключения органами государственной власти и органами местного самоуправления северных субъектов Российской Федерации с предприятиями и организациями бизнеса соглашений, направленных на улучшение социальной инфраструктуры мест традиционного проживания и дополнительного социального обеспечения и социального обслуживания коренных малочисленных народов Севера, занятых в традиционном хозяйствовании;

- повышение уровня корпоративной социальной ответственности промышленных компаний;

- проведение компенсационных мероприятий, нацеленных на гармоничное сочетание индустриального и традиционного укладов жизни;

- подготовку высококвалифицированного менеджмента и специалистов на уровне мировых стандартов с инновационным мышлением из числа представителей малочисленных народов Севера; готовых и способных решать инновационные задачи, эффективно управлять предприятиями агрокомплекса в рыночных условиях с учётом возможностей и перспектив развития (инновационного, инвестиционного и риск менеджмента, проектного и венчурного финансирования, прикладной научной сферы АПК, в области высокотоварного племенного оленеводства, международных рынков и маркетинга, фармакологии и фармацевтики и т.д.);

- совершенствование и развитие системы социальной поддержки работников традиционных отраслей хозяйствования;

- изучение передового зарубежного опыта и адаптация его к российским условиям.

Таким образом, для совершенствования управления трудовой деятельностью в тра-

диционном хозяйствовании коренных малочисленных народов Севера представляется целесообразным использовать комплексные

инновации, которые обладают синергетическим эффектом. Опыт Ямало-Ненецкого округа является этому подтверждением.

Литература:

1. Арбатов А.А. Производительные силы и социально-экономическая динамика / Труды Всерос. Науч. Конф. 20-21 окт. 2005 г., посвящ. 90-летию СОПС. М., 2007. С. 121-129.
2. Гальцева Н.В. Предпосылки и перспективы реструктуризации экономики Магаданской области. М.: КомКнига, 2009. С. 186-187.
3. Государственно-частное партнерство в образовании. – М.: КДУ, 2009. – 242 с.
4. Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ
В ПУРОВСКОМ РАЙОНЕ
ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

И.А. Карапетова

Старший научный сотрудник Российского этнографического музея, к.и.н.

В августе—сентябре 2003г. и 2004г. Российским этнографическим музеем были проведены две экспедиции в Пуровский район Ямало-Ненецкого автономного округа к лесным ненцам. Работа проходила в Тарко-Сале, д. Харампур, на стойбищах в районе Нябы яха, Медвежьей горы и реки Чебачьей среди харампуровской группы лесных ненцев. Последняя по времени поездка в этот район была осуществлена музеем в 1984 г. За это время в регионе произошли существенные изменения, вызванные интенсивным промышленным вторжением в среду обитания лесных ненцев, селькупов, хантов, таким образом, возникла настоятельная необходимость в изучении ситуации, сложившейся в районе и её влияния на культуру коренных народов.

Численность лесных ненцев на сегодняшний день не превышает 2000 человек. Они населяют подзону северной тайги — периферию тундрового и таежного ареалов на территории Ямало- Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов. Основной их этнический массив проживает в Пуровском районе Ямало-Ненецкого автономного округа. Природный фактор, а также близкое соседство с селькупам и хантами — Пуровский район является этноконтактной зоной, где тесно соприкасаются культуры лесных ненцев, селькупов и хантов — в значительной мере предопределили особенности культуры и специфику хозяйственного уклада лесных ненцев. Основу его в прошлом составляла охота на пушных (белку, песца), водоплавающую (уток, лебедей), боровую дичь и дикого оленя. Важную роль играло оленеводство и рыболовство — неводное, сетевое и заборное. В системе ведения хозяйства лесных ненцев, особенно оленеводства, сочетались тундровые элементы с таежными чертами (Карапетова, 2001, С. 2003-2004).

По данным на 1 января 1984, полученным из похозяйственных книг, на территории Тарко-Салинского и Халясавинского сельских советов проживало 1176 человек (252 семьи), представителей коренных национальностей. Из них селькупов насчитывалось 157 чел., хантов — 21чел., тундровых ненцев — 30 чел. Лесные ненцы составляли большинство: 954 человек (206 семей). Ввиду того, что тарко-салинские ненцы с получением в 1976 году Тарко-Сале статуса рабочего посёлка, перестали учитываться среди сельского населения, часть ненецкого населения не была учтена. По нашим данным в Тарко-Сале проживало 12-15 семей лесных ненцев, приблизительно от 37 до 45 человек.

Большая часть коренного населения работала в совхозе Верхне-Пуровский, на Пуровском рыбзаводе и Халясавинском Промыслово-Охотничьем хозяйстве, и была занята в традиционных для себя отраслях хозяйства. Ведущими отраслями совхоза Верхне-Пуровский были оленеводство, охота, рыболовство и клеточное звероводство. При совхозе работала и меховая мастерская. Совхозное стадо насчитывало 7100 голов. Часть стад выпасалось к северу от Тарко-Сале, часть к Югу. Выпасом занимались 6 бригад — 33 человека, личное стадо которых, по официальным данным на 1979 г. составляло 909 голов, кроме того, 83 человека работали рыбаками, 14 -охотниками и 28 женщин чумработницами. На Рыбзаводе рыбаками числилось 31 человек. В Халясавинском ПОХе работало 90 тундровиков рыбаками и охотниками. Трудоустроены были, главным образом, мужчины. Женщины были заняты в меховой мастерской, в разделочных цехах Рыбзавода, работали чумработницами в стадах. Коренное население вело в основном кочевой образ жизни, что было связано со

спецификой их хозяйственной деятельности: производственным кочеванием в оленеводстве и удалённостью промысловых угодий от населённых пунктов в охоте и рыболовстве.

Жилье в поселке Тарко-Сале имело не более 15 семей, а дома в д. Харампур и Халясавай, предназначенные для коренного населения, просто пустовали. Ненцы проживали главным образом на стойбищах.

Уровень образования был очень низок. Старшее поколение было либо безграмотным, либо имело начальное образование. Молодежь, как правило, заканчивала 5–6 классов, бросала школу, и возвращалось к родителям на стойбище.

До середины 1980-х годов лесные ненцы во многом сохраняли традиционный образ жизни и элементы своей традиционной культуры: жилище, одежду, утварь, средства передвижения. Аграрный сектор в 1970-х первой половине 1980-х гг. играл важную роль в экономике Пуровского р-она.

1990-е годы оказались переломными в жизни коренного населения региона, с этого времени экономику района стал определять нефте-газовый комплекс. Пуровский район за эти годы становится важной базой нефтедобывающей промышленности. На его территории в настоящее время добывается 90% нефти и 50% газа в целом по Ямало-Ненецкому округу и более 2/3 природного газа России. Активное промышленное освоение территории Пуровского района за последние 20 лет, способствовало быстрому росту городского населения: на карте района появились города: Ноябрьск (109 тыс. чел), Губкинский (21тыс. человек), Муравленко (36,5 тыс), новые посёлки: Пуровск, Пурпе, Ханымей. Изменился национальный состав района: на фоне интенсивных миграционных процессов удельный рост ненцев, селькупов и хантов неуклонно снижался, и ныне составляет 2% (это притом, что численность КМНС не сокращается), что повлекло изменение и социокультурной среды в регионе в целом.

Масштабное промышленное освоение Пуровского района привело к резкому изменению экологической ситуации, сокра-

щению природно-ресурсной базы (отторжение земель под объекты нефте-газового комплекса и загрязнение их, строительство городов, ж/д,) и свертыванию традиционных отраслей хозяйства. Кроме того, с переходом к рыночной экономике, оказалась разрушенной и система сбыта сельхозпродукции. Традиционные отрасли приходили в упадок, и аграрное хозяйство оказалось практически не интегрированным в экономику района.

Ситуация на 2004 год была такова. По данным на 1 января 2004 г. на территории Пуровского района (быв Нижнее-Пуровский, Верхне- Пуровский и Тарко-Салинский с/с) проживает 2763чел. - представителей коренного населения. Из них около 1150 чел. – лесные ненцы¹, 222-ханты, 179- селькупы, около 1249- тундровые ненцы, которые населяют главным образом север Пуровского района (Самбургский административный совет). Увеличение численности хантов, по сравнению с 1984г. произошло потому, что 1970-ые годы в Пуровский район переселились ханты с Тромъегана, с территории Русскинского сельсовета. При этом они оставались работниками Русскинского Промохотобъединения Сургутского коопзверопромхоза (Коренное население Пуровского района..., 1993. С. 70).

В 2004 г. коренное население Пуровского района по – прежнему оставалось преимущественно сельским населением. Не последнюю роль в этом играл и тот фактор, что уровень образования пуровских лесных ненцев на сегодняшний день в целом остается низким. Так, среди работников СПК

«Верхнепуровский», которые работают рыбаками, охотниками и оленеводами, а это люди родившиеся главным образом в 1960-70 гг, 41 человек имел начальное образование, 67 –неоконченное среднее и 2 -среднеспециальное. Люди, имеющие высшее образование из числа лесных ненцев -19 человек (5 мужчин и 14 женщин) и среднеспециальное образование – 56 человек (5 мужчин и 51 женщина) являются работниками бюджетных организаций: администрации, бухгалтера в

¹ Вторая по численности группа лесных ненцев – варьеганская, населяющая Нижневартовский р-он ХМАО, насчитывает 233 чел (ПМА 2010г.).

общинах, учителя в школах, воспитатели в детских садах, медсестры, сотрудники музея. Надо отметить, что район оплачивает обучение в вузах представителям коренных национальностей. Число лиц, получающих специальное и высшее образование растет, но работу по специальности получить трудно. Помимо того, что идет жесткий отбор, требуется стаж работы и прописка. Молодежь, получив высшее образование, подчас не имеет четких целей и планов на будущее и не всегда готова к активным самостоятельным действиям.

Большая часть лесных ненцев, селькупов и хантов Пуровского р-она, как и 20 лет назад занята в традиционных отраслях хозяйства. Именно они обеспечивают высокий процент занятости коренного населения и дают возможность реализовать себя.

В Сельскохозяйственном производственном кооперативе «Верхне-Пуровский»

(быв. Совхоз Верхне-Пуровский) трудится 85 семей – 172 чел., большинство из которых составляют лесные ненцы. Из них 48 чел (29 мужчины 19 женщин) работают в оленеводстве, охотниками и рыбаками числятся 29 чел. (22 мужчин и 7 женщин) и, кроме того, 23 женщины являются чумработницами. 17 человек заняты на звероферме и 14 в меховой мастерской. В прошлом в с/х «Верхне-Пуровский» самой рентабельной отраслью было оленеводство, но в 1990-е гг. оно пришло в полный упадок. Большая часть пастбище-пригодных земель была выведена из хозяйственного оборота. Только за 2003года удалось восстановить поголовье до 5685 голов и был произведен первый забой оленей – 60 голов. Все эти годы отрасль работала не на прибыль, а на восстановление. Однако, следует отметить, что за эти годы увеличилось поголовье оленей находящихся в личной собственности, содержащихся для нужд семьи.

Таблица 1.

Наличие оленей в общественном и частном секторе по Пуровскому району.

По совхозам	на 01.01.2002г.	на 01.01.2003г.
СПК «Верхне-Пуровский»	5218	5685
ОАО «Совхоз Пуровский»	13047	12395
ИТОГО:	18265	18080
Частный сектор	на 01.01.2002г.	на 01.01.2003г.
с\Самбург	8938	9049
Рыбаки-охотники СПК «Верхне-Пуровский»		2684
Община «Еты-Яля» Халесовэй	767	868
Община «Харампуровская»	722	878
Община «Ича»	342	435
Община «Пяко-Пуровская»	1340	970
Община «Сугмутско-Пякутинская»	3020	3043
ИТОГО:	15129	17927
Всего по району согласно просчета:	33394	36007

Большая часть коренного населения в 2004г. была трудоустроена в общинах. На территории Пуровского р-она (быв. Тарко-Салинский и Халясавинский с/с) к 2004 г. было организовано 5 общин: «Харампуров-

ская», куда входила 41 семья, «Еты-Яля» (Халясавэй) – 121 семья, «Пяку-Пуровская (Ханымей)» – 22 семьи., «Ича» (Толька) – 50 семей, «Сугмутско-Пякутинская» (Муравленко) – 43 семьи. В первых трех

объединены преимущественно лесные ненцы, в «Иче» главным образом селькупы, а в «Сугмунтинско-Пякутинской» – ханты. Число рабочих мест в них не ограничено, и за последние годы по данным

Е.А.Волжаниной, численность работников, например «Пяку-Пуровской» общины, выросла к 2008 г. с 36 до 59 человек (Волжанина, 2010. С. 178). Все они считаются кочующим населением.

Таблица 2.

**СВЕДЕНИЯ О ЧИСЛЕННОСТИ КОЧУЮЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ НАРОДНОСТЕЙ СЕВЕРА ПУРОВСКОГО РАЙОНА
на 1 января 2004 года**

	стр	ВСЕГО		с.Халясовэй		с.Самбург		д.Харампур	
		х-в	населения	х-в	населения	х-в	населения	х-в	населения
Общее количество кочующих хозяйств	1	220	1126	64	360	135	643	21	123
в том числе :									
Число кочующих хозяйств НС		209	1088	64	360	124	605	21	123
из них :									
численность женщин	3		506		175		300		31
численность лиц трудоспособного возраста (оба пола)	4		411		122		265		24
численность женщин трудоспособного возраста	5		184		48		119		17
Численность работающих оба пола	6		304		96		187		21
Численность работающих женщин	7		144		47		86		11
Число кочующих хозяйств.не относящихся к НС	8	11	38			11	38		
Распределение кочующих по месту работы :									
Минсельхоз	9	0	0						
С.х кооперативы	11	94	583			79	469	15	114
Центрсоюз	10	0	0						
итд	12	50	288	44	274	6	14		
Прочие	0	0	0						
Глава-неработающий пенсионер	13	65	217	20	86	39	122	6	9
Другие постоянно проживающие	14	11	38			11	38		
С.х кооперативы	15	11	38			11	38		

Созданы эти организации главным образом для поддержания традиционных отраслей и обеспечения представителей коренных национальностей работой, а также урегулирования взаимоотношений с ресурсопользователями (нефтегазовым комплексом) на территории Пуровского района. В уставе общин, например общины «Харампуровская», записано, что они являются «формой организации местного самоуправления коренных малочисленных народов Севера... по месту их жительства на части территории муниципального образования»². В отличие от Ханты-Мансийского автономного округа, в Ямало – Ненецком округе не были выделены так называемые территории традиционного землепользования. В ХМАО они были разграничены по старым родовым угодьям и находятся в безвозмездном пользовании «для осуществления традиционного образа жизни, ведения традиционного хозяйствования» согласно Закона ХМАО – Югры от 31.12.2004 № 95-оз.

Земля в ЯНАО, являясь собственностью муниципального образования, сдается в аренду не отдельным собственникам, а организациям. Например, Сельскохозяйственному производственному комплексу «Верхнепуровский» и общинам. Нефтяники, получая лицензионные участки для ведения нефтегазодобычи на территориях, относящихся к общинам или СПК Верхне-Пуровский, заключают четырёхстороннее соглашение на выплату компенсаций за изъятие земель, которое подписывает предприятие, глава района, община, и ассоциация «Ямал-потомкам». На эти деньги ведётся строительство в национальных посёлках³. Так, в посёлке Харампур за 2002-2004 годы был построен жилой комплекс для школы-интерната и жилые двухуровневые коттеджи, всего 16. В будущем 2005 г. должны были построить гараж, автозаправку и рыбный цех для соления и заморозки рыбы. По списку поданному главой общины приобретались так называемые товарноматериальные

² ПМА 2004г.

³ К числу национальных поселков, где преобладает коренное население в Пуровском районе, относятся: Самбург, Халясавэй и Харампур.

ценности, как-то: мини-электростанции, холодильники, скороморозильники, вездеходы, снегоходы, лодки, лодочные моторы, брезент, кожу, сети, а также автомобили для личного пользования.

Закупкой занимается УМЭРТ – Управление материально-энергетических ресурсов и торговли, являющейся структурой администрации, через которую проходят все соглашения. Получает и распределяет товары глава общины. Важнейшей проблемой остается организация вывоза продукции Общин – рыбы, дикоросов и её реализация. Сбыт продукции был не налажен. В 2004 г. в Харампуровской общине рыбу принимали по следующим ценам: язь – 8 руб, щука – 22 руб, сорога – 8 руб, а убытки за вывоз каждого кг составляли 69 руб. Часть людей сдавала продукцию в Карнат – это фактория Геоилбэнда (совместное с американцами предприятие). Они брали все убытки по приемке продукции на себя, помогали обустроить Харампуровскую общину. Однако, если продукция не была реализована, то денег никто не получал, т.е. люди не имели постоянной заработной платы. Их основным доход состоял из пенсий, детских пособий, составлявших на тот период времени 270 рублей, которые платят семьям, пока дети живут не в школах – интернатах, а в семье, и по 500 р. выплачивалась компенсация людям, ведущим кочевой и полукочевой образ жизни. Это единственные реальные регулярные доходы.

Но здесь появляется другая проблема: коренное население всё больше попадает в экономическую зависимость от компенсационных соглашений.

Ввиду того, традиционные отрасли являются нерентабельными, а других способов заработать собственным трудом нет, социально-экономические проблемы коренного населения остаются нерешенными. Всё это ведет к тому, что традиционная экономика всё более и более сходит на нет.

Список литературы и источников

Монографии: Коренное население Пуровского района (географический очерк). Тюмень, 1993.

Статьи: Волжанина Е.А. Численность, расселение и традиционное хозяйство вынгапуровских ненцев в условиях промышленного освоения // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. №1(10).

Карапетова И.А. Место оленеводства в хозяйственном комплексе лесных ненцев // Самодийцы. Материалы VI Сибирского симпозиума « Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск – Омск, 2001.

**ОЛЕНЕВОДСТВО НА ЯМАЛЕ В НАЧАЛЕ XXI В.:
СОХРАНЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ САМОБЫТНОСТИ
В РЕЖИМЕ САМОВЫЖИВАНИЯ
ИЛИ СТАБИЛЬНАЯ РАБОТА?**

Мартынова Е.П.

Зав.кафедрой истории России

*Тулского государственного педагогического университета,
профессор, д.и.н.*

Основными источниками для написания работы послужили материалы этнологической экспертизы, полученные автором совместно с Н.И. Новиковой во время полевых исследований в Ямальском и Тазовском районах ЯНАО в 2008–2009 гг. Целью проведения экспертизы было исследование потенциального влияния промышленного освоения на жизнедеятельность коренных малочисленных народов Севера ЯНАО и выработка рекомендаций по оптимизации взаимодействия коренных народов и предприятий топливно-энергетического комплекса. Статистические данные были предоставлены администрациями Надымского, Тазовского, Ямальского районов и Департаментом по делам коренных малочисленных народов Севера ЯНАО.

Оленеводство было и остается основной отраслью традиционного хозяйства ненцев — коренных жителей Ямала. В этнографическом дискурсе ненцы — тундровые кочевники, прекрасно ориентирующиеся на бескрайних тундровых просторах, живущие в чумах, носящие зимой одежду из оленьих шкур, сохраняющие многие самобытные ритуалы и верования. Такой образ ненцев довольно прочно вошел в сознание жителей ЯНАО. Ответ на вопрос «Кто такие настоящие ненцы?», скорее всего, будет содержать в качестве основного определения «настоящих» ведение самобытного образа жизни, основанного на занятиях традиционными отраслями хозяйства, прежде всего, оленеводством.

Как отметила Е.Т. Пушкарева, оленеводческая тематика прослеживается в региональной идентичности жителей ЯНАО. Среди мер по ее формированию исследовательница отметила празднование Дней оленевода (проводится почти во всех районных центрах округа

и во многих крупных поселках), оформление орнаментом «оленьи рога» помещений для проведения официальных мероприятий (конференц-залов и др.), использование оленеводческой тематики в печатной продукции округа, вручение подарков официальным лицам и почетным гостям в виде традиционной одежды оленеводов (Пушкарева, 2010, с. 249–250).

К этому можно добавить, что ЯНАО лидирует среди российских оленеводческих регионов по общей численности поголовья животных (с 1991 г.), числу личных оленей (с 1952 г.), числу оленей в сельскохозяйственных предприятиях (с 1995 г.), производству оленины (с 1992 г.). Немаловажно и то обстоятельство, что на фоне сокращения поголовья домашних оленей в других регионах, только в ЯНАО отмечается рост оленеводства (Клоков, Хрущев, 2004, с. 52). В настоящее время в округе сосредоточено около половины всего поголовья домашних северных оленей России, в том числе, почти две трети личных. По данным на 01.01.2008 г. в округе насчитывалось 640 тыс. оленей, из них в сельхозпредприятиях — 244,9 тыс. голов, в хозяйствах населения — 395,1 тыс. голов.

Важно отметить, что Закон ЯНАО «Об оленеводстве» (1998 г.) устанавливает правовые, экономические, природоохранные и социальные основы оленеводства как одного из видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера и направлен на создание условий для их эффективной хозяйственной деятельности и сохранения традиционного уклада жизни и культуры.

Особо следует упомянуть о том, что в ЯНАО проживает 60% кочевого населения страны

(Клоков, Хрущев, 2004, с. 59). Уровень кочевания в округе — самый высокий в стране, он составляет 41,8%, а в Ямальском и Тазовском районах — 51,6% и 80,4% соответственно (Клоков, Хрущев, 2004, с. 59). Непосредственно за счет этой отрасли северной экономики в Ямальском, Тазовском и Надымском районах живут более 2200 семей, почти 13 000 чел., что составляет 90% всего кочующего населения ЯНАО.

Приведенные выше данные показывают, что Ямало-Ненецкий округ наряду с огромными нефтегазовыми ресурсами, располагает не менее уникальными ценностями — оленеводческими хозяйствами своих коренных жителей. В организационном плане оленеводство как отрасль экономики представлена в округе тремя системами хозяйствования — предприятиями, общинами и личными (семейными) хозяйствами.

Оленеводческие предприятия

В настоящее время в ЯНАО имеется шестнадцать оленеводческих предприятий. Большинство из них возникли на основе советских совхозов, которые в 1990 — 2000 гг. были преобразованы в акционерные общества или муниципальные предприятия с сохранением организационной структуры оленеводческого хозяйства. В обыденной жизни они по-прежнему называются «совхозами».

Оленеводческие предприятия пользуются поддержкой государственных органов власти и находятся под их постоянным контролем. Каждое состоит из нескольких оленеводческих бригад, соответственно числу оленьих стад. Появившись в советский период, бригады до сих пор являются основной производственной единицей в отрасли. Предприятие отводит им пастбища, передает строения, технические средства и инвентарь. Управление осуществляется директором и главным зоотехником, который закреплен за определенным стадом. Бригадами руководят бригадиры, решающие все вопросы, связанные с организацией труда и быта в условиях постоянных *касланий* (перекочевок), а также кадровые вопросы. Нужно отметить, что до

настоящего времени во многом сохраняется родственный принцип комплектования бригад, сложившийся в период коллективизации. Семьи, работающие в их составе, поддерживают традиции разделения и организации труда, характерные для ненцев.

Оленеводческое предприятие доводит до каждой бригады план-задание, в котором определяются основные показатели: сдача мяса, валовый выход мяса на 100 январских оленей с учетом его качества, сохранность взрослого поголовья оленей, деловой выход телят на 100 январских маток, выход основного поголовья на конец года. Оплата труда производится за сданную продукцию и за обслуживание оленей. Зарплата оленеводов невелика, в среднем составляет 10–15 тыс. рублей. Важно то, что организация обеспечивает в счет зарплаты свои бригады товарами первой необходимости. Кроме того, разрешается забивать на питание определенное количество оленей из «совхозного» стада (их стоимость удерживается при получении зарплаты).

Все предприятия округа имеют цеха по убою оленей и переработке мяса. Руководство уделяет большое внимание вопросам переработки оленины, на базе МОП «Ярсалинское» и ЗАО «Ныдинское» созданы племенные оленеводческие хозяйства. В четырех хозяйствах работают цеха по выпуску колбасных изделий, мясных деликатесов. На ряде предприятий агропромышленного комплекса (МУОП «Совхоз «Ярсалинский» и ОГУП «Совхоз «Ямальский», СПК совхоз «Панаевский») внедряются новые технологии по переработке продукции оленеводства: строительство современных убойно-холодильных комплексов, цехов по глубокой переработке мяса оленя, пантов и другого эндокринно-ферментного сырья, по выпуску деликатесов из оленины.

Оленеводческие предприятия в Ямало-Ненецком округе можно считать «этническими», поскольку они являются сферой занятости в основном для коренных малочисленных народов Севера. Пастухами и чум-работницами на многих из них работают только ненцы. Русские заняты на

административно-управленческих должностях, а также в качестве специалистов: ветеринаров, зоотехников, бухгалтеров и др.

Олени стада на предприятиях насчитывают 1000–2000 голов, а после отела увеличиваются до 2000–2700 голов. Кроме этого, в каждом стаде имеются личные олени, принадлежащие семьям пастухов и их родственников. Обычно в стадах содержится 800–1500 личных оленей, которые выпасаются в одном стаде с «общественными».

Количество пастухов в бригадах варьирует от 5 до 12 человек в зависимости от численности поголовья оленей. Норма нагрузки на 1 пастуха – 270 голов. Кроме пастухов, в бригаду входят чум-работницы. На работу в оленеводство принимаются молодые люди с 16 лет, первые 1–2 года они числятся помощниками пастухов, по мере приобретения опыта переводятся в пастухи. В оленеводческих бригадах нет нехватки кадров, существует другая проблема – избыток пастухов, а отсюда и перспектива сокращения рабочих мест в отрасли. Предприятия не могут наращивать поголовье оленей из-за недостатка пастбищ, следовательно, им не требуется увеличение количества работников. Оленеемкость пастбищ на Ямале уже давно достигла предела, поэтому рост поголовья не предусматривается в планах хозяйств.

В XIX – начале XX вв. места выпаса и пути перекочевки были постоянны для отдельных территориальных и родовых групп ненцев. Знаток ненецкой культуры В.П. Евладов, побывавшей на Ямале в 1928–1929 гг., заметил, что в распределении ненцев-кочевников по Ямалу ягель не играет решающей роли: богатых ягелем пастбищ больше на восточном побережье полуострова (Евладов, 1992, с. 254, 255). Пути перекочевки формировались по принципу поиска наиболее удобных для *каслания* и относительно легко проходимых мест (менее возвышенных и менее продуваемых) с учетом наиболее удобных мест водных переправ и сосредоточены в западной части полуострова. Маршруты современных перекочевки оленеводческих бригад сложились с учетом традиционных путей *каслания*. Каждое

предприятие имеет карты-схемы с их обозначением.

На крупнейшем не только на Ямале, но и в России оленеводческом предприятии МОП «Ярсалинское» насчитывается 18 оленеводческих бригад, в которых работают 272 чел.. Бригады условно подразделяются на «южные» (кочующие южнее р. Юрибей), «центральные» (в летний период выпасают оленей за р. Юрибей) и «северные» (кочуют летом дальше на север – за р. Се-яха к побережью Карского моря).

Совхозные *аргиши* представляют собой многочисленные караваны, состоящие из грузовых и легковых оленьих нарт. Они следуют в строго определенном порядке. Первый *аргиш* ведет бригадир, за ним следуют *аргиши* членов его семьи, затем, по порядку, остальных семей, входящих в бригаду. Личный *аргиш* состоит из 4–6 грузовых нарт, каждая из которых запряжена парой оленей, привязанных к идущей впереди нарте. «Возглавляет» *аргиш* легковая упряжка с кем-либо из членов семьи пастухов.

Жизнь оленеводов предполагает частые *каслания* (20–25 в году), что подразумевает упаковку вещей, сборку и разборку чумов, стгон оленей в *кораль*, отбор ездовых оленей. После каждой перекочевки нужно заново обустраивать «семейный очаг». Обычно чумы ставятся на привычные для каждой семьи места, образуя «родственно-семейный» поселок. Из года в год бригада повторяет один и тот же маршрут. Могут варьировать сроки перекочевки в зависимости от погодных условий и состояния пастбищ. Места стоянок обычно бывают одни и те же.

Летом оленеводы переправляются через крупные реки традиционным способом – так, как описывали исследователи начала XX в. (Житков, 1913, с. 267–268). Закольцованная веревка привязывается к передовому оленю, идущему в первой упряжке *аргиша*, и перебрасывается перевозчику (пастуху или помощнику), находящемуся в резиновой лодке. С помощью этой веревки перевозчик направляет передового оленя к противоположному берегу под углом против течения, которое раз-

ворачивает плывущих позади оленей и нарты под таким же углом.

Ситуация в «общественном» оленеводстве Ямала выглядит более или менее благополучной. За предприятиями закреплены пастбища, они получают компенсации от промышленных компаний за нарушение режима традиционного природопользования, плановые задания выполняются. Оленеводы-«совхозники» трудоустроены, им насчитывается трудовой стаж, они относительно регулярно (дважды в год) получают заработную плату и даже числятся в отпусках. Вместе с тем, многие оленеводы высказывают недовольство низким уровнем заработной платы (она в разы ниже, чем на промышленных предприятиях и существенно меньше, чем у работников бюджетной сферы), их беспокоит перспектива сокращения в отрасли, отсутствие жилья в поселках.

Личное оленеводство

Многие ненецкие семьи в свое время смогли уклониться от коллективизации и сохранить своих личных оленей на протяжении всего советского периода. В начале 1990-х гг. при реорганизации сельхозпредприятий сотни тысяч животных были переданы семьям оленеводов. В ходе реформ 1990-х годов происходил практически неконтролируемый рост личного поголовья за счет перераспределения (своеобразной «приватизации») совхозных стад. С 1980-х гг. в округе отмечается

постоянный рост личного поголовья оленей: с 1980 г. по 2004 г. оно выросло в 3,2 раза (Клоков, Хрущев, 2004 с. 65). Причем этот рост практически локализован в двух районах – Ямальском и Тазовском, где, по данным за 2008 г., сосредоточено три четверти (74,6%) личного поголовья оленей ЯНАО.

В оленеводстве Ямальского и Тазовского районов округа ведущая роль принадлежит личному, или частному, оленеводству. Так, на 01.01.2008 г., на сельхозпредприятиях Ямальского района числилось 135 260 голов оленей, а в хозяйствах населения – 140 995 голов, в Тазовском районе соответственно 31333 и 153661 голов. Эти данные показывают, что в Тазовском районе личных оленей в 4,9 раза больше, чем общественных. Кроме того, частные олени есть на каждом оленеводческом предприятии, в родовых общинах. Их выпасают вместе с «общественным» стадом.

Многие семьи ненцев имеют сотни частных оленей, нельзя исключать и того, что некоторые из них владеют тысячными стадами. Реальную численность поголовья ненцы обычно не называют, так как местные власти негативно относятся к росту частных стад, поскольку ограниченность кормовых ресурсов отражается на оленеводческих предприятиях. Кроме того, согласно традиционному мировоззрению ненцев, «оленей не считают».

Ниже приводятся сведения о численности семей, занимающихся частным оленеводством по трем районам.

Таблица 1.

Сведения о численности кочующего населения по районам ЯНАО на 01.01.2008

ВСЕГО		Ямальский район		Тазовский район		Надымский район	
Число кочующих хоз-в	В них Населения	Число кочующих хоз-в	В них населения	Число кочующих хоз-в	В них населения	Число кочующих хоз-в	В них населения
2227	12872	1004	5496	1092	5149	131	595
В том числе, занятых индивидуальной трудовой деятельностью:							
948	4913	363	2104	539	2601	46	208
Семьи, где глава семьи, неработающий пенсионер:							
474	2275	245	1230	212	978	17	47

Из приведенных данных видно, что в трех районах ЯНАО около тысячи семей ведут самостоятельное оленеводческое хозяйство, в них насчитывается 5000 чел. Они сохраняют традицию семейного кочевания с досоветских времен. Отдельные кочевые семьи эпизодически объединяются с другими родственными (2-4 семьи, в зависимости от поголовья оленей) для совместного выпаса крупных стад в летний период. Маршруты кочевания таких групп непротяженные. Обычно выпасают оленей в тундрах, окружающих ту сельскую администрацию, к которой приписаны оленеводы. (В паспортах этих оленеводов имеются соответствующие записи: новопортовская тундра, сеяхинская тундра и т.п.).

Стада у частных варьировать по численности от нескольких сот до 2 тыс. голов. Оленеводы говорят, что при наличии 500 оленей можно жить только за счет оленеводства, стадо численностью более тысячи голов позволяет достаточно хорошо обеспечивать семью. Комфортно в тундре чувствуют себя большие семьи при наличии большого стада.

Оленеводы-«личники» сталкиваются с серьезными проблемами. Одна из главных связана с тем, что поголовье оленей на территории Ямальского полуострова лимитировано наличием кормов и пастбищ. Поскольку существует избыток оленепоголовья, то остро стоит проблема выпасов для оленеводов-частников. Только оленеводческие предприятия имеют юридически признанные права на оленьи пастбища. Семьи «личников» — а им принадлежит в три раза больше оленей, чем предприятиям — практически никаких официальных прав на пастбища не имеют, ведут выпас по сути нелегально. Действующий в ЯНАО закон «Об оленеводстве» направлен, в первую очередь, на поддержку больших оленеводческих предприятий. Принятое в 2000 г. губернатором округа постановление «О приведении поголовья оленей в соответствие с кормовой емкостью пастбищ в Ямало-Ненецком автономном округе»

отражает возникший в связи с дефицитом пастбищ конфликт между руководством оленеводческих предприятий и семьями, владеющими частными оленями. Оно ввело ограничение на поголовье оленей только для семей оленеводов, но не для предприятий. Помимо этого, состояние оленьих пастбищ усугубляется экологическими нарушениями, связанными с промышленным освоением региона.

Оленеводы-«частники» практически ведут полунатуральное хозяйство, денежные доходы имеют от сдачи оленины, пантов, продажи рыбы. Если мясо и панты сдаются на предприятия, фабрики, магазины и пр., то продажа рыбы ведется нелегально. Таким семьям трудно начать и развивать собственный бизнес, поскольку они круглый год кочуют со своими стадами вдали от поселков, им негде приобрести опыт, необходимый для организации собственного семейного «дела». Существующие бюрократические формальности для них не только слишком сложны, но и непонятны. Невозможно создать и первоначальный капитал, найти регулярный сбыт для продукции.

Закупочные цены на оленину низкие. Так, одно из крупных предприятий округа «Ямальские олени» закупает мясо по цене 145 руб. за 1 кг; в системе Потребкооперации в 2008 г. цены были повышены с 80 до 120 руб. за 1 кг. Продавать оленину без дополнительной переработки невыгодно. Кроме того, семьи оленеводов находятся вдали от рынков сбыта. Возникает трудноразрешимая проблема: чтобы повысить доход от оленеводства, семьям необходимо перерабатывать продукцию, а для «частников» это сложно из-за отсутствия многих необходимых условий (капитала, рынка сбыта, соответствующей инфраструктуры и транспортных средств).

Оленеводы-«личники» практически не защищены социально. Они обычно не трудоустроены, следовательно, не получают заработной платы, им не идет трудовой стаж, что не позволяет рассчитывать на пенсионные выплаты, они не имеют возможности получить кредиты, дотации.

Общинное оленеводство

В конце 1990-х гг. в ЯНАО появились общинные хозяйства КМНС. Большая часть их была создана при поддержке местных властей. В настоящее время олени име-

ются у девяти общин Ямальского района, восьми Тазовского и трех Надымского. Сведения о численности и структуре поголовья оленей в общинах представлены в *Таблице 2*.

Таблица 2.

**СТРУКТУРА ПОГОЛОВЬЯ ОЛЕНЕЙ В ОБЩИННЫХ ХОЗЯЙСТВАХ
ПО РАЙОНАМ ЯНАО НА 01.01.2008**

Наименование общин	ПОГОЛОВЬЕ ПО ПОЛОВОЗРАСТНЫМ ГРУППАМ						ОБЩЕЕ ПОГОЛОВЬЕ ОЛЕНЕЙ
	Производители старше 2-х лет	Важенки и нетели	В т. ч. нетели	Самцы-кастраты ст. 2-х лет	Самцы от 1 до 2-х лет	Молодняк до 1 года	
Ямальский район:	4245	29015	4898	18039	5364	14441	71104
СОХ Ямал	310	3012	704	1900	700	1623	7545
Едей Ил	496	2263	496	824	434	1022	5039
Харп	1457	12437	1639	8238	2068	5593	29793
ООО Валама	145	752	139	175	180	348	1600
Ебцота	32	191	0	112	46	136	517
Няндук Ханавэй	10	1712	220	823	503	852	3900
ОКМНС Маретя	62	400	0	168	74	196	900
ОКМНС Тусяда	42	400	0	168	54	136	800
Илебц	1691	7848	1700	5631	1305	4535	21010
Тазовский район:	1418	5787	1586	2417	1144	2874	13640
Япта-Салинская	83	568	116	114	77	368	1210
ООО Тазагропром	316	697	135	111	205	270	1599
Мессояхинская	60	700	0	825	150	150	1885
Илебц	230	725	194	397	210	478	2040
Ясовей	114	667	60	229	30	277	1317
Ере-Явская	10	97	14	52	10	81	250
Хамовская	547	1970	997	399	398	1025	4339
Ярейковская	58	363	70	290	64	225	1000
Надымский район:	286	963	0	167	37	332	1785
Нядена	23	106	0	15	27	18	189
ООО Хамба	238	830	0	147	0	306	1521
Ярцанги	25	27	0	5	10	8	75
Итого	5949	35765	6484	20623	6545	17647	86529

Общинные стада не совершают таких дальних перекочевок как бывшие совхозные. Они перемещаются в пределах одной природной зоны, не покидая границ своих районов. Амплитуда их кочевания исчисляется сотнями километров. Часто семьи общинников

объединяют стада только на летний, «комаринный», период, а в остальные сезоны выпасают оленей отдельными семьями.

Нужно отметить, что за последние годы общинное оленеводство обнаруживает устойчивую тенденцию к росту. По данным



Фото 1. «Совхозный аргиш»



Фото 2. Переправа через р. Се-яха «совхозного» стада



Фото 3. Стадо личных оленей

на 01.01.2006 г. в трех районах существовало 12 общин, в которых насчитывалось 30 332 оленя. За два года количество оленеводческих общин достигло 20, а общинное поголовье увеличилось почти в три раза и насчитывает 86 529 голов. К 2008 г. поголовье в общинах приблизилось по численности к числу оленей на предприятиях и составляет 28% от частного. Семьи оленеводов переходят в общины, т.к. через организацию проще и выгоднее сдавать оленину, панты. Кроме того, местные власти им помогают кредитами, дают дотации на оленей. Как и предприятия, общины имеют задания по оленепоголовью и производству мяса на убой. Общинникам начисляется заработная плата, насчитывается трудовой стаж.

* * *

Оленеводство не является в нашей стране высокодоходной отраслью для всех трех форм организации хозяйствования. Доходы от него могли бы быть значительно выше, если бы имелось больше возможностей по переработке продукции. Сейчас основной

доход предприятия, общины и «частники» получают от сдачи оленины. Выработка высококачественных мясных продуктов, а также изготовление изделий из оленьего рога, пантов, шкур, получение из крови оленей сырья для медицинских и косметических препаратов могло бы приносить дополнительный доход отрасли. Кроме того, транспортных оленей можно было бы задействовать в сфере туризма. Однако, существующие в стране условия неблагоприятны для наращивания мощностей по переработке оленеводческой продукции. Для позитивных изменений в отрасли необходимо создание транспортной сети, проведение политики, стимулирующей развитие коммерческой и предпринимательской деятельности среди аборигенов.

Пока на Ямале успешно работает одно перерабатывающее предприятие — «Ямальские олени». В его штате 53 чел., около половины которых — представители КМНС, в период забойной осенней компании штат доходит до 100 чел. Предприятие имеет пять цехов: колбасный, пельменный, полуфабрикатов, обвалки и транспортный. Половину

реализуемой продукции составляет оленина, половину — колбасные изделия, пельмени и т.п. Нарращивание объемов и ассортимента переработки мяса пока еще перспектива для дальнейшего развития «Ямальских оленей».

Несмотря на обострение проблемы обеспеченности кормовыми ресурсами в условиях интенсивного промышленного освоения, оленеводство продолжает развиваться. Рост проявляется, прежде всего, в увеличении поголовья оленей во всех категориях хозяйств. Важно учитывать, что олени нужны всем живущим на Ямале коренным жителям для собственного питания, изготовления зимней одежды, зимних покрывал для чумов, традиционного обмена подарками (особенно при заключении брака), для совершения религиозных обрядов, укрепления социальных связей. Обученные олени ценятся как зимний транспорт.

В результате сокращения на государственных предприятиях бывшие совхозные пастухи стали оленеводами-частниками. Они смогли выжить сами или с помощью родственников, с которыми объединили свои стада и создали неформальные семейные хозяйства. Особен-

но в незащищенном положении оказываются оленеводы-частники и общинники, так как пастбища закреплены за предприятиями, а с ними никто не согласовывает условия взаимоотношений с газовиками, не платит компенсации за упущенную выгоду и не восполняет потерь. Подавляющее большинство кочевников-оленеводов не имеет стационарного жилья, переселение в поселки невозможно, так как им негде будет жить и работать.

В условиях интенсивного промышленного освоения ЯНАО очевидна необходимость введения процесса взаимодействия с газовиками и нефтяниками в более организованные формы. Если права крупных предприятий еще как-то защищены, то ситуация с оленеводами-личниками и общинами часто становится конфликтной.

В начале XXI в. оленеводство остается не только символом ненецкой культуры, но и основным фактором сохранения их этнической самобытности. Олень для ненца является многофункциональным животным, которое обеспечивает пищей, транспортом, жилищем, одеждой, дает ощущение психологического комфорта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Евладов В.П. По тундрам Ямала к Белому острову. Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928-1929 гг. Тюмень, 1992.

Ёсида Ацуси. Культура питания гыданских ненцев (интерпретация и социальная адаптация). М., 1997.

Житков Б.М. Полуостров Ямал СПб., 1913.

Клоков К.Б., Хрущев С.А. Оленеводческое хозяйство коренных народов Севера России: информационно-аналитический обзор. Т. 1. СПб., 2004.

Пушкарева Е.Т. Культура народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа как один из маркеров его региональной идентичности // Этнокультурное наследие народов Севера России: К юбилею доктора исторических наук, профессора З.П. Соколовой. М., 2010.

ОЛЕНЕВОДЫ И ПРОМЫШЛЕННЫЕ КОМПАНИИ:
МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ¹

Н.И. Новикова

*Ведущий научный сотрудник
института этнологии и антропологии РАН, к.и.н.*

В современных условиях взаимодействие коренных малочисленных народов² и промышленных компаний во многом определяет современное положение аборигенов российского Севера. Нефтяное освоение и его последствия являются важной частью конструируемого социального знания и в этом качестве используются в политической борьбе коренных народов за свои права. Эта борьба является отражением конфликта между традиционным и промышленным природопользованием, традиционными и научными знаниями об окружающем мире. Правовые и обыденные конфликты в этой сфере приводят к негативным последствиям: разрушению окружающей среды, безработице, алкоголизму, утрате традиционных ценностей и языков коренных народов, недостаточному развитию образования и здравоохранения, низкому уровню жизни и т.п. Исследователи и политики предлагают различные пути выхода из сложившейся ситуации. В процесс урегулирования отношений в округе активно включаются организации коренных малочисленных народов Севера.

Сегодня очень мало исследователей, которые специально занимаются или занимались проблемами взаимодействия промышленных компаний и коренных малочисленных народов на Севере России. Практически все они стали участниками дискуссий в журналах «Sibirica»³ и «Этнографическое обозрение»⁴. Эти издания подготовлены международными командами ученых, большинство из

которых проводили исследования на Севере и Дальнем Востоке России (Stammler F. and Wilson E., 2006; Штамлер Ф., 2008). В последнее время также стали появляться работы, посвященные правовому и квазиправовому регулированию вопросов природопользования и корпоративной этики (Уилсон Э., Свидерска К., 2008). Сравнительные исследования в циркумполярном регионе выполнены М. Наттэллом (Nattall M., 2010). Основное внимание в его работе уделено нефтегазовым проектам в Канаде, что представляет большой интерес для России, так как часто говорят о больших выплатах коренным народам в Северной Америке, но реальные разнообразные модели сравнительно мало известны в нашей стране.

Интерес политиков к исследуемой проблеме проявляется в организации парламентских слушаний, причем нужно отметить, что этим занимается соответствующий комитет Совета Федерации (Правовое обеспечение этнологической экспертизы, 2008; Вопросы взаимоотношений, 2009). В Государственной Думе заинтересованных политиков гораздо меньше. Ценные материалы по проблемам взаимодействия коренных народов и промышленных компаний были собраны во время проведения этнологических экспертиз и этнологического мониторинга (Богоявленский Д.Д., Мартынова Е.П., Мурашко О.А., Хмелева Е.Н., Якель Ю.Я., Яковлева О.А., 2002; Василькова Т.Н., Евай А.В., Мартынова Е.П., Новикова Н.И., 2011).

Для сравнения ситуации в различных регионах Севера опыт Ямало-Ненецкого автономного округа представляет особый интерес. Здесь живут 13 тыс. кочевников, не имеющих постоянного жилья. Они в значительной степени сохраняют традиционный образ жизни, строящийся на оленеводстве. Предлагавшиеся в прошлом планы перевода

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

² В данной работе термины коренные малочисленные народы Севера, малочисленные народы, аборигены используются как синонимы.

³ 2006, vol.5, № 2

⁴ 2008, №3

оленоводов на оседлость и переселения их в поселки доказали свою бессмысленность, поэтому вопросы сочетания традиционного природопользования и промышленного развития в ЯНАО приобрели особую актуальность в последнее время, от их решения зависит и жизнь коренных малочисленных народов и геополитические интересы России. Обязательства Российской Федерации перед этими народами и социальная ответственность ОАО «Газпром» и других нефтегазовых компаний являются императивом установления партнерских отношений между ними.

Общим требованием аборигенных организаций в ЯНАО является переход от благотворительной помощи промышленных предприятий к установлению партнерских отношений, согласованию вопросов, представляющих взаимный интерес. Предприятия ОАО «Газпром» также в какой-то степени стремятся найти пути смягчения воздействия промышленного освоения на коренные малочисленные народы.

Приоритетным направлением деятельности Газпрома является освоение газовых ресурсов полуострова Ямал, Арктического шельфа, Восточной Сибири и Дальнего Востока. По поручению Правительства Российской Федерации Газпром является координатором деятельности по реализации Программы создания в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке единой системы добычи, транспортировки газа и газоснабжения с учетом возможного экспорта газа на рынки Китая и других стран АТР (Восточная программа).

В деятельности кампании выделяется экологическое направление, которое должно обеспечивать создание системы мер экологической безопасности регионов, снижение отрицательных эффектов техногенного воздействия на окружающую среду, а также восстановление привычной среды обитания коренных малочисленных народов, проживающих в районах интенсивной добычи природного газа. Вопросы, связанные с коренными народами, отнесены ОАО «Газпром» к области региональной экологической политики и организационной деятельности и включают

в себя взаимодействие с общественными организациями, представляющими интересы коренного населения (<http://www.gazprom.ru>).

Ежегодно ОАО «Газпром» заключает с Администрацией ЯНАО «Соглашение о сотрудничестве». В нем отмечается, что стороны будут осуществлять свою деятельность на основе своевременного и качественного исполнения взаимных договоренностей, надлежащего и регулярного контроля над их исполнением. Наряду с экономическими, имущественными и налоговыми вопросами, такие документы включают и вопросы коренных малочисленных народов Севера. Так, например, в 2007 г. ОАО «Газпром» и его дочерние общества приняли на себя обязательства оказывать содействие в транспортном обеспечении кочующего населения, оленеводческих и рыболовецких бригад, предприятий агропромышленного комплекса. При эксплуатации своих объектов с вахтовым методом организации труда, расположенных на территории округа, способствовать приоритетному привлечению на работу квалифицированных кадров из числа постоянно проживающих на территории округа, в том числе из числа коренных малочисленных народов Севера. Стороны рекомендуют дочерним обществам ОАО «Газпром» при осуществлении производственной деятельности оказывать поддержку и считать приоритетной работу с коренными малочисленными народами Севера и «национальностями» поселками ЯНАО.

Наиболее четко обязательства Газпрома прописаны в документах муниципальных образований. В соглашении между администрацией муниципального образования Ямальский район и ООО «Надымгазпром» приоритетными объявляются следующие направления: рациональное использование участков недр и земель, создание условий для устойчивого развития традиционных отраслей хозяйства, сохранения «традиционных отраслей хозяйства на основе признания и определения ареалов обитания коренных народов Севера, возмещения комплексного ущерба». Здесь также указываются обязательства общества: по оплате налогов, арендной платы, со-

блюдению сроков пользования и графиков сдачи рекультивированных земель, согласованию с администрацией мероприятий, которые могут привести к экологическим и иным последствиям, затрагивающим интересы людей, проживающих на территории района, участию в реализации планов и программ социально-экономического развития, социальной поддержке коренных малочисленных народов Севера, решении уставных задач движения «Ямал», содействию транспортному обеспечению кочующего населения, выделению авиатранспорта комиссии по приемке рекультивированных земель.

Постановление Администрации Муниципального образования Ямальский район «Об утверждении Положения о порядке принятия решений о предоставлении земельных участков под изыскательские работы и объекты строительства на межселенной территории муниципального образования Ямальский район» (2006 г.) определяет комплект документов, которые подаются заявителем, в него входят отчет и акт историко-культурной экспертизы на испрашиваемый земельный участок. Согласование границ участка происходит при участии многих заинтересованных сторон, в том числе районного отделения ассоциации коренных малочисленных народов Севера «Ямал – потомкам!».

В Тазовском районе закреплена другая практика отношений. Генеральное соглашение о сотрудничестве администрации и ООО «Ямбургдобыча» заключено на 2005–2010 гг. По этому документу, коренные малочисленные народы Севера упоминаются только в двух разделах. В области социальной политики предполагается приоритетное привлечение на работу в общество квалифицированных кадров из числа постоянно проживающих на территории ЯНАО, в том числе в Тазовском районе. Теоретически это может означать прием на работу и коренных малочисленных народов Севера. Общество также участвует в реализации совместных программ, касающихся жизнедеятельности и традиций малочисленных народов. Согласно статьи 6 о благотворительной деятельности, «Общество

окажет содействие администрации в реализации региональных программ поддержки малочисленных народов Севера и развития традиционных отраслей хозяйствования в рамках мероприятий по благотворительности и спонсорству. Администрацией Тазовского района принято постановление «Об утверждении Временного порядка принятия решений о предоставлении земельных участков под изыскательские работы и объекты строительства на межселенной территории муниципального образования Тазовский район» (2008г.). Требования при этом близки аналогичным документам, принятым в Ямальском районе.

Таким образом, основой отношений ОАО «Газпром» и коренных малочисленных народов официально признается согласование выделения земель с организациями коренных народов, при необходимости проведение местного референдума. Наряду с окружным законом, который регламентирует проведение местного референдума, разработаны документы и на местном уровне. Так, решением районной думы муниципального образования Тазовский район от 12 марта 2008 г. утверждено Положение о сходе граждан по вопросам изъятия, в том числе путем выкупа, земельных участков для муниципальных нужд и предоставления земельных участков для строительства объектов, размещение которых затрагивает законные интересы коренных малочисленных народов Севера.

Основными мерами политики ОАО «Газпром» по отношению к коренным малочисленным народам Севера могут быть названы:

1. Возмещение убытков со стороны промышленной компании предприятиям коренных народов.
2. Обеспечение транспортом кочевого населения.
3. Содействие организациям коренных народов.
4. При изъятии пастбищ выплаты предприятиям коренных народов, согласно расчетам упущенной выгоды.
5. Запрет на месторождениях использовать рыболовные снасти, охотничье оружие, содержать собак.

В некоторых компаниях введены должности координаторов, в задачу которых входит организация взаимодействия между коренными народами и предприятиями ТЭК.

Многие представители коренных народов выступают за сохранение традиционного образа жизни, основой которого являются оленеводство, рыболовство, а также охота и собирательство. Интересно, в чем сами ненцы видят проблему в их отношениях с газовиками: *«Газовики, если бы просто работали, а они живут тут. Русские всегда представляли угрозу — казаки, после революции богов сжигали, сохранилось такое отношение. Как только геофизики появились, стали бояться, далеко от чума не ходили. Ягод тут не идешь собирать, стадо тут не ведешь. Людям надо кочевать, а пространство будет ограничено. Этнологическая экспертиза должна учитывать и те проблемы, которые возникнут между коренными жителями, между совхозными стадами и частниками. Были планы всех частников в поселок перевести. Но опыт показывает, что они более здоровые, они лучше за оленями следят, растет стадо лучше у частников. Всегда такие проблемы, но раньше был простор, было куда разехаться, мы между бригадами кочевали, мы им собирали оленей. Пенсионеры были все частники. Проблемы переходов возникают. Как пройти через дороги и карьерные насыпи. Проблема собак всегда была, сейчас вроде меньше. Психологические проблемы для тех, кто задумывается и сталкивается уже с этими проблемами. А тех, кого задевает, они задумываются»* (п. Яр-Сале, 2008 г.).

Администрации районов отмечают положительное значение соглашений, заключенных с подрядными организациями Газпрома, которые способствуют развитию инфраструктуры, строительству домов и дорог, факторий. В докладе главы Тазовского района отмечается, что благодаря строительству фактории на 5-х и 6-х песках тундровики получили возможность покупать горячий хлеб, пользоваться телефонной связью, приобретать необходимые товары, получать медицинскую помощь. Местное население ждет большей отдачи от деятельности компании на территориях их проживания, а для этого необходимы большие

отчисления в районы. Во время проведения референдума люди голосуют за предоставление земель под объекты месторождений в расчете на получение доходов в район и соответственно улучшение условий своей жизни, причем население ожидает, что средства будут распределяться в зависимости от того, насколько оно находится в зоне воздействия того или иного промышленного проекта.

В современных условиях работники местных администраций сталкиваются с проблемами в защите прав населения, в первую очередь коренных малочисленных народов Севера, вызванными недостатком действенных механизмов контроля и эффективного реагирования на негативную практику использования и рекультивации земель. В администрациях имеются многочисленные документы, свидетельствующие о низком уровне проведения работ по рекультивации земель, что приводит к отказу в их приемки.

Проведение полевых исследований показывает, что на фоне общих экологических проблем, связанных с промышленным освоением, часто компании позволяют себе не выполнять действующее законодательство и взятые на себя обязательства. О таких фактах свидетельствует интервью со специалистом администрации Муниципального образования Тазовский район К.В. Черкиным.:

«Здесь работают подрядные организации от Газпрома. Это просто катастрофа, все наплеватьски относятся и к законам, и к коренным народам. У нас административные законы плохо работают, такие предприятия наказываются на сумму 20 тыс. руб. Обсуждение было по Заполярке, народ согласился, потому что им много пообещали. Они сказали, что отнимут одну территорию, а это все разрастается, самовольно захватывают земли и эти площади практически не возвращаются, концы трудно найти с их подрядчиками. У земельного комитета есть только одна мера — 25 кратный коэффициент. В прошлом году мы после рекультивации из 10 участков приняли только 2. Они дальше платят нам аренду, пока не наведут порядок. Газпром и его подрядчики часто бурят без землеотводов. При этом они не проводят должным образом

рекультивацию. Они изымают огромнейшие площади, так как рассчитывают, что никто не проверит. Мы видим, что после разведочных скважин бардак, а что потом будет. По Заполярке в прошлом году – не был принят ни один участок земли. Такая же ситуация по приемке карьеров. Мы когда проверку проводим, почти всегда сразу в прокуратуру обращаемся. Я пишу также письма в администрацию ЯНАО, ведь затраты на очистку этой территории окажутся настолько огромными, что никто не сможет их нести.

На некоторых территориях, например, в заказнике мы работаем в основном по наводке оленеводов и рыболовов. Иногда уже поздно. Есть и плановые мероприятия, но они в основном в беспланных помогают. Они пишут заявления, и мы реагируем. Мы тогда вылетаем на место. Финансирование персонала заповедника такое, что они может быть один раз в год могут облетать. А коренные там пасут оленей, это оговорено в положении о заповеднике, и постоянно следят» (п. Тазовский, 2008 г.).

И в администрации, и в организациях коренных малочисленных народов Севера нам рассказывали о трагедии, случившейся с оленеводом А.Т. Ядне, у которого погибли около 1000 оленей из-за отравления химикатами. В управлении по работе с населением межселенных территорий и традиционными отраслями хозяйствования мы познакомились в деле А.Т. Ядне о массовом отравлении (падеже) оленей. Гибель оленей произошла в районе Северо-Ямбургского месторождения Анерьяхинской площади Тазовского района ЯНАО. Было возбуждено уголовное дело. В ходе предварительного следствия было установлено, что произошла гибель 68 оленей, причинен ущерб 370145 рублей (в период с 6.02 по 13.02. 2007). Впоследствии падеж оленей продолжался и достиг 1000 голов. Были выполнены экспертизы Центральной научно-методической ветеринарной лабораторией (г. Москва) и Центром лабораторного анализа и технических измерений по Уральскому федеральному округу. В результате было установлено, что на территории буровой скважины 3 П-458 Северо-Ямбургской площади

Ямбургского нефтегазоконденсатного месторождения Тазовского района обнаружена почва с очень высокой степенью вредного воздействия на окружающую природную среду отходов при производстве работ на буровой скважине, что послужило причиной нарушения экологической системы, невозможности восстановления почвы. Кроме того, в результате экспертизы Центра лабораторного анализа и технических измерений по Уральскому федеральному округу в г. Салехард, 03.08.07 были отмечены высокая степень вредного воздействия на окружающую природную среду и общее нарушение экологической системы. Эксперты сделали вывод о том, что олени, питаясь произрастающими на данной почве растениями, могли получить дозу токсичных веществ, что могло стать причиной их гибели. Однако, несмотря на свидетельские показания и заключения экспертиз, этот вопрос остается нерешенным.

Серьезным негативным фактором в развитии отношений ненцев с промышленными компаниями выступает предшествующая практика работы промышленных предприятий в регионе. Например, был построен вахтовый поселок Ямальский, а сегодня дома там пустуют, вокруг – кучи металлолома и бытового мусора. При обсуждении дальнейших планов развития газодобывающей отрасли местное население высказывало недовольство тем, как организована эта работа. Положение многих поселков является настолько бедственным, что жители были бы готовы к тому, чтобы компания строила дома для своих рабочих именно там. Ненцы убеждены, что со временем газовики и строители уйдут из мест их проживания, а дома останутся. На территории поселков невозможно заниматься традиционным природопользованием, поэтому естественно было бы там строить дома, больницы, школы, создавать там все необходимое и для работников газодобывающих предприятий, и для кочевого населения, а не изымать огромные территории тундры.

Последствием промышленного освоения является изменение идеологии природопользования. Появились семьи, где пьют и ведут

асоциальный образ жизни, засоряют тундру, занимаются браконьерством. Для некоторых ненцев работа промышленных компаний оказалась действенным примером «культурного» природопользования.

При рассмотрении взаимодействия с промышленными компаниями необходимо учитывать тот факт, что промышленное развитие дает разным группам населения неодинаковые возможности и приводит к различным последствиям. Для тундровиков это сокращение пастбищ и загрязнение окружающей среды. Поселковые как ненцы, так и другие жители, ждут от развития промышленности на севере новые рабочие места. Если бы Газпром планировал развивать инфраструктуру в поселках, то местное население, включая ненцев, поддерживало бы промышленные проекты с большим энтузиазмом.

Для кочевников оленеводов очень важным фактором здорового психологического самочувствия является уверенность в том, что они смогут продолжать заниматься своей деятельностью в будущем. Многие ненцы, уже сделали свой выбор — оленеводство является их занятием, работой, образом жизни. Негативное влияние на процесс взаимодействия с Газпромом оказывает отрицательный опыт аборигенов, связанный со строительством дороги на Бованенково. Ненцы говорят, что 10 лет назад их спрашивали, и они ответили — нет, а дорогу все равно строят. И сегодня, когда идет процесс согласования, аборигены не верят, что их мнение будет учитываться, тем более, что в организации коренных народов документы на согласование поступают часто уже тогда, когда все остальные их подписали. Это оказывает на ненцев психологическое давление.

Депутат районного собрания и оленевод А. Окоттето так характеризует эту ситуацию: *«Оленеводы говорят: «У вас там оборудование стоит?». Те отвечают: «Стоит». А зачем тогда спрашивать. Спрашиваете, не спрашиваете, все равно будете разрабатывать. Ничего мы не подписали, оборудование там стоит. Это всегда так. Под поселок Ямалтрансстрой отвели место, туда прилетаем, а там уже посе-*

лок. Документы идут с опозданием. Вот этот механизм, о чем мы сейчас говорим, нужно искоренить. Раз перечислены деньги, значит уже работают. Уже оборудование поставлено» (п. Яр-Сале, 2008 г.). Отрицательно сказывается и тот факт, что не все оленеводы и рыбаки предварительно знакомятся с условиями строительства, не знают, что они получают или потеряют в результате. Неслучайно многие ненцы, особенно активисты, говорили о необходимости проведения этнологической экспертизы.

Негативную реакцию у аборигенного населения вызывает позиция промышленников и строителей, которые рассматривают свою деятельность по взаимодействию с аборигенами как благотворительную. Очевидна необходимость выработки четких условий взаимодействия, когда стороны согласуют свои действия и заключат договор, в котором будут не только прописаны обязательства сторон, но санкции за их невыполнение. Заключение такого договора должно быть трехсторонним — ОАО «Газпром», Администрация ЯНАО и организация коренных народов. Так как возникли некоторые трения внутри общественных организаций, возможно в этом должна участвовать новая, которая бы занималась только вопросами взаимодействия с газопромышленными предприятиями. ОАО «Газпром» мог бы оказать помощь, в том числе финансовую, в подготовке специалистов для работы в такой организации.

Отсутствие информации приводит к возникновению различных слухов, домыслов о том, что всех ненцев переселят в поселки, что им запретят кочевать с оленями и т.п. Люди недовольны тем, что под промышленные разработки идут высокие участки земли, которые ненцы используют для стоянок, на которых часто располагаются священные места. Уже в течение длительного времени обсуждается судьба 60-го карьера, который как раз оказался на священном месте, несмотря на то, что аборигены не согласовали этот отвод земли, компания уже несколько раз нарушала нормативные требования по этому вопросу. Очевидно, что в рамках законодательства, особенно

окружного закона «Об объектах культурного наследия Ямало-Ненецкого автономного округа», такая практика недопустима и права коренных народов на священные земли должны признаваться всеми неукоснительно.

Сокращение пастбищ приводит к проблемам, особенно зимой, когда все оленеводы стремятся поставить чумы поближе к поселку. Исторически все маршруты складывались так, чтобы избежать конкуренции за пастбища. Ведущееся промышленное освоение и строительство дорог не учитывает этого фактора. А так как все большие пастбищные территории отторгаются под промышленное освоение, могут возникнуть конфликты внутри аборигенного сообщества, между бригадами и семьями.

Неоднозначно может быть оценена и политика ценообразования на оленьё мясо. Приведем интервью с директором предприятия «Ямальские олени» Е.В. Мальцевым: *«Газодобыча не столько на нашем производстве скажется, сколько на деятельности совхозов. Промышленники мешают – занимают большие территории. Мы сейчас ведем большую работу с частным сектором, подняли приемную цену. Есть госдотации. Оленеводы через нас получают эти деньги. 1 кг – 145 руб. Дотация из них 100 руб. Все равно пастбищ становится не больше, а стадо растет, значит, будут проблемы. Мы поэтому и цену увеличиваем, чтобы выровнять количество оленей. У нас более 300 тыс. это много, поэтому нужно сократить»* (п. Яр-Сале, 2008 г.).

Некоторыми лидерами общественных организаций коренных народов повышение цены на мясо оленей воспринимается как попытка стимулировать сокращение стада, что болезненно воспринимается ненцами. Ведь традиционная идеология строится на стремлении иметь как можно больше оленей, олень воспринимается как богатство, счастье.

У продажи мяса оленей есть и другая сторона. Предприятие «Ямальские олени» с помощью Департамента по делам коренных народов стремится сделать Газпром и его подразделения закупщиком своей продукции. Организация такой торговли будет

способствовать успешной деятельности предприятия, приведет к расширению производства, созданию возможностей для повышения уровня жизни ненцев, расширению рынка труда через создание новых рабочих мест, и развитию Ямальского района в целом.

Все, что происходит сейчас в сфере взаимодействия промышленных компаний и коренных народов, не может быть оценено однозначно, требуется большая работа по выстраиванию этих отношений. Сегодня они чаще всего строятся спонтанно. При появлении собак, оленеводы должны жаловаться руководству компании или сами уничтожить бродячих животных, которые нападают на их оленей. Весной в 6-й бригаде погибло 13 оленей, их загрызли одичавшие собаки. Было написано письмо в Надымгазпром, после этого был издан приказ, запрещающий содержание собак. А это условие должно быть не только в соглашениях, но и компании с начала своей деятельности должны следить за его соблюдением. Другой пример, на собрания попадают не все оленеводы, а потом возникают претензии, и некоторые из них требуют и получают, например, резиновые лодки или другие необходимые для их жизни вещи. В результате, в компаниях и в общественном мнении складывается представление об изживенческих настроениях аборигенов. А ведь компенсации должны быть одним из условий землеотводов.

Яркий показатель необходимости особой политики в отношении между сторонами – строительство переходов. Причем интересно отметить, что некоторые оленеводы вообще не понимают, почему это является проблемой. Они рассказывают, что каждый раз перед движением через дороги бригадиры должны не только согласовывать места переходов, но и проверять, сделали ли их. Очень часто «достраивают» эти переходы уже тогда, когда началось кочевание. И люди справедливо замечают, что когда дорога будет построена, им не к кому будет обратиться по этому вопросу.

Процесс происходит так: бригадир приезжает к строителям, и они вместе отмечают на карте и на местности, где нужно сделать

переходы — насыпать пологие откосы от дороги. Потом переходы должны быть покрыты дернитом, чтобы оленям было легче пройти и перетащить груженные нарты. Мы столкнулись с ситуацией, когда строители сделали переход не там, где указал бригадир, кроме того и дернит не был постелен. Возникший конфликт был погашен совместными усилиями работниками предприятия и оленеводами. Когда мы обсуждали эту ситуацию с руководителями производственного отдела по строительству, они высказали мнение, что компании вообще не должны это делать, это их благотворительная акция, у компании не запланированы для этого ни деньги, ни рабочие.

«Мы еще в прошлом году сделали бумаги по переходам. Мы за эти работы отвечаем. Проектные переходы мы сделали, а оленеводы просят покрыть дернитом и еще много чего сделать, и мы это делаем. В документах дернита нет, это временная мера. Мы не можем там стоять, это на добровольных началах делается, это проектом не предусмотрено, это «хотелки» местного населения. В документах предусмотрены переходы, но дернита там нет. Это такая мера, которую нужно делать каждый год, а мы дорогу уже сдали. Эта проблема должна решаться на стадии проекта.

Также не могут быть разрешены проблемы с собаками. Мы не можем предписать отстреливать, оружие запрещено завозить. Мы письмами оповещаем подрядные организации, которые за это отвечают, но механизма нет, как это решать, нужно решать на уровне или администрации, или милиции. Регулирование рыболовства, складирования отходов, содержание собак — это все в ведении подрядных организаций, а там определяется приказами, в договорах этих пунктов нет» (Бованенково, 2008 г.). Результатом такой неурегулированности этих вопросов являются кучи мусора и собаки на промышленных объектах, а также дополнительные трудности для оленеводов при переходах через строящуюся дорогу.

Мониторинг ситуации в течение двух лет позволил по-новому посмотреть на проблему переходов и продвижения оленеводов со стадами через дорогу. За год стали очевид-

ными многие недостатки их строительства. Переходы создают для оленеводов много проблем: насыпь опускается, и переходы становятся очень крутыми, их нужно постоянно подсыпать. Делается несколько переходов, так как по одному не могут пройти все аргиши и олени. Для того, чтобы следить за переходами используют вертолеты. Некоторые оленеводы считают, что вместо того, чтобы тратить столько денег, переходы нужно сделать по-другому — чтобы олени ходили под мостом. В любом случае, требуется более внимательное изучение этого вопроса. О его сложности свидетельствуют и данные о том, что по материалам Департамента информации и общественных связей ЯНАО в начале июня 2009 г. состоялись рабочие поездки заместителя главы Ямальского района по делам малочисленных народов Севера Д. Сэротэтто и заместителя главы района по строительству Т. Толстова, которые посетили Бованенковское месторождение с целью контроля за обустройством переходов оленеводческих бригад через Бованенковское месторождение, а также через железнодорожную трассу Обская — Бованенково. В результате было принято решение о приостановлении передвижения автотранспорта на момент касания оленеводческих бригад.

Иногда инженеры говорят о том, что в их отношениях с коренными народами нет проблем, потому что те не жалуются. При этом не учитываются особенности психологии оленеводов, которые будут жаловаться только, если другого выхода не будет. Кроме того, во время кочевания им просто некогда ездить на Бованенково в Управление капитального строительства, а звонить, как предлагают им в компании, они не могут — во многих местах их кочевания нет мобильной связи.

Самим оленеводам также не нравится эта ситуация, добираться до Бованенково не просто, значительную часть пути нужно пройти пешком, каждый раз просить, а когда строительство закончится, то вообще никто не будет заниматься дорогой. Очевидно, что отсутствие четкой регламентации, как в компании оператора, так и ее подрядчиков,

организации работ, затрагивающих жизнедеятельность оленеводов, не устраивает ни ту, ни другую сторону и создает конфликтную ситуацию.

В связи с промышленным освоением тундры возникают и психологические проблемы, о которых ненцы даже не всегда говорят. Во время переходов через дорогу для оленеводов создается сложная ситуация, они устают, волнуются, возможно, поэтому они не хотят, чтобы их видели, а особенно фотографировали. Мы были свидетелями такой ситуации, когда из-за того, что аргиши перегородили дорогу и скопилось несколько машин, водители фотографировали ненцев мобильными телефонами. Просьба девушки-студентки, которая во время каникул кочевала со своей семьей, не делать этого, ни к чему не привела. Другая сходная ситуация возникла, когда приехали «посмотреть на ненцев» студенты, которые проходили практику на Бованенково. Ненцы гостеприимны, но важно, чтобы приезжие понимали, что чум — это дом и они своим приходом вторгаются в чужую частную жизнь.

В целом взаимодействие предприятий Газпрома и Администрации ЯНАО осуществляется в рамках соглашений о сотрудничестве, которые в округе многие считают партнерскими. Они направлены на развитие строительства и капитальный ремонт социальных объектов, благотворительную помощь коренным малочисленным народам, реализацию социо-культурных и спортивных проектов. Кроме того, сообщает пресс-служба Газпромнефти, в рамках сотрудничества большое внимание будет уделено реализации программ в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов. Газпромнефть и администрация ЯНАО также изучат возможности создания фонда инновационного развития для формирования инфраструктуры, поддержки и финансирования инноваций.

В отношении районов округа приняты программы «мероприятий по гармоничному сочетанию индустриального и традиционного укладов жизни коренных малочисленных народов Севера». Интересной и ценной нужно

признать инициативу ООО «Газпром добыча Надым» — публикацию буклета о правилах поведения для сотрудников, в первую очередь вахтовиков, работающих на Бованенковском и других месторождениях полуострова Ямал «Не навреди». В нем отмечается:

Отношение к тундровикам должно строиться на уважении, соблюдении прав человека и его интересов. Правила поведения вахтовиков на месторождениях по отношению к местному населению должны быть близки к режиму заповедных мест и всегда руководствоваться принципом «Не навреди».

1. Запрещается перемещаться по тундре вне промысловых дорог.

2. Запрещается рвать и губить любые наземные растения.

3. Запрещается провозить с собой огнестрельное оружие, рыболовецкие снасти.

4. Запрещается сорить в тундре.

5. Нельзя провозить на месторождение собак.

6. Нельзя брать с собой в тундру радиоприемники и магнитолы во избежание возникновения шума.

7. Запрещается беспокоить и отвлекать оленеводов во время перехода стада через месторождение. В момент каслания (перемещения оленей) запрещается проведение любой фото- и видеосъемки.

Ответственность за исполнение данных правил ложится на руководителей предприятий, осуществляющих любые виды деятельности на производственных объектах. Сложность заключается в том, что этот документ должен стать элементом корпоративного права, тем более, что из года в год сохраняются претензии местного населения к промышленным компаниям из-за загрязнения тундры.

Ненцы высказывают много претензий к компаниям, в современных условиях правительству округа удается регулировать эти отношения в рамках договоров, в первую очередь с Газпромом. Проведение мониторинговых исследований в течение двух лет показывает, что проблемы решаются слишком медленно. Пока список вопросов, которые стоят перед кочевым населением не

уменьшается, а появляются новые проблемы из-за необходимости переселения в поселки части ненцев. Остается проблемой взаимодействие, а точнее ответственность компании за деятельность подрядчиков. Этот вопрос так и не был урегулирован. Вопрос с переходами требует дальнейшего изучения, нареканий слишком много, из года в год их становится все больше. Временные приостановки передвижений транспорта в будущем вряд ли будут возможны.

Мнения представителей органов власти заключаются в том, что в освоении природных ресурсов Ямала должен быть системный подход, на основании которого будет строиться взаимодействие всех заинтересованных сторон – органов власти, промышленных предприятий и коренных народов. Сегодня преобладает договорная практика и финансовый подход, необходимо выработать высокие социальные технологии с учетом альтернативных путей развития.

Очевидно, что проблемы, которые возникают у промышленных компаний с кочевым населением нужно урегулировать. Одним из путей их решения может стать четкое разграничение на территории мест промышленного освоения и территорий, где живут и занимаются традиционным природопользованием ненцы. Казалось бы, правовые возможности для этого есть – Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ», хотя до сих пор не создано ни одной такой территории федерального значения. ТТП регионального значения есть в Ханты-Мансийском автономном округе, но наряду с другими трудностями, которые возникают у аборигенов при стремлении применить этот закон на практике, у кочевников есть и свои дополнительные проблемы. Ценное замечание высказал Г.П. Ледков, руководитель сельскохозяйственного производственного кооператива «Тазовский» и член общественной организации: *«Если уже от Заполярки дорога отпугнула оленей, то можно предположить, что будет, если здесь будет сеть дорог. Здесь один песок будет. У меня та-*

кое мнение, нужно закрепить маршруты. Нужно людей в этом убедить. Можно это сделать. Ведь так сделали в Ненецком округе. Нужно выделить разные участки, где пасут оленей, где нет, где кладбища, где священные места. Мне кажется, это дело времени. Нужно думать, как дальше жить. Сейчас нужно учитывать в организации местного самоуправления, что здесь живет кочевое население». Такие предложения будут возможно претворить в жизнь, если и органы власти, и промышленные компании будут учитывать интересы коренных малочисленных народов и стремиться сохранить традиционный образ жизни в Арктике.

В некоторых субъектах федерации, в первую очередь в ХМАО и ЯНАО приняты нормативные документы, регламентирующие взаимодействие промышленных компаний и коренных малочисленных народов. В рамках федеративного государства необходимо сочетание общих стандартов и норм, учитывающих специфику районов и укладов отдельных народов. Адекватность механизмов такого взаимодействия культурным ценностям коренных народов и защите их законных прав и интересов зависит в значительной степени от степени самоорганизаций коренных народов и уровня этнологической экспертизы или других прикладных исследований. В ходе таких работ должны быть выявлены риски и ожидания аборигенов и выявлены возможные основания взаимодействия, которые будут приемлемы для бизнессообществ.

Ситуация осложняется тем, что промышленная деятельность началась до того, были приняты соответствующие нормы права, защищающие интересы коренных малочисленных народов. Поэтому должны быть выработаны и приняты и компенсаторные меры. Наиболее существенным недостатком промышленного влияния на жизнь коренных народов является то, что в результате в России пока не достигнут паритет в их отношениях ни в правовой сфере, ни на практике. Сегодня во взаимодействии коренных народов и промышленных компаний в ЯНАО больше проблем, чем достижений. Существующих

соглашений недостаточно, так как они не только не удовлетворяют потребности сторон, но и в значительной степени не учитывают стратификации аборигенного сообщества, весь спектр интересов коренных малочисленных народов в современных условиях. Кроме того, в округе складывается ситуация, когда каждая компания заинтересована в «своей» трубе и лоббирует собственные интересы всеми способами. Прикладные

исследования показывают, что необходима выработка общих стандартов к деятельности компаний, учитывающих специфику региона: особую ранимость арктической природы и значительные группы кочевого населения, занимающегося оленеводством. Кроме того, дальнейшие исследования могли бы помочь органам государственной власти округа осуществлять более взвешенное и системное управление регионом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Штамлер Ф. Кочевой образ жизни оленеводов прибрежной зоны Западной Сибири (Ямал): возможности и ограничения в сете недавних перемен // Экологическое планирование и управление, 2008, № 3-4, с. 78-91.
 2. Богоявленский Д.Д., Мартынова Е.П., Мурашко О.А., Хмелева Е.Н., Якель Ю.Я., Яковлева О.А. Опыт проведения этнологической экспертизы. Оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром» поисково-разведочных работ в акваториях Обской и Тазовской губ на компоненты устойчивого развития этнических групп коренных малочисленных народов Севера. М., 2002.
 3. Василькова Т.Н., Евай А.В., Мартынова Е.П., Новикова Н.И. Коренные народы и промышленное развитие Арктики (Этнологический мониторинг в Ямало-Ненецком автономном округе). Москва-Шадринск, 2011.
 4. Вопросы взаимоотношений коренных малочисленных народов с промышленными компаниями (опыт, практика сотрудничества, документы). М., 2009.
 5. Книжников А., Уилсон Э. Управление подрядчиками в нефтегазовой отрасли России как фактор экологической безопасности. М., 2010.
 6. Правовое обеспечение этнологической экспертизы как обязательного условия при освоении северных территорий. Парламентские слушанья. М., 2008;
 7. Уилсон Э., Свидерска К. Горнодобывающая промышленность и коренные народы в России: регулирование, участие и роль антропологов // ЭО, 2008, № 3, с. 28-36;
 8. Nattall M. Pipeline Dreams. People, Environment and the Arctic Energy Frontier. Copenhagen, 2010.
 9. Stammler F. and Wilson E. Dialog for Development: An Exploration of Relations between Oil and Gas Companies, Communities and State // Sibirica, 2006, vol.5, №2, p. 1-42.
 10. <http://www.gazprom.ru>
- Данные об авторе: Новикова Наталья Ивановна, к.и.н., в.н.с. Института этнологии и антропологии РАН, исполнительный директор ООО «Этноконсалтинг».

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ
(ПО ОБСКО-УГОРСКИМ МАТЕРИАЛАМ)

Е.А. Пивнева

Ученый секретарь

института этнологии и антропологии РАН, к.и.н.

Городская культура — относительно новое явление в образе жизни хантов и манси, которое не получило пока должного освещения в отечественном угроведении. Отчасти это объясняется научными предпочтениями классической этнографии, в поле зрения которой находилась прежде всего *традиционная культура* сибирских народов, под которой обычно понимаются самобытные черты в хозяйственно-бытовом укладе, материальной культуре, мировоззрении и обрядовой практике, сложившиеся на основе традиционных форм хозяйства (Соколова, 2009. С. 7-8). Изучению т.н. «сельских» форм культуры благоприятствовала и относительная их сохранность вплоть до последней трети XX в.

Процессы урбанизации затронули коренных северян примерно с 1960-70-х годов. С тех пор число тех, кто сменил постоянное пребывание в тайге или тундре на городскую жизнь, существенно возросло. Согласно данным последних переписей населения, доля горожан в общей численности у хантов составляла: в 1979 г. — 22,6%, в 1989 г. — 29,8, в 2002 г. — 34,6%; у манси в те же годы — 35,3%; 45,6 и 51,8%, соответственно. Лишь малая часть нынешних обских угров продолжает вести традиционное хозяйство, с которым связывают бытование этнического языка и самобытной народной культуры. В Ханты-Мансийском автономном округе — Югре (далее — ХМАО) по состоянию на конец 2008 г. численность коренных малочисленных народов Севера составила 30 450 человек (в т.ч. ханты — 17 955 чел, манси — 10 630 чел). В сельской местности (сельских поселениях) проживало 16 980 чел. (55,7%), из них вели традиционный образ жизни в границах территорий традиционного природопользования 2 440 чел. (8,0% в общей численности коренных малочисленных народов Севера)¹.

1 Официальный сайт государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа — Югры [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.admhmao.ru>

Таким образом, около 45% от числа народов Севера ХМАО — жители городских округов и городских поселений.

Многие исследователи расценивают современные сдвиги в образе жизни северных сообществ как исключительно негативные, полагая, что они ускоряют распад системы традиционных ценностей этих народов: «В городах и поселках Севера, где численно преобладает приезжее население, происходит тотальная деэтнизация аборигенов, выражающаяся в потере национальных традиций и языка в течение жизни уже одного поколения. И это не удивительно: языки, одежда, обувь, традиции коренных северян рождены в среде кочующих оленеводов, охотников и рыбаков и в современной оседлой, тем более урбанизированной, среде они не находят применения» (Южаков, Мухачев, 2001. С. 9-10).

Действительно, этнокультурной (этнической) специфики, под которой чаще всего понимается совокупность явлений материальной и духовной культуры и языковых особенностей, отличающих один народ от другого (Карлов, 2010. С. 195) в современной жизнедеятельности северян становится все меньше. Поэтому так важно выявление и осмысление новых, рождающихся сейчас и вызванных к жизни современной действительностью, форм. Как меняется этническая культура? Каково ее новое содержание? Есть ли вообще ей место в городе? Настоящее соображение, основанное на материалах полевых исследований автора 2008–2010 гг. в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре², является попыткой частичного ответа на эти вопросы. В качестве предварительных замеча-

2 Экспедиционные исследования в 2010 г. проводились при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 10-01-00028а «Коренные малочисленные народы города: этнологический анализ современных адаптационных стратегий и практик коренных малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ». Рук. Д.А. Функ).

ний хотелось бы отметить следующее.

Представляется верным мнение о необходимости различать два понятия: *аборигенная, или этническая, культура* (именно о ней идет речь) и *культура аборигенов*. Последняя включает в себя по крайней мере три уровня. «Это собственно этнокультура (аборигенная культура) того или иного народа, <...> общероссийская культура на основе русского языка и общероссийских историко-культурных ценностей и правовых норм, а также общегражданских установок. Это современная материальная и духовная культура, которая проистекает из общецивилизационных достижений, а также от некоторых воздействий западной массовой культуры. Разные возрастные и социальные группы аборигенного населения в разной степени используют эти три культурных потока и по-разному формируют свое отношение к ним» (Соколова, Тишков, 2006. С. 739).

Важно и понимание того, что *не следует отождествлять традиционные черты в культуре и этническую культуру в целом*. Определенные потери в традиционном слое культуры компенсируются как развитием ее более современных элементов, так и общим ростом разнообразия культурно-бытовых и иных характеристик. Как верно заметил, например, В.В. Пименов, культуру нельзя уничтожить, она не пропадает, не исчезает бесследно, хотя и меняет меру своей актуальности. «Актуальная культура — та, которая находится в более или менее постоянном обороте в данное время и в данной социальной (и этнической) среде. Ее состав и объем, характер и направленность меняются в процессе функционирования и развития, подчиняясь закону традиции и обновления» (Пименов, 1977. С. 138).

Обско-угорская культура как бренд округа

С начала 2000-х годов в массовое сознание жителей ХМАО прочно вошел термин *Югра*, впоследствии широко распространившийся за пределы округа. Возведенное в ранг официальной идеологии, это емкое слово призвано было сгладить имеющиеся противоречия между коренным и пришлым населением,

объединив в одну региональную общность представителей более 120 населяющих округ народов.

Этническая культура обских угров играет ключевую роль в создании образа Югры в силу ряда причин. В их числе — существующее в общественном мнении (в т.ч. в среде самих малочисленных народов Севера) понимание того, что Ханты-Мансийский автономный округ уже своим статусом и названием предопределен значительную часть своей политики посвящать мерам по сохранению культурного своеобразия хантов и манси. (Несмотря на существующую динамику увеличения численности, они занимают в этнической структуре ХМАО всего около 2%.)

Презентация обско-угорской культуры осуществляется в Ханты-Мансийске в широком спектре — от артефактов до продуктов профессионального творчества. Уже в городском ландшафте столицы округа находят отражение орнаментальные сюжеты, формы построек и пр., которые создают визуальный образ аборигенной культуры. Например, около здания аэровокзала установлена скульптурная композиция «Семья хантов на привале», где люди и олени отлиты из бронзы в натуральную величину. В интерьерах аэропорта и некоторых магазинов можно увидеть скульптурные изображения северных народов в традиционном жилище-чуме. В виде огромного 45-метрового стеклянного чума построен бизнес-центр «Гостинный двор» — доминирующее здание на Центральной площади города. В Ханты-Мансийске регулярно проводится фестиваль ремесел финно-угорских народов, призванный познакомить широкую общественность с образцами народного творчества хантов и манси.

Этнокультурный потенциал коренных народов Севера активно используется в туристическом бизнесе, став «источником оригинальных и креативных идей для путешествий». Рекламные буклеты позиционируют хантов и манси как «потомков легендарных богатырей», которые в прошлом охотились с луками и «могли нанизать на одну стрелу несколько летящих уток», а сегодня

приглашают любителей экзотики на охотничьи туры в северную глубинку (Ханты-Мансийский автономный округ, 2008). Уникальный многовековой опыт, накопленный обскими уграми в рыболовном промысле, находит применение при организации рыболовных туров.

Программа теплоходного круиза Ханты-Мансийск – Березово в числе прочих услуг включает посещение этно-оздоровительного центра в Шеркалах, где туристам предлагается «познакомиться с национальными традициями и бытом народов ханты и манси, увидеть чумы, лабазы, печи, жертвенные места (!), отведать национальную кухню». В условиях, «приближенных к традиционному быту хантов», можно провести на турбазе «Назымский привал». В программе также широкий спектр услуг с этнической окраской: «рыболовный тур на обласах, посещение хантыйских стойбищ, прогулка в оленьем стаде, знакомство с укладом жизни хантов, дегустация национальной кухни, участие в спортивных соревнованиях по стрельбе из лука, прыжкам через нарты, метанию тынзына на хорей» (Там же).

Художественные традиции обских угров служат источником вдохновения при создании самых разных образцов сувенирной продукции, где наряду с аутентичными распространены новые формы и сюжеты на северные мотивы: чехлы для телефонов, магнитные наклейки для холодильников, брелоки для ключей, зажигалки и пр. «Знаковые» формы и образы этнической культуры транслируются зачастую в существенно трансформированном виде. Например, орнаментированные стилизованным изображением медведя рукавицы, которые использовались только во время Медвежьих игрищ, на одном из фестивалей мне было предложено купить как банные.

Священный, с точки зрения традиционного мировоззрения обских угров, Медвежий праздник в условиях города приобрел лишь развлекательное значение, танцы и сценки по его мотивам широко используются в художественной самодеятельности. «Дух огня», который и по сей день является объектом почитания многих представителей обских угров (в том числе городских), в то же

время стал наименованием международного фестиваля кинематографических дебютов. А «Золотым бубном» назван проводимый в Ханты-Мансийске международный фестиваль телевизионных программ и телефильмов.

Существуют различные примеры трансформации, а также десакрализации элементов обско-угорской культуры, которые у «настоящих» («посвященных») создают ощущение игры: «Мы – кукольные ханты. Настоящего хантыйского вообще ничего нет. Тут сплошь показуха. Вот конференция идет, мероприятие, юбилей, фестиваль финно-угорский, ханты встают, в бубен бьют, песни поют. Они в тот момент ханты <...> а на охоте они даже не знают, к какой стороне к дичи подходить! Они не умеют оленя запрячь, даже на нарте просто усидеть не могут, сваливаются. Это – профессиональные ханты»³.

Справедливости ради следует сказать, что и в условиях города еще сохраняются определенные элементы древних верований. У хантов и манси гораздо больше связывающего их с древней религией, обрядами, чем может показаться на первый взгляд. Они по-прежнему обращаются к своим духам-покровителям в важные жизненные моменты и совершают обряды для своих божеств (См., например: Бардина, 2010; Иванова, 2009; Карапетова, Соловьева, 2000; Кережи, 2010; Федорова, 2007).

В среде обских угров продолжают бытовать некоторые формы традиционных промыслов и ремесел. Например, широко распространена художественная обработка дерева (от детских игрушек до хозяйственных построек и жилищ, а также разнообразных транспортных средств). Не утрачены навыки работы с берестой, служившей в прошлом материалом для изготовления огромного числа предметов утвари. У северных и восточных хантов по-прежнему практикуется плетение корневатиков (коробки различной формы и размера из корней кедра), изготовления циновок из высушенной травы-осоки. На некоторых территориях округа еще существует традиция изготовления из кости резных накладок

³ Полевые материалы автора (г. Ханты-Мансийск, 2008 г.).

и пряжек для мужских поясов и деталей оленьей упряжи. Сохранились навыки работы с мехом и с ровдугой; распространены бисероплетение, работа с тканью, вязание. Из лоскутков цветной ткани делают кукол (*акань*), которые активно используются в качестве сувениров.

Если раньше изготовление одежды, промыслового снаряжения, транспортных средств, предметов обихода и др. входило в число обязательных для каждого мужчины и женщины занятий, теперь это прерогатива лишь узкого круга умельцев, которые создают свою продукцию в основном «на заказ» — для музеев, сувенирных магазинов, фольклорных коллективов.

Опыт сохранения этнокультурного наследия

Для сохранения и воспроизводства народных традиций в Ханты-Мансийске создан Центр культуры и искусства народов Севера, имеющий 10 филиалов. Более 20 мастеров из числа народов Севера носят звание «Народный мастер России», изделия многих из них включены в представительские экспозиции Правительства ХМАО. В округе существует Союз мастеров традиционных промыслов Югры «*Сорни ёи*».

В области духовной культуры особой живучестью отличается комплекс представлений, связанный с почитанием медведя, но Медвежьи игрища проводятся лишь на нескольких территориях традиционного проживания обских угров, где живы еще старики — исполнители священных песен и танцев. Устное народное творчество хантов и манси развивается в основном в рамках фольклорных коллективов: «*Аранг Мосьнэ*» (Народная сказительница), «*Мойпыр Як*» (Медвежья пляска), «*Увас Хурмат*» (Красивые узоры), «*Мисс-нэ*» (Лесная фея). Популярностью пользуются театр обско-угорских народов «Солнце», семейный театр М.К. Волдиной «*Ёшак най*», этномузикальный коллектив «*Ямра*».

В последнее время возрос интерес к календарным (сезонным) праздникам и обрядам, в округе отмечают Вороний день, Праздник

обласа, День оленевода. Как правило, они иницируются «сверху» и привлекают широкие массы зрителей. Одна из задач таких мероприятий — приобщить молодое поколение к культурному и духовному наследию, «напомнить им о корнях».

Поскольку многое в сфере духовной культуры уже утрачено, большое значение придается реконструкции традиционных элементов на основе имеющихся этнографических публикаций и новых материалов, полученных в среде «носителей традиций». В последние годы большую работу в этом направлении ведут исследователи из числа самих хантов и манси, которые взяли на себя задачу изучения собственной этнической культуры (См.: Лукина, 2002).

В деле сохранения этнокультурного наследия обских угров большая роль принадлежит общественному движению, оформившемуся в 1989 г. в окружную ассоциацию «Спасение Югры». По инициативе ее лидеров проведено множество мероприятий в защиту языка и культуры хантов и манси (См.: Кошелева, 2003). В числе прочих в округе действуют законы о языке и о фольклоре коренных малочисленных народов Севера. В 2008 г. вышло Постановление Правительства округа «О грантах ХМАО — Югры для поддержки проектов, способствующих сохранению, развитию, популяризации фольклора, традиций, языка, промыслов коренных малочисленных народов Севера».

Одним из существенных результатов инициативных начинаний этнической интеллектуальной элиты стала переоценка отношения представителей обско-угорских народов к собственному этнокультурному наследию. Вместе с тем, как верно заметил В.С. Малахов, «культурная традиция, развивать которую пытаются этнические активисты, носит, как правило, исключительно *фольклористический* характер. Это законсервированный образ культуры, понятный этнографам, но чуждый подавляющему большинству индивидов, статистически принадлежащих к соответствующей этнической группе» (Малахов, 2007). Приведенное высказывание

подтверждается применительно к молодежи и полевыми материалами: «Для моих внуков все это уже не доходит до глубины души — для чего, зачем? Они как бы совершенно чужие в этом деле».

Будущее этнических традиций во многом зависит от позиций молодого поколения, поэтому вопросы воспитания и образования детей с учетом этнических особенностей особо значимы для округа. Дети и молодежь приобщаются к культурному наследию своих предков в ходе конкурсов и фестивалей по родному языку, культуре и фольклору. Новым способом получения этноинформации стали детские и молодежные экспедиции: этнографические, диалектологические, фольклорные, а также языковые курсы в этнической среде.

Своеобразная форма приобщения подрастающего поколения к этнической культуре — т.н. «Этнические стойбища», совмещающие летний отдых детей с познавательной деятельностью. Первый такой центр «*Мань Ускве*» («Маленький городок») был организован в 1994 г. на территории Березовского района ХМАО. Опыт его работы был принят за основу при создании других аналогичных структур. В настоящее время в округе существует 14 детских этно-оздоровительных центров и 7 этно-оздоровительных площадок. Работа, которая предусматривает совмещение отдыха и оздоровительных процедур с приобретением знаний в области этнической культуры народов Севера, осуществляется в рамках реализации различных окружных программ (они адресованы в основном детям и подросткам из малообеспеченных, многодетных, неполных семей, детей — сирот). В городе Ханты-Мансийске одной из «точек роста» стала детская творческая студия «*Лылынг союм*» («Живой ручеек»).

В деле сохранения этнической культуры в условиях города большая ставка делается на современные технологии. Уже появились, например, «Виртуальные стойбища». В 2005 г. при поддержке гранта Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа—Югры, в основном усилиями самих представителей коренных народов Севера, создан Интернет-

проект «Etnic.ru», который знакомит широкую общественную аудиторию с особенностями культуры аборигенных народов округа, предлагает программы виртуальных этнопутешествий, проводит направленные на популяризацию этнической культуры конкурсы.

Есть в ХМАО и «Мобильное стойбище», которое может развернуть четыре модуля (чума) — «фольклорный», «игровой», «мастерской» и «северная кухня» — на различных фестивальных площадках. В каждом из этих чумов посетителям предлагаются выставки и демонстрация элементов традиционной культуры. Такое «стойбище» — частый гость ВВЦ в Москве, а летом 2006 г. оно «кочевало» в Пермском крае в рамках фестиваля «Камва» (этнофутуристическое движение, облекающее традиционную культуру в новые современные формы).

«Живая» этническая культура пытается приспособиться к миру современных технологий. Однако многие ее составляющие сохраняются лишь в музеях. Последних в округе более сорока. Одной из визитных карточек города Ханты-Мансийска стал этнографический музей под открытым небом «Торум Маа». Он находится на красивом лесистом холме на территории природного парка-заповедника Самаровский Чугас. По инициативе Е.Д. Айпина и Ю.Н. Шесталова в конце 1980-х годов там были собраны типичные постройки обских угров — деревянные срубы, лабазы, а также предметы культуры и быта, составившие основу музейного фонда. Сегодня музей стал местом для творческих экспериментов, проведения народных праздников, встреч городской интеллигенции.

В итоге можно сказать, что этническая культура обских угров в современных городских условиях становится открытой, приобретает новые, не известные ей ранее, формы и наполняется иным содержанием. Этнокультурное наследие народов Севера все больше осознается как важный ресурс жизнеспособности общества, с необходимым условием сохранения и поиска современных форм работы с ним.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бардина Р.К. Дух-покровитель Тоя-павыл-эка // Этнокультурное наследие народов Севера России. К юбилею д.и.н., проф. З.П. Соколовой. М., 2010.
- Иванова В.С. Обрядность северных манси в конце XIX – начале XX века: локальные особенности: Автореф. дисс...к.и.н. СПб., 2009.
- Карапетова И.А., Соловьева К.Ю. Образ хозяина Югана «Явун-ики» как символ культуры юганских хантов // Этнография народов Западной Сибири. К юбилею д.и.н., проф. З.П. Соколовой. М., 2000.
- Карлов В.В. Народы северо-восточной Евразии в XIX и XX вв. М., 2010.
- Кережи А. Традиции и инновации в культуре городских и сельских хантов // Этнокультурное наследие народов Севера России. К юбилею д.и.н., проф. З.П. Соколовой. М., 2010.
- Кошелева Е.Ю. Этнические движения коренных малочисленных народов Севера на рубеже XX – XXI веков (западносибирский регион): Автореф. дисс...к.и.н. Томск, 2003.
- Лукина Н.В. Наука как форма общественного развития северных этносов. Томск, 2002.
- Малахов В.С. Этничность в Большом городе // Неприкосновенный запас. 2007. № 1(51).
- Пименов В.В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977.
- Соколова З.П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. М., 2009.
- Соколова З.П., Тишков В.А. Народы Западной Сибири в XX – начале XXI в. // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энты. Нганасаны. Кеты. М., 2006. (Серия «Народы и культуры»).
- Федорова Е.Г. Погребальный обряд: от настоящего к прошлому (несколько сюжетов из этнографии обских угров) // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург-Сургут, 2007.
- Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. Туристический путеводитель. Екатеринбург, 2008.
- Южаков А.А., Мухачев А.Д. Этническое оленеводство Западной Сибири: ненецкий тип. Новосибирск, 2001.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ СРЕДИ ТАЗОВСКИХ СЕЛЬКУПОВ

Кениг А.В.

Руководитель научных программ ООО «Югра-терра», к.и.н.

В последние два десятилетия в отечественной науке стал активно использоваться (американский по происхождению) термин «этноархеология» (Томилов Н.А., 1995, с. 179; Грачева Г.Н., Хлобыстин Л.П., 1981, с. 135; Косарев М.Ф., 1984, с. 4). Чаще всего он употребляется в контексте комплексных этнографо-археологических или археолого-этнографических (в зависимости от процедурной стороны методики) исследований. Главная их цель заключается в этнической интерпретации археологических материалов и реконструкции на этой основе хозяйственных, социальных и духовных отношений древних обществ. Вместе с тем, предпринимаются попытки создания «новой науки» — этноархеологии, складывающейся на стыке археологии и этнографии, которая должна взять на себя ответственность за решение широкого круга проблем, связанных с изучением истории общества и культуры на разных стадиях развития человечества (Томилов Н.А., 1996, с. 10). Объектом этноархеологии должны стать «социокультурные системы с их сложной структурой и связями», а предмет составят «свойства социокультурных явлений отражать историческую действительность, их внутренние связи и отношения с другими системами» (Томилов Н.А., 1996, с. 10). Данное определение выглядит настолько обобщенным, что может быть отнесено к любой историко-социальной дисциплине: этнологии, культурологии, социологии, археологии и т.д.

На мой взгляд, качество научного познания зависит не от количества дублирующих друг друга дисциплин, а от конкретной теоретико-методологической базы, применяемой для решения тех или иных задач в рамках соответствующей науки. Проблема использования этнографической информации в археологических реконструкциях существует достаточно давно и заключается не в том, чтобы выделить

самостоятельную науку, занимающуюся интеграцией этих двух дисциплин, а в разработке механизмов исследовательской процедуры, позволяющих спроецировать этнографические данные на археологический материал.

В этом смысле наиболее эффективным представляется опыт американской науки, где археология и этнология объединяются в рамках одной науки о человеке — антропологии.

В 1962 году вышла статья лидера новой американской археологии Л.Бинфорда под названием «Археология как антропология в которой автор, используя системный подход Л.Уайта, попытался обосновать идею о возможности реконструкции всех сторон жизни прошлого человечества на основе материальных остатков. При этом Л.Бинфорд подчеркивал, что археология способна стать объясняющей наукой наряду с социальной и культурной антропологией (Binford L., 1962).

Системный подход стал одним из важнейших средств познания в «процессуальной археологии». Вселяя огромный оптимизм в лидеров «нового направления», он стал основным способом обоснования познавательных возможностей археологии. По мнению Л.Бинфорда, используя теорию системного анализа, археолог может получить не меньше информации о социальных институтах прошлого, чем этнограф. Коль скоро изменения, происходящие в каком-либо одном компоненте системы, влекут за собой изменения в других ее компонентах, если знать общие законы внутрисистемных взаимодействий, можно рассчитать и представить реакцию каждой переменной на структурные изменения системы в целом.

Исходя из экологической концепции Дж.Стюарда, Д.Бинфорд предлагал объяснять вариации в технологических компонентах археологических комплексов на основе экологической структуры (Binford L., 1962, с.219).

Таким образом, обосновывая идею связи археологии с антропологией, представители «нового направления» выдвинули в качестве цели археологического познания уровень «процессуальной интерпретации», а в качестве общей теории объяснения социокультурных процессов предложили системный анализ.

В 50-е гг. в американской археологии выделяется ряд дисциплин, одна из которых получила название «археология деятельности», вместе с ним, появляется еще один термин «живая археология» (*Living archaeology*) (Gould R., 1968). Однако, со временем эти термины были практически полностью вытеснены термином «этноархеология». Он наиболее удачно отразил промежуточное положение определяемого им направления между археологией и этнографией, где объектом исследования являются «живые» этнографические общества, а цели сформулированы в соответствии с задачами археологии.

Таким образом, этноархеология была призвана на арену археологических реконструкций не только, да и не столько с целью расширения диапазона этнографической информации для построения наибольшего числа гипотез, сколько с целью обеспечения археологии общей интерпретационной методологией.

Этноархеологические модели летних и зимних поселений

Одной из распространенных задач при реконструкции социально-экономического и хозяйственно-бытового уклада древних обществ по археологическим материалам является определение сезонной направленности поселений и жилищ (летние и зимние). Как правило, в качестве основных признаков, способных отразить тот или иной тип поселения или жилища, археологи используют особенности расположения памятника (в устье или у истока реки, на возвышенности или гриве, на открытой поляне или защищенной местности), мощность культурного слоя, конструктивные особенности жилищ (наземные или земляночного типа, наличие или отсутствие очага и т.д.) и другие особенности (Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., 1979, с.122-125).

В этой связи основной задачей описываемого в настоящем параграфе этноархеологического эксперимента является попытка обнаружить характерные признаки сезонной направленности селькупских поселений и жилищ, отражающихся в археологическом контексте. Другими словами, определить отличительные черты сезонных поселений селькупов путем анализа вещных комплексов.

В «живой» этнографической действительности, наблюдая жизнь тазовских селькупов в летних и зимних поселках, разница между этими типами поселений прослеживается отчетливо. Прежде всего, это выражается в топографическом размещении стойбищ, в выборе места их расположения. Летние поселения располагаются, как правило, недалеко от реки, на невысокой до 2-3 метров террасе, хорошо обдуваемой ветром. Выбор места определяется несколькими основополагающими факторами. Во-первых, наличие богатых кормовых угодий для выпаса оленей в летний период, наличие небольшого болотца или ручья, обеспечивающих прохладу в ночное время суток (благоприятствует содержанию оленей), кроме того, площадка должна хорошо обдуваться ветром, чтобы было меньше гнуса и комаров. Во-вторых, возможность занятия рыболовным промыслом, являющимся основным источником жизнеобеспечения в летний период.

Зимние поселения располагаются в глубине сосновых боров сравнительно недалеко от реки. Выбор места зимних стойбищ связан с закрытостью от ветра, наличием ягельных угодий для оленей и возможностью осуществлять неинтенсивный промысел.

Существенным признаком, отличающим летние и зимние поселения тазовских селькупов, являются срок эксплуатации в течении годового хозяйственного цикла. На летнем стойбище, в среднем, проживают около 6 месяцев в году (с мая по октябрь). В то время, как на зимнем — только 2 месяца (с конца декабря до начала февраля). Все остальной время селькупы проводят в постоянных перекочевках, промысливая пушного зверя и выпасая оленей. Стоянки этого периода настолько

кратковременны, и зачастую не оставляют характерных следов не только в археологическом, но и в этнографическом контексте.

Различная длительность проживания на летнем и зимнем стойбищах обеспечивает разницу в площадном освоении этих типов поселения, поскольку большая часть хозяйственно-бытовой деятельности приходится на летний период, то основная масса хозяйственных построек располагается на летнем стойбище (лабазы, навесы, летние кухни и т.д.). На зимнем стойбище кроме жилищ никаких других сооружений селькупы не делают, исключение составляют имеющиеся на некоторых стойбищах небольшие срубы для хранения мяса.

Хозяйственная направленность летних и зимних стойбищ описана в первом параграфе настоящей главы. Следует отметить, что это так же один из существенных признаков, отличающий сезонные поселения. В данном случае на него хотелось бы обратить особое внимание для того, чтобы попытаться проследить закономерность отражения хозяйственной деятельности в вещественных комплексах различных типов поселений.

В археологическом контексте (если абстрагироваться от наблюдений этнографической действительности) на визуальном уровне отчетливо прослеживается степень концентрации и порядок размещения предметов материальной культуры и вещественных остатков на зимнем и летнем стойбищах. В соответствии с этим была поставлена задача определить, каким образом концентрация предметов может отражать сезонную направленность поселения, выявлять существование здесь каких-либо закономерностей. В данном анализе не учитывались жилища, поскольку это объекты особой значимости и им посвящены отдельные исследования.

Концентрация предметов на летнем и зимнем поселениях. Для того, чтобы определить в цифровом выражении степень концентрации предметов на различных сезонных стойбищах, вся их площадь была разбита на квадратную сетку (площадь одного квадрата

16 кв.м). Предметы, попадающие дважды в отдельный квадрат, заносились на план и отмечались соответствующим порядковым номером. Отдельно записывалась функциональная направленность предметов, материал изготовления и степень сохранности. Эти особенности использовались при дальнейших анализах. Коэффициент концентрации рассчитывался при помощи методов теории информации, в частности – энтропии как меры неопределенности информации $P = \sum P_i \log P_i$ и избыточности, как меры избыточности или предопределенности информации $R = 1 - H/N$, где $H = \log N$, N – общее число значений признаков. В данном случае, R выступает как коэффициент концентрации.

За признак было взято распределение предметов по квадратам, а в качестве его вариантов: 1. количество квадратов, не содержащих предметы; 2. количество квадратов, содержащих от 1 до 4 предметов; 3. количество квадратов, содержащих 5 и более предметов (т.е. концентрированные зоны). В результате расчетов (табл. 1, 2) были получены следующие данные: для летних поселений избыточность (R) составила $R A1 = 0,61$; $R A2 = 0,32$; $R A3 = 0,63$; $R A4 = 0,61$; в то время как для зимних – $R B1 = 0,21$; $R B2 = 0,15$; $R B3 = 0,13$; $R B4 = 0,2$.

Таким образом, концентрация предметов на летних поселениях является его характерным признаком, в то время, как на зимних стойбищах преобладает равномерное распределение по всей площади (Рисунок 3).

Этнографически данные выводы объясняются тем, что на летних поселениях основным центром хозяйственно-бытовой деятельности является летняя кухня, представляющая собой каркасную конструкцию из восьми опорных столбов с крышей, огороженный по периметру небольшими сосновыми жердями. Именно в летней кухне и около нее размещается большое количество предметов, соответственно высок коэффициент концентрации. Кроме того, селькупы периодически производят уборку территории летнего стойбища (3-4 раза за сезон), поэтому все предметы, не связанные с функциональной значимостью, концентрируются в мусорных кучах. Приме-

чительно, что из трех обследованных стойбищ мусорные кучи размещаются в «естественных» впадинах, которые являются котлованами археологических жилищ бронзового века. Этот факт наводит на размышление о формировании многослойных памятников и представляет особый интерес для этноархеологических исследований, и в данной работе приведен только в качестве иллюстрации.

Таким образом, для летних селькупских поселков характерна объектность концентрации предметов материальной культуры и вещественных остатков, в то время, как для зимних характерно равномерное распределение предметов. Уборка летних поселений, по словам селькупов-информаторов, обусловлена содержанием оленей, которые на замусоренном стойбище могут легко поранить себе ноги о жестяные банки или осколки стекла. Вместе с тем, возникает эстетическая потребность в наведение санитарного порядка. На зимних поселениях такая потребность отсутствует, поскольку зимой мусор находится под значительным покровом снега и не приносит никакого особого вреда. Если учесть, что время эксплуатации зимних стойбищ гораздо меньше летних, то и накопление остатков на них значительно меньше.

Рассматривая функционирующие селькупские стойбища в контексте археологии наблюдается существенное различие в сезонной направленности летних и зимних поселков, выраженное в степени концентрации и размещении предметов. Для летних характерно пообъектное размещение (т.е. выделяются отдельные локальные центры: летние кухни, мусорные кучи и т.д.). Для зимних, напротив, характерно равномерное распределение по всей площади.

Наиболее значимыми объектами концентрации предметов на летних поселениях явля-

ются: жилища, летние кухни, мусорные кучи, места ремесленных работ мужчин; на зимних — собственно жилище и околожилищное пространство (Таблица 3).

На следующем этапе этноархеологического эксперимента было решено проверить наличие закономерностей зонального размещения и концентрации предметов материальной культуры на селькупских стойбищах относительно жилища, то есть, в предвходовой части околожилищного пространства, в задней, левой и правой частях относительно входа. Количественное и процентное соотношение показывает, что наиболее устойчивой является предвходовая часть околожилищного пространства (Табл. 4,5). Процент концентрации в этой зоне во всех поселениях (летних и зимних) не опускается ниже 50 %. Кроме того, наиболее «осваиваемую» (по количеству предметов) можно назвать правую от входа зону, где процент содержания вещей колеблется от 32% до 74% независимо от сезонной направленности поселения. Задняя и левая зоны имеют довольно большой диапазон колебания в процентных соотношениях, поэтому говорить о какой-либо закономерности здесь не приходится.

Описанные наблюдения и расчеты раскрывают на археологическом уровне 2 основных момента: во-первых, с уверенностью можно сказать, что каких-либо устойчивых закономерностей в распределении предметов по зонам относительно жилища, которые бы отличали летние поселения от зимних, не существует. В тоже время наблюдается устойчивый стереотип в распределении предметов в предвходовой части околожилищного пространства. Эта закономерность может служить одним из критериев в определении входа археологических жилищ, особенно в тех случаях, когда он плохо фиксируется в слое.

ТРАДИЦИОННОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ
И ПРИРОДОВЕДЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ
СТАРОЖИЛОВ ОБДОРСКОГО КРАЯ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX ВЕКА)

С.В. Туров

*Доцент кафедры отечественной истории
института истории и политических наук*

Тюменского государственного университета, к.и.н.

Аннотация. *В статье исследуются опыт природопользования и природоведческие знания старожильского населения (русские, коми) населения Обдорского края во второй половине XIX-первой трети XX века; взаимодействие природной среды и добывающих отраслей традиционной хозяйственной структуры региона, а также результаты этого взаимодействия для ландшафтно-рельефных систем и биоценозов.*

Ключевые слова. *Старожилы (русские, коми); объекты охотничьего промысла; охотничьи угодья; способы охоты; природоведческие знания; заготовка древесины; собирательство; изменения природной среды.*

Старожилы (русские и коми) на Нижней Оби во второй половине XIX – первой трети XX в. проживали в основном в следующих населенных пунктах – Обдорск (Салехард), Мужы, Кушеват, Лабытнанги, Аксарка и Нори. Главным объектом охотничьего промысла старожилов Обдории в таёжной местности был пушной зверь. Однако уже в XVII в. сказались результаты перепромысла соболя, популяция его была подорвана (Павлов, 1973. С. 24 – 32). В XVIII – XIX вв. ценного пушного зверя становится еще меньше (Туров, 2006. С. 25 – 26). К этому времени охотники все больше внимания уделяют лисице, песцу, выдре, горностаю, белке и даже колонку, медведю и росомaxe. Кроме пушного зверя охотились на крупнокопытных – тундрового оленя, лесного оленя и лося. К концу XIX в. крупнокопытного зверя также стало заметно меньше. К началу XX в. наиболее ценный пушной зверь во многих местностях практически исчез (Доронин, 1925). К 1920-м г.г. в южных районах Обдорского края наибольший интерес для охотника представляли: белка, куница, соболь и лисица. В некоторых местностях промысловое значение имели: колонок, горностаи, рысь. Попутно при охоте на перечисленных выше зверей добывали медведя, лося, вы-

дру, норку, хоря, ласку и зайца (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 695. Оп. 1. Д. 14. Л. 3 об.).

В 1920-х – начале 1930-х г.г. в охотничьих угодьях, тяготевших к с. Кушеват, из пушного зверя промышляли в основном: белку, лисицу, горностаю, песца. В охотничьих угодьях, относившихся к с. Мужы, русские и зыряне добывали и сдавали кооператорам шкуры лисиц, песцов, белок, горностаев, росомax, медведей, волков, зайцев, редко выдр и соболей. (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 16. Оп. 1. Д. 6. Л. 30, 40). Водоплавающей дичи еще в 1930-е – 1940-е г.г. было так много, что влёт ее не били. Стреляли только сидячую, из скрадка. За одну ночь можно было добыть с одного места 10 – 15 птиц. Били в основном уток. Лебедей не стреляли вовсе. Боровую дичь добывали при помощи петель. Самой частой добычей была куропатка. Мест постановки петель у каждого охотника было несколько, соответственно складывался маршрут их посещения – тропа. За один осмотр тропы в хороший год можно было взять 15 – 20 куропаток. Примерно таким же образом настораживались петли на зайца. За один раз с тропы брали 2 – 3 реже 4 зверька (Записано от В.А. Рочева, с. Мужы).

В п. Лабытнанги, близ Обдорска (Салехарда), в середине 1930-х г.г. проживало много зырян. Здешние охотники добывали лисицу,

горноста́я, песца, зайца, «очень редко» белку. «Много водяной крысы, но промысел последней не развит». Большой удельный вес в добыче местных охотников имела куропатка. Среди водоплавающей птицы промысловое значение имели черныдь и гоголь. «Главным местом промыслов» для лабытнангских старожилов «...служит тундра, расположенная около Урала по р.р. Хольве и [Подь-Яге] последняя [...] проходит около вершины р. Соби. Охотятся главным образом за песцом и попутно зайцем, [...] от Лабытнанг 40 – 50 километров. Также производится охота по сора́м, протокам, берегам Оби (в соровой пойме на удалении 15 – 20 км. к югу и северу от поселения – С.Т.) главным образом на лисицу, горноста́я, зайца» (ГА ЯНАО. Ф.12. Оп. 1. Д. 75. Л. 86 – 88).

Во второй половине 1920-х г.г. в Ямальской тундре начинают появляться профессиональные охотники – промысловики из числа зырян. Самой желанной добычей охотника – тундровика был песец. Способы и сезонность песцовой охоты подчинялись возрастным и сезонным изменениям меха зверя. Песец – это полярная лисица. Южнее полярного круга он встречается только случайно. Живёт песец в норах. Нора достигает 5 м. в длину и имеет несколько выходов. Молодые песцы появляются на свет в 20-х числах мая. В одном помёте щенков бывает от 9 до 12. До конца июня щенки находятся в норах. У промысловиков такие щенки имели характерное название «копанцы». В июле щенки начинают совершать первые вылазки из норы – это «норники». В августе – сентябре щенок назывался «крестовиком» из-за характерного окраса меха. В октябре мех молодого песца приобретает серо-пепельный цвет с синеватым оттенком – «синяк». В ноябре мех делается ещё светлее – «недопёсок». В декабре песцы белеют и остаются таковыми до марта – это уже настоящий полноценный белый песец – предмет вождления охотника – тундровика. С марта взрослый песец начинает линять. Линька начинается с шеи – «душка». К концу июля процесс линьки превращает «душку» в «дошлого крестовика».

Вообще с марта по июль мех у песца пегий и свисает клочьями. Далее с мехом взрослого песца происходят те же метаморфозы, что и с мехом щенка (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 695. Оп. 1. Д. 14. Л. 2 – 2 об.). Охота на песца в тундре делилась на летнюю и зимнюю. Летом основным объектом промысла были «крестовики» и «норники» – щенки. Их промышляли как на шкурки, так и для кормления в целях последующего забоя. Ненцы добывали молодняк с помощью капканов и петель, настороженных возле нор. Зверьков даже ловили руками, подкарауливая, когда они отойдут подальше от норы.

Зыряне привнесли в песцовую охоту элемент интенсивности. Только охотники – зыряне для отлова молодняка применяли три следующих способа. Первый – разрытие норы. Нора раскапывалась при помощи лопаты, и из нее извлекались щенки. Вторым «зырянским способом» добычи молодняка было выкуривание песцов из норы дымом. Делалось это следующим образом. Дождавшись благоприятного ветра, охотник разводил огонь из сухой травы в главном ходе норы и в одном из отнорков. Затем при помощи какой-либо ветоши или другого материала дым нагнетался в нору. Причем, все выходы из норы предварительно засыпались землей, оставлялись только два – противоположные задымленным. Перед этими двумя выходами выкапывались ямы с отвесными стенками. В эти ямы и сваливались, спасавшиеся от дыма, щенки. Взрослые особи, если они преодолевали яму, доставались охотником, стоявшим наготове, из ружья. Еще зыряне ловили молодых песцов, попросту окарауливая их близ выкопанных возле выходов из норы и замаскированных ям. Но последний способ применялся редко, так как был малодобычливым.

Зимой в тундре охотились на взрослого песца. Аборигены в зимней охоте чаще всего применяли различные ловушки: капканы, чирканы и слопцы. С ружьем и собакой на песца охотились очень редко, только в случае, когда он случайно набегал на охотника. Экспедиция В.П. Евладова в 1928 г. выявила на Ямале только 5 чумов, где имелись собаки,

натасканные идти на песца. Евладов, кстати, заметил, что среди собак самодийских («очень разнокалиберных и разнообразных») не встречается «вислоухих». Таких собак он видел только у остяков и зырян и склонен был объяснить это большей «примесью крови дворняжек».

Зыряне — ижемцы в 1910-х г.г. стали применять на Ямале облавную зимнюю охоту на песца. За день делалось от одного до трех загонов. За один загон добывали 3 — 5 зверей, но бывали случаи, когда попадались от 2-х до 3-х десятков особей. В исключительно удачные годы на пай приходилось до десяти и более песцов. Однако еще в конце 1920-х г.г. облавный промысел песца был развит только в некоторых местностях южного Ямала (ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 8. Л. 161, 77 об. — 88 об.). Отчасти это объяснялось тем, что песца в Северо — Западной Сибири было меньше, чем, например, в Северо — Восточной, где облавный способ охоты применялся в это время и позднее (1935 г.) значительно шире (Ар. МАИЭ РАН Ф. К II. Д. 182).

Все приведенные выше способы охоты на песца охотоведы в 1930-х г.г. признавали в той или иной степени «вредными». Безусловно «вредным» был отлов молодняка. Не меньше вреда приносило раскапывание и окуривание нор. Раскопанные норы забрасывались песцом навсегда, а окуренные не занимались новым выводком около 3 лет. А ведь одна нора служила для выведения песцового потомства долгое время (Ар. МАИЭ РАН. Ф. К II. Д. 182). Впрочем, в начале 1930-х г.г. добыча молодежи «синяка» и «крестовика» уже не велась. Сказались запреты и маловыгодность этого промысла (ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 49. Л. 69 — 71).

Результатом интенсификации охотничьего промысла становился перепромысел. «Целый ряд ненцев-охотников (Надымский р-н, 1933 г. — С.Т.) жаловались нам на то, что к тому времени, когда они со своими стадами достигают верховьев Надыма, эта территория бывает уже опромышлена хантами из Сургутского района, уральскими зырянами и русскими охотниками, проникающими в

эти места из Сургутского района. Вследствие этого добычливость охотничьего промысла сократилась в 2 — 3 раза и некоторые виды промысловой фауны близки к исчезновению (дикий олень)» (ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 49. Л. 69 — 71).

В Надымской местности охота была возможна круглый год. А зимой охота становилась для большинства местного населения основным занятием: «Время со второй половины ноября, после замора, и до таяния снегов можно считать исключительно охотничьим» (Дмитриев—Садовников, 1917. С. 19). В тундре охотились на волка и песца, куропатку, в лесу — на медведя, лису, белку. Правда, медведь в низовья Надыма заходил редко, но в среднем течении реки встречался чаще. Здесь же, на Надыме, в начале XX в. еще водился дикий олень, представлявший собой некий переходный вид от оленя тундрового к оленю лесному. На Надыме он оставался летовать. На дикого оленя охотились с ружьем. В тундре к нему подкрадывались, прикрываясь доской в форме тюленя, выкрашенной в белый цвет. Летом оленя окарауливали на берегах рек. Кстати, еще в 1930-х г.г. охотники использовали пистонные ружья и даже «кремневки», но у некоторых встречались и ружья центрального боя (Дмитриев — Садовников, 1917. С. 19 — 22). Пушного зверя — песца, горностаю добывали с помощью капканов, черканных, слопцов. Ловушки, особенно слопцы, настораживались в огромном количестве. Каждый охотник имел их десятки, а то и сотни (Носилов, 1909. С. 49). В низовьях Надыма крупного зверя было мало, зато здесь, а также в нижнем течении р.р. Шуга и Ныда в изобилии гнездились дикие гуси и другая водоплавающая дичь. Особенно массовые гнездовья находились в рямовых сорах устья р. Ярудея. Из боровой дичи в лесах по берегам Надыма было много куропатки, глухаря и тетерева. В хорошие годы водоплавающая дичь и куропатка добывались сотнями и тысячами на одного охотника (Дмитриев — Садовников, 1917. С. 20). На некоторых зверей на Надыме не охотились вовсе, а брали их только

«попутно – случайно». Так зайца никто не заготавливал на мясо, а шкурка его была малоценной (ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 83. Л. 6). Не охотились специально и на волка, хотя от волков сильно страдали стада оленей. А аборигены и вовсе предпочитали с волком не связываться: «Объяснение этому находим в поверье туземцев: «Не трогай волка, а то его товарищи шибко отомстят. Волк тоже есть хочет». Только аборигены – охотники, близко сошедшие с русскими и зырянами, начинали охотиться на волка, но делали это при помощи ружья, что малопродуктивно. Очень немногие охотники использовали в охоте на волка капканы (ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 83. Л. 45). Росомаха была малочисленна и в этой связи особого интереса для охотников не представляла, но, если промысловик замечал ее след, обязательно начинал преследование. Росомаху ненавидели за то, что она, в свою очередь, редко проходила мимо зверей, пропавших в капкан или слопец, да еще и обязательно разрушала ловушку (ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 83. Л. 78).

Охотничий промысел, конечно, во многом зависел от поведенческих особенностей (повадок) того или иного зверя и его «биологического цикла». Охотники – промысловики всегда пристально следили за объектами промысла. В 1928 г. председатель Обдорского райисполкома Ануфриев доносил в Тобольский окружной комитет Севера сведения о поведении песца, собранные от промысловиков: «В зиму 1926/1927 г. песец в большом количестве, особенно осенью 1926 г., шёл по берегам реки Оби на юг и в массовом количестве держался всю зиму в районах Кушевата, Мужа. Главная часть песца уходила на юг за пределы Берёзова, Кондинска, Елизарово» (ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 75).

Иной раз промысловые животные вели себя достаточно странно, полностью срывая планы охотников. В Уральской лесотундре (р. Полуй, Собский нацсовет) охотники – зыряне поведали специалистам – охотоведам о «массовом бешенстве песца» зимой 1932 – 1933 г.г.: «Песцы подбегали к чуму, взбирались на него, грызли шкуры, нарты, хорей. Из роту

шла кровь. Бросались на собак. Ими убит один песец. В тундре находили несколько штук пропавших песцов. Осенью 1932 г. наблюдалась массовая гибель песца на губе. Песец шёл табуном на лёд только замерзший, лёд проламывался и песец погибал. Паршуков уверяет, что в зиму 1932 и 1933 г. пеструшки в тундре было много (то есть голод не являлся причиной такого поведения песца – С.Т.)» (ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 75. Л. 19 – 20). По другим наблюдениям, массовый ход песца в октябре 1932 г. на лёд Обской губы был вызван тем, что: «...осень была дождливая, холодная. Образовалась гололедица. Вода, попавшая в гнёзда лемминга, замерзла. В силу гибели лемминга песец двинулся...» к Обской губе «...в массовом количестве. Песец плыл через Обскую губу на острова. Частью песец погибнул на воде, частью на островах» (ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 75. Л. 19 – 20).

Среди других лесных промыслов были заготовка дровяного (для пароходов) и строевого леса. Дрова заготавливали в лесу и в пойме – «таловые». Кушеватские старожилы в 1930-е г.г. рубили дрова рядом с селом, «... преимущественно по протоке Кушеватской. Для заготовки дров использовали валежник и мелкий лес главным образом лиственные породы. Строевой лес для построек самих граждан с. Кушеват берется из обширных лесных пространств, расположенных по горе». (ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 26). Жители с. Мужа заготавливали дрова для пароходов. Ещё в первой половине 1930-х г.г. пароходы загружались здесь дровами из расчёта дойти без пополнения запасов топлива до низовий Оби и вернуться в Мужа (ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 80. Л. 35). Жители пос. Лабытнанги в начале 1930-х г.г. лес рубили «преимущественно в северной части от Лабытнангов» (ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 82. Л. 54 об.). Дрова здесь заготавливали для себя и для продажи в Обдорске. Но вблизи Лабытнангов лес имелся только дровяной. Поэтому за строевым лесом ездили на р. Собта-Юган – «здесь лиственница была лучше» (ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 82. Л. 55).

Немалое количество леса уходило на хозяйственные нужды. По подсчетам лесных

специалистов, выполненным в первой половине 1930-х г.г., на нужды одного хозяйства на р. Надыме в год уходило около 40 кубометров леса. Кроме дров и других потребностей лес шёл на строительство жилья и транспортных средств. Так, амортизация домов «...небольших, почти лишённых хозяйственных построек» на Надыме составляла около 40 лет. Амортизация лодки-колданки — 3 года, городоушки — 5 лет, неводника — 6 лет (ГА ЯНАО Ф. 12. Оп. 1. Д. 82. Л. 32).

Здесь же, в лесных районах края (с.с. Мужы, Кушеват), собирали дикоросы (кедровый орех, грибы, ягоды), но промыслового значения эти занятия не имели. Так, в с. Мужы старожилы собирали «масленники», грузди. «До войны» грибов было очень много. Один грибник набирал по 8 ведер «за раз». Из ягод собирали бруснику, чернику, голубику: «Чернику брать трудно — с ведро наберешь. Легко брать бруснику — сразу в горсть». Бруснику брали на «гривах» — холмах, покрытых лесом. На таких холмах растет одна брусника. С гривы брали иногда по 7 ведер ягоды. Ездили по ягоду с ночёвкой семьями (Записано от Хозяиновой А.Н., Рочева Ф.А., с. Мужы). На Надыме морошка могла собираться в первой половине 1930-х г.г. до 50-ти кг. на человека в день, голубика — до 20 килограммов. Голубику здесь собирали до заморозков, «...мариновали или обращали в повидло». Морошку собирали незрелой. Брусника и клюква на Надыме собирались поздней осенью и хранились в свежемороженом виде (ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 80. Л. 40 об. — 41).

Еще на Надыме произрастали «...употребляемая местным зырянским населением малоценная ягода водяника и редко костяника». Росли в надымских лесах княженика («куманика») «довольно обильно», рябина, черёмуха, два вида смородины — красная и чёрная. Из этих ягод «местное население» особенно охотно собирало смородину. Из грибов в надымской пойме преобладали «обапки» и «масленники». Белый гриб встречался лишь изредка (ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 80. Л. 41). Лабытнангские зыряне в первой половине 1930-х г.г. собирали близ посёлка бруснику,

клюкву, чернику «для своих потребностей» (ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 82. Л. 55).

Таким образом, лес был настоящим богатством для местного жителя. Но леса страдали от пожаров. Обширные пожарища видел по берегам Надыма Н.К. Хондажевский в 1870-е годы (Хондажевский, 1879. С. 14). Скорее всего это были следы сильного пожара, произошедшего около 1853 года. К такому заключению пришли лесные специалисты Дзякович и Емельянов, которые в 1933-1934 г.г. побывали на Надыме в составе экспедиции землеустроителей. Кроме того, они выяснили, что леса на Надыме сильно горели ещё дважды. Первый раз около 1883 г. Во время этого пожара деревья обгорели и валились с вывернутыми из почвы корнями. Во второй раз, в 1918 г.: «...было уничтожено всё горючее, почва оголена до песка» (ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 80. Л. 32 — 38 об.). Похоже, описанные выше лесные пожары носили характер региональных катастроф. Во всяком случае, около 1853 г. горели леса и в Приуральском районе. «Со слов местных жителей» по р. Собь-Юган в это время выгорели леса на площади в 500 гектаров. В надымских лесных пожарах, между прочим, молва винила ненцев. Якобы таким способом обитатели тундры мстили за притеснения со стороны революционных властей. Однако по этому поводу Дзякович и Емельянов замечали, что даже в 1934 г. революционные преобразования ненцев мало коснулись. Они, как и встарь, преспокойно каслали в отдаленных тундрах (ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 80. Л. 12, 18 — 18 об.). Лесные пожары были страшны ещё и тем, что уничтожался ягель — корм оленей. На недавних пожарищах ягеля подолгу не было вовсе. Молодой ягельник, пригодный в пищу оленей, появлялся не сразу. Например, в 1931 г. на р. Куноват молодые ягельные боры (25 — 35 летней давности пожара) составляли около половины всей площади боров. Особенно широко такие боры распространялись в водоразделе Куновата и Казыма. Боров, выгоревших недавно и совсем лишенных по этой причине ягельников, было немного (ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 30). Заметны были не только по-

следствия пожаров, но и следы порубок. Так в 1934 г. лесные специалисты отметили, что вблизи Лабытнангов и Аксарки лес изрядно прорежен топором дровосека (ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 82. Л. 54 об. – 73). Правда, места порубок подвергались элементарной очистке: «Способ очистки мест рубки зырянами – сжигание сучьев на костре» (ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 82. Л. 67 об.). Впрочем, в целом лес в этом районе был в хорошем состоянии. Лес здесь тянулся на северо – восток до р. Хоровая, на северо – запад – до Сось – Югана, на запад – до тундры (8 км.). Основные породы – лиственница и берёза. Деревья были достаточно рослыми. Средняя высота составляла около 5 м., а возраст от 80 до 150 лет. Отдельные экземпляры росли уже 200 лет (1933 г.) (ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 82. Л. 55). Хуже дела обстояли непосредственно близ Обдорска и в некоторых других местностях, где лес был в значительной степени вырублен уже к первой половине 1930-х годов. Под антропогенным воздействием формировались переотложенные почвы, так называемая пятнистая тундра. Пятнистая тундра получила такое название потому, что растительность на ней (мхи и трава) располагалась островками (пятнами). В результате рубки лесов почвенный слой разрушался и сдувался ветром. И только много времени спустя на песке вновь появлялась растительность, но уже пятнами. Замещение лесов пятнистой тундрой интенсивно шло к первой половине 1930-х г.г. в окрестностях Обдорска, окрестностях Нового порта и в поймах «некоторых речек Обско – Тазовского поселкового совета» (ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 82. Л. 55). О последней местности землестроители в 1934 г. писали, что «Безсистемные рубки последних лет, связанные с развитием хозяйственной деятельности района, (Тазовский р-н – С.Т.) привели к полному уничтожению леса в местах, приближённых к населенным пунктам» (ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 115. Л. 120 об.). Правда, вряд ли повинны в таком положении дел были местные жители. Скорее всего, так похозяйничали государственные и кооперативные лесозаготовители. Местные жители, напротив, как умели, пыта-

лись защитить свои леса от порубок. С этой целью они стремились ввести в заблуждение лесоустроителей, изучавших в 1933 г. вопрос о возможности заготовки дровяного и строевого леса в данном районе для государственных нужд, что неминуемо привело бы к сплошным вырубкам: «Местное население всеми силами старалось препятствовать, тормозить в отыскании леса, а также запугивали сплавом, что здесь вода не поднимается, а сама река Сось очень быстрая и у вас всё изломает, всё пропадёт напрасно. Заготовление сплавом отговаривали и тормозили найти лес, на что было затрачено много времени и средств, а также при подготовке к сплаву затрачено лишние километры по вывозке» (ГА ЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 115. Л. 68).

Таким образом, традиционная хозяйственная структура старожильского населения региона во многом шла за природными условиями. Среди лесных промыслов особенно выделялась охота. Способы и орудия добычи зверя и дичи следовали за особенностями тех или иных промысловых угодий. Охотничий промысел был просто невозможен без глубоких знаний о повадках и особенностях жизненного цикла промысловых животных. Необходимы были также знания о климате. Все эти обстоятельства приходилось учитывать охотнику. Интенсивная хозяйственная деятельность человека даже в условиях традиционной хозструктуры вела к изменениям природной среды. Экологически безвредных систем природопользования даже традиционная история мирового хозяйства не знает. Все хозструктуры в той или иной степени грешат потребительским, а то и напрямую хищническим отношением к природным ресурсам. Впрочем, обдорское традиционное лесопользование, по свидетельству лесных специалистов, в начале 1930-х г.г. было вполне щадящим. Зыряне даже практиковали очистку мест порубок. А вот в охотничьем промысле в частности при добыче песка самые варварские методы – выкуривание и выкапывание щенков из нор даже назывались «зырянскими». Это вкуче с другими обстоятельствами привело

к тому, что к началу 1930-х г.г. были сильно подорваны запасы ценного пушного зверя в таёжной полосе региона. В тундровой полосе практически исчезла популяция дикого оленя. Правда не следует забывать, что эти негативные результаты были достигнуты совместными усилиями старожилов и абориге-

нов. Также благодаря совместным усилиям старожилов и аборигенов появляется так называемая «пятнистая тундра». Как рядом со старожильческими населенными пунктами, так и рядом с аборигенными юртами лес исчезал значительно быстрее, нежели в местах не заселенных.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ар. МАИЭ РАН. Ф. К П. Д. 182.*
ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 16. Оп. 1. Д. 6; Ф. 695. Оп. 1. Д. 14.
ГА ЯНАО. Ф. 12. ОП. 1. Д. 8, 26, 30, 49, 75, 80, 82, 83, 115.
Дмитриев-Садовников Г.М. Река Надым. Этнографический очерк//Ежегодник Тобольского губернского музея. 1917. С. 121 – 156.
Доронин Г. Пашня или пушнина?//Северянин. 1925. № 103.
Носилов К. Охотничий промысел на Ямале//Естествознание и география. 1909. № 7.
Павлов П.Н. Пушной промысел в народном хозяйстве Сибири XVII в. Автор. дис. ...д.и.н. Новосибирск, 1973.
Туров С.В. Промысловая деятельность русского населения Западной Сибири и состояние популяций редких животных края в XVIII—I половине XIX вв.//Вестник Тюменского государственного университета. История. Тюмень, 1996. Вып. 1. С. 23 – 28.
Хондажевский Н.К. Зимнее исследование нагорного берега Иртыша от Тобольска до Самарова и северных тундр между Обскою губою и Сургутом//Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. М., 1879. Кн. 2. С. 78 – 109.

Тюменский государственный университет
sytur57@mail.ru

Туров Сергей Викторович, к.и.н., доцент, учился на историческом факультете Тюменского госуниверситета. Закончил очную аспирантуру при кафедре истории СССР досоветского периода УрГУ. В настоящее время доцент кафедры отечественной истории Тюменского госуниверситета. Область научных интересов – этническая история и этнография русских и коми, история крестьянства, административного управления и православия, археография и источниковедение Западной Сибири.

Принятые сокращения.

ГУТО ГА в г. Тобольске – Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске.

ГА ЯНАО – Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа.

Ар. МАИЭ РАН – Архив Музея Антропологии и этнографии Российской Академии Наук (Кунсткамера).

СЕВЕР ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 13 – НАЧАЛЕ 14 ВВ.:
СТОЛЕТИЕ ПЕРЕМЕН

Федорова Н.В.

Заместитель директора по научной деятельности

ГУ «Ямало-Ненецкий окружной

музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского», к.и.н.

Период продолжительностью примерно в сто лет – конец XIII – первая половина XIV вв. по принятой сейчас археологической периодизации входит в так называемый *сайгатинский* этап развития Обь-Иртышской культурно-исторической общности – группы средневековых археологических культур или типов памятников, локализованных в таежной, северотаежной и тундровой зонах Западно-Сибирской равнины. Обь-Иртышская КИО возникла в начале средневековья на родственной кулайской основе (локальных вариантов кулайской культуры или археологических культур кулайской культурно-исторической общности). По периодизации более ранней, предложенной в середине 50-х В.Н.Чернецовым, он завершает кинтусовский этап нижнеобской культуры.

До сих пор этот этап не дробился никем из исследователей на более краткие хронологические отрезки, а рассматривался «целиком», причем, все пишущие о памятниках начала-середины II тыс. н.э., отмечали, что в культуре населения Севера Западной Сибири происходят значительные изменения. В числе таких изменений обычно упоминают «постепенное» исчезновение из обихода керамики, перенос поселений и городищ вглубь террас, тогда как раньше они располагались, как правило, на краю, «изменения отопительных систем» (Карачаров). В этом же ряду отмечают появление медных котлов, «увеличение количества металлических вещей в погребениях, в основном за счет серебряных украшений». Разные авторы различно объясняют этот феномен, так Карачаров полагает, что перемены являются отражением переориентации хозяйства на более продуктивное охотничье-промысловое с пушным направлением в качестве основного, а также распространения глубинно-таежного

типа оленеводства. А.П.Зыков говорит «о переломе практически во всем археологически фиксируемом спектре материальной культуры населения Северо-Западной Сибири и о стоящих за ним глубоких социальных изменениях, начавшихся именно в XII вв.» и так далее.

Автором делается попытка рассмотреть изменения в культуре населения Нижнего Приобья (северотаежной и тундровой зон) в XIII – начале XIV вв. и попробовать понять причины этого явления.

Каковы были основные составляющие археологической культуры до XIII века?

Керамика, основной массовый материал, ее форма и орнаментация всегда служили для археологов основами культурно-хронологических схем. От раннего железного века до средневековья, вплоть до своего исчезновения в XIV веке, развивалась, в общем, единообразно: круглодонные сосуды с выделенной или почти отсутствующей шейкой, украшенные различными узорами из комбинаций гребенчатого и фигурных штампов. Композиция узора строилась из горизонтальных поясков, по верху обязательный ряд ямок. Подробная характеристика керамических комплексов и их хронологических особенностей не входит в задачу этой работы, но общий путь ее развития никем и не оспаривался.

Бронзовая художественная пластика, или, вернее, набор статусных украшений и принадлежностей костюма. Набор настолько специфический, что легко и непринужденно опознается любым специалистом в области средневековой археологии Западной Сибири и северо-востока Европы: пряжки и браслеты с изображением медведя, подвески-пронизки в виде фигурок зверей и птиц, рукоятки ножей из бронзы, бляхи. Характеристика этого на-

бора и некоторые размышления по его поводу содержатся в моей статье «Западносибирское средневековье в зеркале художественного металла» (Федорова, 2002, с. 212 – 216), так что здесь нет никакой необходимости повторяться.

Антропоморфные изображения, отлитые из бронзы или нарисованные/гравированные железным предметом (ножом?) на бронзе и серебре: фронтальные изображенные фигуры с набором воинской или «шаманских» реалий: шлемы, доспехи, вооружение, головные уборы в виде протом животных и т.д. Иконография сложилась еще на рубеже эр и почти не изменялась, изменениям подвергались только отдельные реалии в соответствии со временем. Категория артефактов достаточно массовая, фигурки и личины насчитываются десятками, если не сотнями.

Городища и поселения расположены на краю террасы, обведены рядами не особенно мощных в начале периода средневековья, более внушительных к концу I тысячелетия н.э. оборонительных сооружений. Жилища, фиксируемые в виде впадин, расположены на площадке рядами (так называемая уличная планировка). Конструкция их довольно проста: квадратный или прямоугольный котлован глубиной не более 30 см от древней поверхности, выход-коридорчик, стены, набранные, по-видимому, из вертикальных или наклонных плах, в центре – очаг в виде простого кострища.

Могильники состоят из *грунтовых погребений*. Все они, в общем, представляют собой длинные прямоугольные ямы, глубиной до 80 см от поверхности, в которых укладывались погребенные в позе «вытянуто на спине». Как правило, фиксируются остатки погребального сооружения в виде деревянного гробовища. Вариации в виде различной ориентировки, положения рук и ног, дополнительные детали обряда вроде обертывания берестой, набора вещей и так далее я здесь опускаю. Здесь важно, что грунтовые погребения в простых ямах, в которых погребенный лежал в позе «вытянуто на спине» были распространены в исследуемом регионе повсеместно.

Клады – как правило, содержат наборы металлических вещей, в том числе посуду, культовые или статусные вещи. Наборы относительно одновременны. К концу периода в них появляются импортные украшения из серебра: гривны глазовского типа, гроздевидные подвески.

За сто лет весь этот набор кардинально меняется:

Керамика – исчезает. Заменяется медными котлами, целые экземпляры и фрагменты которых также, как и керамика, становятся массовым материалом в археологических комплексах.

Набор бронзовых и серебряных украшений видоизменяется, теперь в него входят: шумящие подвески из Прикамья, лапчатые подвески, круглые бляшки с изображением медведя или с орнаментом, крестовидные бляхи двух типов – косые и прямые, полулунные и калачевидные подвески, прикамские лопастные височные подвески. Остались только подвески в виде зверей и птиц, но они стилизуются до полной утраты первоначально образа, приобретая колоколовидную форму.

Антропоморфные изображения литые и гравировки – исчезают. Остается, как теперь известно из материалов раскопок поздних памятников, деревянная антропоморфная скульптура.

Городища на краю террасы сменяются так называемыми городками, представляющими собой холмы, культурный слой которых насыщен обильными древесными остатками. Интересно отметить их широкое распространение в Нижнем Приобье вдоль линии, по которой сейчас проходит граница кочевого и оседлого населения. Неукрепленные поселения локализуются в глубине террас.

Клады. Их датируют в широких пределах XII–XIV вв., включают в себя вещи от ранних средневековых до поздних «сайгатинских»: таковы два Лонготеганских клада, клад с острова Новенький. Недавно стал известен комплекс такого же клада из Тазовского района. Что для них характерно? Захоронение в таких местах, где нет и не может быть памятников археологии. Хорошим примером является

клад с острова Новенький: он был найден на острове, территория которого, практически, вся заболочена, лишь по кромке берега кое-где фиксируются относительно сухие места. Набор вещей весьма напоминает результат ограбления могил. Все эти клады найдены на границе с тундровой зоной, они все компактные, в них нет посуды или каких-то других вместилищ, в отличие от тех которые были характерны для более раннего периода.

Могильников этого времени не известно. Для более позднего периода характерны наземные или почти наземные захоронения. Возможно, они появились именно в это время.

Надо отметить, что остаются без особых изменений *традиционные бытовые вещи*: изделия из бересты, технология их изготовления и орнаментации не меняется во всяком случае с рубежа эр. Предметы, плетенные из травы и корня кедра также не изменилось от раннего железного века до современности, что было нами прослежено во время анализа артефактов с древнего святилища Усть-Полуй (I в. до н.э. — I в. н.э.). Так же неизменными или мало изменяющимися остаются лодки, весла, конструкции нарт, оленья гарнитура.

Домостроение мало меняется до появления срубов, что случилось не позднее XVI века.

Оружие. Развивалось в соответствии с развитием оружия на сопредельных территориях. Часто покупалось: топоры, клинки как в эпоху раннего железного века (шлемы из Истяцкого клада), так и в раннем средневековье (Холмогорская коллекция). Та же картина отмечается и в поздних памятниках.

Итак, перемены в культуре вполне глобальны, происходят в относительно короткий промежуток времени, а именно — с конца XIII по начало XIV века. Еще в конце XII — начале XIII присутствуют все черты культуры, которые фиксировались с эпохи раннего железного века и во все время средневековья, включая керамику. А в конце XIII — XIV отмечается сложившаяся «другая» культура.

Некоторые мои коллеги пишут «Новый этап культуры в регионе следует связывать с русской колонизацией». Или еще более определенно (Зыков): «Верхней хронологи-

ческой границей его (сайгатинского этапа) мы считаем 1590-е годы, когда Сургутское Приобье вошло в состав Русского государства, что сразу же сказалось на облике культуры местного населения». Собственно, датировка конца сайгатинского этапа XVI веком, как раз и связана с тем, что потом уже «все другое, в составе русского государства». **Но, как показывают результаты раскопок поздних памятников, не было никаких особенных перемен в культуре после присоединения к России, а именно: в XVI, XVII веках и далее.** Так, на материалах изучения Войкарского городка мы можем проследить свиту культур, начиная с конца XIII века и до начала XIX-го. Новацией является появление чувалов — в XVII в. и срубов — около XVI-XVII. Материальная культура — бытовая, сакральная, социальная остается почти неизменной.

Каковы могут быть причины столь обвальных перемен и в такое короткое время?

Перемены в хозяйстве, бесспорно, были, в том числе, окончательное оформление кочевого оленеводства, переход к товарной пушной охоте и т.д. но это — следствие. А вот климат изменился именно на рубеже XIII-XIV вв. существенно — повсеместно наступает сильное похолодание. Именно оно в Европе послужило концом эпохи викингов — последнее плавание в Биармию датировано 1220 годом. Нестабильность и быстрая перестройка природной среды считается переходным к следующей фазе длительного похолодания в Арктике (малый ледниковый период). Но не только в Арктике.

Как пишет Н.А.Макаров:

«При всем множестве связующих нитей между культурными явлениями «киевского» и «удельного» периодов для археолога очевидны глубокие качественные различия между древнерусской культурой второй половины XII и первой половины XIV в. ...Во-первых, это исчезновение из обихода значительной части повседневных вещей...являющихся в глазах обитателей определенными индикаторами ее культурного своеобразия и экономического достатка. Во-вторых, это пресечение или угасание ряда ремесел и производств, в том

числе тех, продукция которых предназначалась для элиты древнерусского общества и служила для обозначения ее особого статуса. В третьих, это отказ от целого ряда культурных символов и традиций, важных в контексте общественных отношений и религиозного сознания предшествующей эпохи (например, парадный женский убор). Наконец, это формирование нового культурного ландшафта с новой организацией сельского расселения» (Макаров, 2003, с. 5-6). Он отмечает далее, что обычно все эти изменения связывают с татаро-монгольским нашествием. Но его точка зрения отличается: он объясняет все это не столько нашествием, сколько климатическими изменениями — похолоданием.

К чему это привело в нашем регионе?

Необходимость приспособливаться к изменениям ускорила окончательное оформление кочевой оленеводческой культуры, которая с этого времени стала одним из важнейших факторов жизни региона. Теперь, как и на юге, все определяется взаимоотношениями кочевник/оседлый. Правда, в отличие от юга, оседлое население является все же сезонно мигрирующим. Ремесло отныне сосредотачивается в городках, которые маркируют линию «противостояния». Растущая потребность в северных мехах привела к тому, что торговля начинает играть все большую роль. Это хорошо прослеживается как по увеличению

добычи эквивалента — в культурном слое некоторых памятников явный переизбыток костей песка, например в слое XII — XIV вв. на поселении Тиутей-Сале I. Так и по составу импортных вещей, в котором теперь преобладают мелкие украшения. Приток импортного серебра заменил бронзовые украшения в местном «элитном костюме», а для остальной массы стали изготавливать бронзовые подражания этим украшениям.

Похолодание послужило причиной отмирания керамики: для кочевника она не так удобна, как медный котел, а в домах «оседлых» появились чурчалы и каменные очаги, на которые котел также удобнее ставить.

По-видимому, сильное промерзание почвы, которая не успевала оттаивать за короткий летний период, привело к появлению наземных захоронений и таких конструкций жилищ, как срубные. Огромное количество древесных остатков в культурном слое так называемых городков, по-видимому, также является следствием изменений к худшему климатических условий на севере Западной Сибири.

Зависимость материальной культуры от условий окружающей среды — не новость. Представленные размышления лишь иллюстрируют эту зависимость на примере резких перемен в культуре населения северного Приобья на рубеже XIII—XIV вв.

ТРУДНОСТИ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В ЯНАО
И НОВЫЕ ФОРМЫ ОБРАЗОВАНИЯ НА ЯМАЛЕ

*Н.В. Цымбалистенко,
Профессор кафедры гуманитарного образования
государственного автономного учреждения
Ямало-Ненецкого автономного округа
«Региональный институт развития образования», д.ф.н.*

**Солнце Юга гаснет,
а Северное сияние сверкает
всё более ярким светом**
Гельвеций

**Человечество пошло
вперёд — в прошлое**
М. Герцман

В самом широком культурно-историческом контексте проблема может быть очерчена достаточно просто: чего больше принёс народам Севера XX-XI век — положительного или негативного? Понятно, что однозначно ответить на этот вопрос не догматически мыслящему человеку трудно. Как известно, бывают простые вопросы, которые требуют очень непростых ответов. Опять же ответ будет зависеть от идеологических, политических, духовных, этических, этнических и даже эстетических установок отвечающего.

Начнём с важнейшего экзистенциального вопроса — проблемы выживания. Разговоры о вымирании и деградации северных народов стали уже общим местом многих выступлений как в России, так и за рубежом. Однако не всё однозначно в этом отношении: одни народы действительно уже ушли с демографической карты Сибири, некоторые находятся на грани вымирания, третьи держатся на некотором стабильном уровне народонаселения, наконец, четвертые достаточно интенсивно увеличивают свою численность. К этим последним относятся ненцы, которые в течение XX в. увеличили численность своего народонаселения в несколько раз. И.И. Крупник, сотрудник Арктического научного центра (США), приводит следующие данные: в начале XX в. численность ненцев составляла

3,5 тыс. человек, а в 1989 г. их народонаселение увеличилось до 34190 человек¹. Но в то же время число тундровых энцев сократилось с 2400 в начале ХУ11 в. до 500 в 1926 г.²

Более тревожная ситуация складывается с народом ханты. Е. Айпин приводит статистические данные об уменьшении численности своего народа за десять лет (с 1970 по 1979) на один процент³. Это действительно угрожающая тенденция, но кто объяснит, почему ненцы, живущие в ещё более суровых климатических условиях, увеличивают свое народонаселение, а у ханты оно уменьшается? Гражданский губернатор Тобольской губернии А.И. Деспот-Зенович писал в 1863 г.: «Они (ненцы — Н.Ц.) по своим природным способностям, кажутся гораздо более способными, чем остяки, представляющими собою вялое, хилое, изжившее племя»⁴. Однако, на наш взгляд, основная причина бедственного положения ханты в XX в. заключается не в

1 Согласно переписи населения РФ 2002 г. число ненцев составило 41454 чел.

2 Крупник И.И. Люди в чумах, цифры на бумаге. Русские источники к демографической истории Ямала, 1695-1992 гг. // Древности Ямала. Вып.1. Екатеринбург-Салехард: УрО РАН, 2000. С.122-151.

3 Айпин Е. И уходит мой род // Народов малых не бывает / Сост. Э.С.Коробова. — М.: Мол.гвардия, 1991. С.141.

4 Лёзова С.В. Сибирские ненцы (самоеды) в середине XIX в.: диалог кочевников и чиновников // Древности Ямала. Вып. 1. Екатеринбург-Салехард: УрО РАН, 2000. С. 203.

генетических особенностях, а в том, что именно на территории их проживания наиболее интенсивно шла нефтедобыча в 70-80-е гг. Такой точки зрения придерживается Е. Айпин. С другой стороны, ненецкая писательница А.Неркаги не стесняется говорить о деградации собственного народа в повести «Молчаший». Таким образом, тезис о повсеместном вымирании и деградации северных народов в XX веке при ближайшем рассмотрении требует дифференцированного подхода.

О пространствах России, где «цепенеет оледенелый человеческий дух», говорил Гегель, а его современник И.Форстер писал об обитателях севера Скандинавии как о несчастных и жалких существах: «Подавленные неблагоприятной природой, они застыли в животном одурении. У них нет способности прочувствовать великое и прекрасное, нет других прав, кроме права сильного; они отвыкли от человечности и сострадательной любви»⁵. И. Гердер, описывая черты лица народов, живущих вблизи Северного полюса, отмечал: «Чем севернее, чем дальше в глубь калмыцких степей, тем более плоски и дики черты лица – на северный или калмыцкий лад»⁶.

Всех мыслителей прошлого в рассуждениях о негативной роли холода в жизни народов превзошёл наш современник В.Клименко. «Никогда ещё, – пишет он, – великие цивилизационные идеи не приходили из стран с коротким летом и восьмимесячной зимой. Наоборот, история показывает, что из этих стран в периоды климатических оптимумов и локальных демографических взрывов приходили только «лихие люди», способные лишь к насилию и бессмысленному разрушению и в лучшем случае к растворению в более благоприятной среде»⁷.

Знаменитый канадский полярный исследователь В. Стефансон писал, что исторически человечеству хорошо были известны про-

блемы географического положения стран. В Египте и Вавилоне были пустыни, но их умели орошать и не стремились к освоению таких «холодных» стран, как Греция и Италия. В свою очередь учёные греки и римляне утверждали, что туманный и морозный климат в местах проживания франков и германцев задерживает высшее развитие человека и что от этих стран и народов едва ли можно ожидать чего-нибудь хорошего⁸. Многие выводы этих философов и учёных опровергают современные исследователи. В.И. Захарченко считает, что «...у ненцев предельно снижена мотивация поступков: судьба не есть цепь логически связанных эпизодов, когда в настоящем человек платит за ошибки прошлого, это есть цепь случайностей, которую понять нельзя – её можно только принять».

Это результат взаимодействия с крайне некомфортной средой, суровая реальность которая учит людей жить на грани жизни и смерти. Опасность для человеческого существования растворена в природе, и это заставляет крайне осторожно относиться ко всему новому, больше доверяя апробированным нормам бытия»⁹.

Известный ямальский просветитель начала XX века И.С.Шемановский пишет в своём дневнике: «Я бессилён в своём воздействии на самоедов, доколе не ознакомлюсь с их жизнью не по книгам, а на деле, пока не приспособлюсь к их жизни и не научусь мыслить их языком. Без этого я для самоедов ничто, а это без любви к ним недостижимо».

... Нельзя, думалось мне, оказывать влияние на людей, образ жизни которых нам чужд. Обычаи неизвестны, миропонимание неведомо, – на которых мы смотрим свысока, до которых только допускаем себя снисходить, ознакомление с языком, жизнью, обычаями и верованиями, которых считаем ниже своего достоинства. Неудивительно, что эти люди дичатся нас и представляются чуть не вдвойне

5 Цит. по: Синицкий Л. Очерк истории антропогеографических идей // Землеведение. 1908. Кн.4. С.42

6 Гердер И. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С.144

7 Клименко В.В. Россия: тупик в конце туннеля // Общественные науки и современность. 1995. №1. С. 71-80.

8 Российский Север в современной геополитике. Пространство России: её благо или проклятье? Ямал на рубеже веков. Социально-экономическое обозрение. Екатеринбург-Салехард, 2003, с.141

9 Захарченко В. И. Параллели.// Ненецкая литература. М. 2003. С.281.

дикими. За глаза они над нами смеются. И имеют для этого основания. Ведь по-своему они считают себя культурными, нас же дикарями. Они видят в нас говорунов и болтунов, мало что умеющих создавать и делать, тогда как они успели на севере создать и сделать многое....научились жить с возможными при кочевом образе жизни удобствами.»¹⁰

Из дневника И.С.Шемановского: «Я стал ближе присматриваться к отношениям нынешних колонистов к осяткам. И мне казалось, что тех гнусных несправедливостей к инородцам, какими был богат XVIII век, теперь не существует. Ненормальности в торговых сношениях настоящего времени, конечно, существуют, но они во всей совокупности их не могут всецело падать на колонистов, так как сами инородцы сплошь и рядом являются к ним причастными в своих сделках по обмену товарами с пришлыми людьми. Но я не мог не заметить при этом полного безучастия русских к осяткам как к людям. Для них инородец только покупатель. Человеческое достоинство в нём не признаётся: он собака, потому что ест, пьёт и спит с собаками, и «погань», потому что у него поганая вера.

Долгое и тяжёлое размышление о современном отношении русского колониста к осятку привело меня к этому выводу. Мне было противно мириться с этим, и я захотел проверить себя впечатлениями туристов и исследователей края в последние десятилетия. Передо мною замелькали имена путешественников и учёных, с сочинениями которых я хорошо знаком, и я с грустью должен был убедиться, что мой вывод в общем тождественен с заключениями их. При таких воззрениях на инородцев понятно, что они, по необходимости входя в торговые сношения с колонистами, избегают других более близких отношений с ними и живут своей отдельной жизнью, очень мало, в сущности, известной пришельцам. Понятно, что для охранения своих верований от пренебрежительного отношения к ним христиан и даже нередко поругания они так замкнулись, что крайне редко кому по-

10 Л.Ф.Липатова. Об Иване Семёновиче Шемановском. // Шемановский И.С. Избранные труды. М., 2005. С.7

стороннему удаётся приподнять завесу этой скрытости осятков».¹¹(...)

«Мы видели перед собой доживающего век осятка-старца, глубоко любящего своих братьев и ту жизнь, которой они живут, со всеми её горестями и страданиями. В тёплых словах светилась вера в возможность возрождения его соотичей, почти павших в неравной борьбе за существование с пришлыми людям, явившимся в страну с пошлыми идеалами рынка: « не обманешь – не продашь». Он видел залог обновления жизни своего племени в духовной мощи. Указывал на 300-летнюю, успешную борьбу осятков за сохранение своей самобытности.

– Покажи мне осятков, ставших русскими, – говорил он. – Покажешь? Те, учёные (*окончившие какие-либо средние учебные заведения*) осятки, разве они – русские? Правда, они не осятки, но и не русские. Они никудашники. Отстали от наших, не пристали и к вашим. Я же покажу тебе примеры, когда русские становились осятками, начинали жить по – осяцки, ничем не выделяясь от прочих. Ты сам это знаешь. Он глубоко убеждён был, что если русская народность не сумела духовно повлиять на осяцкое племя, не смогла воспринять его в себя и если последнее до сих пор находило в себе довольно силы отстаивать свою самобытность, то оно найдёт внутри самого себя новые источники к оправлению от того ущерба, какой оно теперь несёт от близкого соседства с промышленным русско-зырянским людям.

– Русские люди и зырянские – наши гости, а не хозяева, – горячо продолжал старик – Куда денутся русские в крае без нас, осятков? Их кормим мы, а не они нас.....

Только в тундре и является возможность иметь большие олени стада, добывать средства для пропитания и даже богатства. Только в тундре и является возможность иметь большие олени стада, добывать дорогого зверя и даже рыбу. Вы свою жизнь в домах предпочитаете нашей. Живёте отдельными посёлками. Хотите, чтобы и мы жили по-вашему.

11 Шемановский. И.С. Избранные труды. Из дневника обдорского миссионера.– М., 2005. С.16-17

Но что же тогда будет? Мы станем ленивы, как вы. Не станем жить в тундре, забросим её на произвол судьбы, чем тогда будем жить? Река Обь всех не прокормит. Оставьте нас со своими советами и опекой в покое. Мы в вас не нуждаемся. Если бы вы не вмешивались в нашу жизнь раньше, она, быть может, текла бы теперь иным руслом. Руслом здоровым, способствующим нашему развитию, которые вы неопытные опекуны, затормозили. Задержали на многие и долгие годы. Вы утверждаете, что мы остяки, вымираем, гибнем. Это неправда. Мы жизнеспособны. Наше население хотя медленно, но увеличивается. Вы стараетесь свою опеку над нами обосновать утверждением, что сильный поборет слабого, культура высшая поглощает низшую, нация здоровая – больную. Но мы, слабые, осторожны с вами, свою низшую оберегаем от вашей высшей культуры. Если мы больны, то и вас нельзя признать здоровыми. Мы мертвецы, но не для себя, а для вас с вашей культурой. Оставьте нас, дайте передохнуть от ваших забот о нас, и мы оправимся. Ведь мы сумели остаться остяками, невзирая на многократные ваши попытки превратить нас в русских»¹²

Столь же непроста ситуация с новыми идеологическими установками, принесёнными коренным народам Севера после Октябрьской революции. Сейчас принято огульно осуждать всё, что принесла Советская власть северным народам. Но нельзя не признать заслуг новой власти в приобщении северных народов к техническим и научным достижениям XX в., в организации системы просвещения и здравоохранения. Думается также, что малооленные ненцы и батраки-ханты с воодушевлением восприняли идеи социальной справедливости, пришедшие из далёкой Москвы от «красного царя» (см. поэму Л. Лапцуня «Мальчик из стойбища»).

Другое дело, что все эти положительные моменты сопровождалось повсеместным разрушением традиционного уклада жизни, устоявшихся на протяжении веков верований и навязыванием новой политической рели-

гии и социальной утопии (все эти перипетии хорошо показаны в романе И. Истомина «Живун»). Характерный пример отношения хозяйственных чиновников к ненцам в конце 20-х гг. приводит в своей книге «По тундрам Ямала к Белому острову» В.П.Евладов. Вот как рассуждает один из советских функционеров: «Главное – олени, как их поставить на службу строительства социализма, а с ненцами мы потом разберёмся... Ваши «самоеды» тянут всю нашу экономику назад, в первобытное общество... Мы должны перестроить у них оленеводство по образцу зырян...»¹³.

Существует даже радикальное мнение, что все несомненные достижения мировой цивилизации XX в. (автомобили, авиация, всеобщее школьное образование и т.п.) лишь усугубили проблемы северных народов. Машины разрушили ягель, необходимый для пропитания оленей, самолёты отучили от традиционного способа передвижения на нартах, насильственное обучение детей в интернатах вырвало их из привычной среды обитания и нарушило семейно-родовые связи, искусственная книжная культура оттеснила прямой контакт с природой и т.п. Определённая доля истины в этих неоруссоистских воззрениях есть, это звучит привлекательно в публицистических статьях, но все эти благие пожелания плохо соотносятся с реальной жизнью, которая выдвигает свои непреложные требования к человеку.

Конечно же, техника нанесла огромный урон экологии края, однако это та цена, которую платит всё человечество за научный и технический прогресс. Наиболее развитые цивилизации уже прошли через эту разрушительную стадию и научились более или менее сочетать развитие технологий и экологический баланс. Приходится признать, что России ещё предстоит пройти этот путь.

В целом, видимо, следует признать, что советский способ освоения Севера в XX в. ничем принципиально не отличался от принципов «коммунистического строительства» во всей стране, когда сиюминутные, ближайшие

12 Шемановский. И.С. Избранные труды. В дебрях крайнего северо-запада Сибири М., 2005.С.73-74

13 Евладов В.П. По тундрам Ямала к Белому острову. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1992. С. 23.

цели заслоняли собой далёкую перспективу, когда на первый взгляд полезные вещи оборачивались катастрофами — экологическими, экономическими, национальными. Это и привело в конечном итоге к распаду Советского Союза. Однако то, что каким-то образом и с меньшими потерями удавалось в регионах с умеренным климатом, больно ударило в полярной зоне, где сохранение природного баланса попросту означает сохранение жизни для коренного населения. С другой стороны, проживание коренных народов на границе цивилизационной зоны наложило отпечаток на их восприятие мира и способность противостоять культурным воздействиям — как положительным, так и негативным. Иначе говоря, то, что для среднестатистического россиянина является драмой или трагикомедией, оборачивается нередко трагедией для ненца или ханты (см. роман Е. Айпина «Ханты, или Звезда Утренней Зари»).

Столь же неопределёнными перспективы развития автохтонных народов Севера в XXI в. В настоящий момент первое поколение национальной интеллигенции, достигшее уже зрелого возраста, искренно ратует за возвращение к истокам, к родным корням. Это понятно и объяснимо у поколения, воспитанного в отрыве от родной культуры, но всё же впитавших её с молоком матери, сохранивших в генетической памяти детские впечатления о тундре и чуме. Их, как многих наших горожан в первом поколении, тянет к этническим элементам культуры, и они хотят воспитать это чувство у нового поколения. Однако трудно сказать, как отнесётся к этому стремлению новая генерация, воспитанная в совершенно иных идеологических, культурных, даже бытовых условиях. Многие из этих молодых людей даже не представляют, что такое традиционный образ жизни и вряд ли захотят пожертвовать теми благами, которыми щедро одаряет их современная техническая цивилизация. Так возникает та самая проблема экзистенциального выбора, которую может решить только сам конкретный индивидуум, а не общество, родители, старшие, учителя и

воспитатели (см. повесть А. Неркаги «Анико из рода Ного»).

Как представляется, будущее коренных народов российского Севера выстроится в том же направлении, по которому уже пошли коренные народы других циркумполярных стран. Это свободный выбор между интеграцией в технократический мир ценой утраты определённой доли самобытности или же сохранение этой самобытности при добровольном отказе от части благ современной цивилизации. Такова ситуация с индейцами и эскимосами Северной Америки, инуитами в Канаде, саамами в Финляндии, Швеции и Норвегии. Радикальные пути решения этой проблемы мы уже испробовали — поголовная советизация или такой же тотальный возврат к «естественному» состоянию показали свою бесперспективность.

В частности, малочисленным народам Севера России, видимо, придётся рано или поздно решать те же проблемы, с которыми столкнулись автохтоны других циркумполярных стран. Это, в первую очередь, решение проблемы землепользования. Эта больная для всей России проблема до сих пор остаётся предметом политических споров и спекуляций. Показательна статья советника отдела Главного государственно-правового управления Президента Российской Федерации П. Павлова в журнале «Мир коренных народов», в которой излагается опыт решения этой проблемы в других циркумполярных странах. Сам факт появления подобной публикации свидетельствует об определённых сдвигах в сознании руководства России по поводу решения этого вопроса. В частности, в ней говорится, что в настоящий момент Российское законодательство не признаёт в качестве субъекта гражданских прав народы Российской Федерации. Там же приводятся положения статьи 14 Конвенции № 169 Международной организации труда «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах», которая рекомендует принять меры для определения границ земель, которые традиционно занимают соответствующие народы, и установить порядок

разрешения споров по поводу земли¹⁴. Автор подчёркивает, что «...в России нет полноценных правовых механизмов закрепления земель за коренными малочисленными народами Севера. Объём прав на использование земли аборигенами не определён. Остаются неясными вопросы о том, как будут обеспечиваться интересы общества и права граждан, не являющихся аборигенами...»¹⁵.

Как представляется, если подобные меры будут приняты и правовые механизмы выработаны, то будут сняты многие большие вопросы, обсуждаемые пока лишь в кулуарах политической власти и в произведениях северных писателей. Тем более что к числу глобальных проблем развития человечества в конце XX века исследователи относят проблему сохранения и развития малочисленных народов Земли. Высшей стадией общественного развития того или иного этноса является в идеале создание собственного государства. В. Яналов в статье «Финно-угорский мир и XXI век» пишет: «Сейчас почти шестьсот национальных движений борются за создание и признание собственной государственности. Среди них, с одной стороны, почти сорок миллионный курдский народ, с другой — всего лишь сто тысяч абхазов. Очевидно, что появление на карте мира шестисот новых государств немислимо. Да и «великие державы» этого попросту не допустят, прекрасно понимая, что рождение стольких новых субъектов международного права неизбежно породит новые конфликты, войны, усилит напряжённость в мире... Иными словами, мир стал серьёзно заботиться о сохранении своего этнического многообразия, опасаясь, что исчезновение неодинаковости приведёт его к гибели. Утрата этнического разнообразия мира многими расценивается как планетарная катастрофа, сходная с проявлением третьего закона термодинамики в природе, трактуемого об энтропии физической системы при стремлении к абсолютному нулю.

14 Павлов П. Права коренных народов на земли: Российская ретроспектива и международная перспектива // Мир коренных народов, №11-12, 2002. С.40

15 Павлов П. Права коренных народов на земли... С.50

Мы попытаемся бросить свет на проблему выживания и развития финно-угорских народов Российской Федерации, насчитывающих более трёх миллионов человек, и, прежде всего, отметим, что финно-угорский мир имеет существенную особенность: в этом этническом сообществе, в отличие, скажем, от тюркского, нет цементирующего религиозного начала. Поэтому в Европе иногда говорят о том, что финно-угорское сообщество — миф. Даже Президент Эстонии Леннарт Мери — глубокий знаток финно-угорских проблем — писал о преобладании романтического духа во взаимоотношениях этих родственных народов.

Действительно, в мире нет другой этнической общности, чьи составляющие столь разительно отличались бы по всем параметрам: антропологическим, языковым, религиозным, социальным.... Среди финно-угров есть православные и лютеране, протестанты и язычники. Финны — в числе процветающей нации Земли, в то время как ненцы, селькупы — на грани отчаяния. Венгерская речь непонятна даже ближайшим сородичам — хантам и манси. Не могут обходиться без переводчика при общении многие финноязычные этносы. И тем не менее единый финно-угорский мир зарождается на глазах... Финно-угры среди прочих россиян — одни из самых низкообразованных граждан. На 10 000 населения коми всего 133 человека являются студентами вузов, мордвы — 118 человек, мари — 116, удмуртов — 115, хантов и манси — 113, карелов — 106, коми-пермяков — 83. Для сравнения: этот же показатель среди бурят — 354 человека, абхазов — 327, калмыков — 304, евреев — 257, русских — 190. И по удельному весу кандидатов и докторов наук на 100 000 населения финно-угорские народы замыкают список российских этносов.

Дело здесь, разумеется, не в природной неспособности финно-угров к постижению сложных профессий или к научной деятельности. На наш взгляд, важную роль играют этнопсихологические особенности этих народов. Во-первых, современные финно-угры — потомки (притом близкие) лесных

этносов, которые по складу ума, социальным ориентирам, традициям сильно отличаются от степных народов или горцев. Потомки лесных охотников, пчеловодов, рыболовов и сейчас характеризуются несильным типом личности, они легкоранимы, замкнуты, скромны. Как следствие — обострённые проблемы во взаимоотношениях с обществом у большинства этих народов. Они выражаются, в частности, в уровне суицида: 60-70 случаев на 100 000 населения у венгров, удмуртов, мари.

Анализируя этот трагический факт, медики отмечают «генную усталость», старение как следствие длительного замкнутого образа жизни — ведь соседство с другими народами у финно-угров происходило по принципу «несмещения белка и желтка внутри яйца». Казалось бы, распространение смешанных браков среди этих родственных этносов должно было послужить усилению генотипа. Однако в современных условиях оно ведёт к ассимиляции и размыванию национальной идентичности»¹⁶.

О проблемах коренных народов Ямала очень образно высказался хантыйский философ Леонтий Тарагупта: «Мы — носители этической натуралистической философии. У нас любое слово соответствует делу. Я думаю, именно благодаря этому обстоятельству наш этнос до сих пор жив. Но стоит в наше сознание внедриться другой системе духовных координат — мы окажемся на краю физического исчезновения. Ведь не случайно миропонимание арктических народов так разительно отличается от европейского. Если для Европы основа этики кроется в красоте, здесь прежде всего ценится тепло, то на Севере ценится прежде всего твёрдость характера. А давайте сравним наши языки. Речь любого европейца изобилует существительными. Потому что европейцы предпочитают мыслить предметно. У нас — всё по-другому. Мы придаём огромное значение каждому оттенку. У нас нет просто понятия «лодка». Нам важно, из какого материала она сделана, какие имеет размеры, каково её

положение в данный момент — устойчивое или неустойчивое, и так далее. И то, что в русском языке обычно требует целой фразы, ханты могут передать всего одним словом. В общем, с одной только лодкой у нас связано до десяти понятий. К сожалению, мир арктического сознания человечеством до сих пор не понятен и осмыслен. Отсюда истоки множества столкновений между носителями европейской цивилизации и коренными народами Севера»¹⁷.

Подтверждая эти слова, Ю.В. Попков и Е.А. Тюгашев пишут: «Программный цикл последних 15 лет говорит о том, что ни одна из проблем народов Севера не получила удовлетворительного разрешения, многие обострились, добавились новые. С этой точки зрения применяемая практика государственного программирования развития коренных малочисленных народов Севера позитивной оценки не заслуживает.

Кризис программирования есть отражение общего кризиса сложившихся взглядов на развитие коренных народов Севера и соответствующей государственной политики. Субъектом программирования выступают не сами коренные народы, не сами они разрабатывают и программу, а если и участвуют в этом процессе, то в предельно малой степени. Народы Севера в Программе воспринимаются как однородный укрупнённый объект. Кроме того, акцент делается на внешних источниках развития. Такой подход совершенно не стимулирует актуализацию позитивных жизненных сценариев развития коренных народов. Такие программы заведомо не могут быть достаточно эффективны.

В округе необходима нормализация межэтнического баланса, т.е. международного сотрудничества на региональном уровне. Если мы хотим, чтобы развивались ненцы, нужно создать условия для развития хантов, и наоборот, не забывая при этом селькупов, коми-зырян и т.д. Поскольку эти народы не изолированы от взаимодействия с представителями других народов, проживающих

16 Яналов В. Финно-угорский мир и XXI век. Финно-угорский вестник, 2006, №3, с.2-3

17 Огрызко В.В. На перекрёстках Ямала // Хантыйская литература М, 2002., С.195.

на Ямале, требуется сбалансированность Ямальского процесса в целом»¹⁸.

К сожалению, встречаются резкие, унижающие достоинство коренных малочисленных народов высказывания. В журнале «Русский Newsweek» №3 за 2008 г. была опубликована статья М. Котина, Л. Рагозина, И. Голунова и А. Дмитриева «Коренные: Узрели корни», написанная в модном сегодня ироничном тоне: «До недавнего времени коренные народы считались низшей кастой человечества, теперь с ними придётся считаться всем. В том числе России – как стране с внушительным набором коренных народов... Коренные народы российского севера и востока предпочитают идти именно этим путём – разумного шантажа, разговоры о суверенитете большинства коренных народов и следует понимать в контексте этой тактики торга... Прошлый 2007 г. стал для них историческим. ООН приняла Декларацию о коренных народах, в которой утверждается их право на земли предков и на самоопределение. Как и всякая декларация – это лишь набор благих пожеланий. Но коренные народы всего мира предпочитают понимать её статьи буквально и спешат определить рамки дозволенного в новой политической реальности – проверяют на прочность компании и государства, которые распоряжаются их землями»¹⁹.

Известный тюменский журналист Анатолий Урванцев в статье «Изменения в законах ущемляют права аборигенов» пишет: «Сергей Николаевич Харючи с трибуны заявил, что «за последние годы из российского законодательства был изъят ряд норм, гарантирующих коренным малочисленным народам особые права как в сфере недропользования, так и в социальной сфере, что привело к неблагоприятным последствиям».

18 Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Актуальные проблемы разработки концепции развития коренных малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа // Коренные народы Ямала в современном мире: Концепции и сценарии и развития. – Новосибирск, 2007. Вып. 1. С.205-206

19 Цит. по: П.Суляндзига, О.Мурашко, Ю.Якель. Пропаганда вражды. // Мир коренных народов. Живая Арктика. Альманах ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, 2008, № 21, с.92).

Так, из Закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» были исключены нормы об обеспечении органами государственной власти права малочисленных народов на самобытное социально-экономическое и культурное развитие, защиту исконной среды обитания, традиционных образа жизни и хозяйствования, а также о бесплатном социальном обслуживании.

Из Федерального закона «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов» была исключена норма о налоговых льготах. Из Земельного, Лесного и Водного кодексов РФ были изъят нормы о бесплатном пользовании землями различных категорий для коренных народов. И созданы условия для неограниченной приватизации природных ресурсов и их практически неограниченного хозяйственного использования на территориях проживания и ведения хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов...

Более того, из Федерального закона «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» были изъят нормы о безконкурсном получении рыбопромысловых участков для традиционного рыболовства. И как результат: общины Камчатки и Сахалина лишились права вылавливать рыбу на своих исконных землях, поскольку не могут выигрывать конкурсы у коммерческих предприятий, предложивших наиболее выгодные для государства условия.

Делегаты отмечали в выступлениях, что в результате исчезновения многих норм о правах аборигенов «российское законодательство стало бессистемным и внутренне противоречивым». И задавались вопросом: кому было выгодно выхолащивание законов?

Бывший вице-губернатор Ямала Виктор Казарин считает, что «сегодня коренные малочисленные народы Севера фактически не имеют определённого статуса землепользователей, чётко прописанного механизма возмещения убытков, установленных федеральным законодательством. И для решения данного вопроса необходимо внести изменения и дополнения в Земельный кодекс РФ».

Виктор Казарин отмечал, что «администрация ЯНАО и органы местного самоуправления, при активном участии общественного движения «Ямал-потомкам!», заключают соглашения о сотрудничестве с недропользователями, в рамках которых реализуются мероприятия по строительству жилья в национальных посёлках, объектов социально-бытовой инфраструктуры»²⁰.

Ностальгические воспоминания о том, как хорошо жилось коренным народам при Советской власти, опровергаются свидетельствами людей, живших в то время. Владимир Таякин в книге «Записки провинциального хирурга» пишет о Ямале советской эпохи: «Дело было в том, что в наше «великое» совковое время в магазинах факторий полки были забиты в основном спиртными напитками и хлебом. Спиртное пёрли на Север всеми видами транспорта в огромных количествах: баржами, пароходами, самолётами, машинами... Как-то помню, в каком-то порту торчим мы с ящиками донорской крови на трескучем морозе и не можем доставить этот живой груз туда, куда надо (весь транспорт занят!..), а на наших глазах загоняют в «Руслан» огромный рефрижератор, набитый до краёв водкой!..

Наши медики столкнулись с ужасающей ситуацией, когда коренные роженицы рожали готовых алкоголиков. Некоторые из новорождённых погибали от синдрома отмены (от ломки!), если новорождённому не покапать спирт внутривенно!!! Вот так! Бедные наши судмедэксперты ломали голову – в какую рубрику относить в отчётах смерть младенцев от алкоголизма. Статистики такой не было, да и сейчас нет, хотя медицинская практика подбрасывает порой рецидивные случаи синдрома отмены.

Зато как партагитаторы костерили царский режим за то, что спаивал самоедов!.. А купец на колёсном пароходике или на паруснике, причаливая к берегам Заполярья, вёз для туземного населения не водку, а необходимые товары, без которых тундровику не обойтись. Каждый торговец знал царский указ, запре-

щающий завозить на Север горячительные напитки. Историки Ямала недавно разыскали этот указ»²¹.

Следует отметить, что на Ямале в настоящее время происходят серьёзные сдвиги в решении назревших проблем.

4 февраля 2009 года была утверждена Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока до 2025 года.

В ЯНАО (по статистике 2010 г.) проживает более 37 тысяч представителей коренных малочисленных народов. Вековые традиции на Ямале поддерживают более 14 тысяч человек, ведущих традиционный образ жизни. За последние пять лет численность кочевого населения в округе увеличилась почти на 10 процентов.

Проблемы, вызванные мировым экономическим кризисом, и положение на финансовом рынке не стали поводом для пересмотра основ экономической и социальной политики в автономном округе в отношении коренных малочисленных народов Севера. Органы государственной власти округа не намерены снижать объёмы финансовых затрат для поддержки коренных малочисленных народов Севера, в том числе и в системе социальной поддержки, которая должна обеспечивать достойный уровень их жизни. Так, например, только для социальной защищённости кочующего населения в округе установлены компенсационные выплаты. В окружном бюджете на 2009 год на это было предусмотрено 233 миллиона рублей.

Как представляется, если подобные меры будут приняты и правовые механизмы выработаны, то будут сняты многие больные вопросы, обсуждаемые пока лишь в кулуарах политической власти и в произведениях северных писателей.

На собственных землях коренные народы могли бы добиться реальной культурной автономии, и в частности, получить право не только на образование, но и на контроль собственного образования, и на право выбо-

20 Урванцев А. Изменения в законах ущемляют права аборигенов. // Красный Север, 25 апреля 2009 года, №33, С.5.

21 Таякин В. Записки провинциального хирурга. Салехард, 2008. С.34

ра того типа образования, который соответствует личному, индивидуальному выбору родителей и детей. Эти права имеют коренные народы США и Канады²², и именно за это борется сейчас с местными органами управления образованием ненецкая писательница А.Неркаги, открывшая кочевую школу – детский сад в Лаборовской тундре. И тогда не будут писать северные писатели о насильственном отрыве детей от родителей с помощью вертолётов, а родители маленьких ненцев и ханты сами решат, какое будущее предпочтительнее для их ребёнка.

В целом проблема образования является, на наш взгляд, одним из самых насущных вопросов существования и гарантом выживания коренных народов российского Севера. Только широко образованные представители национальной интеллигенции, хорошо ориентирующиеся в тенденциях развития мировой культуры и в то же время досконально знающие родную, смогут провести свои народы между Сциллой этнической самоизоляции и Харибдой растворения в глобальной цивилизации XXI в. Поэтому в округе проводится серьёзная работа по модернизации системы образования. Особое внимание уделяется образованию детей коренных малочисленных национальностей Севера.

В соответствии с действующим законодательством в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера и этнических общностей организовано изучение родных языков. В 2009–2010 учебном году в 39 общеобразовательных учреждениях автономного округа в 330 классах продолжено обучение детей из числа коренных малочисленных народов Севера родным языкам (ненецкий, хантыйский, селькупский).

Общее количество школьников, изучающих родные языки, как предмет, составляет 4 950 человек.

К сожалению, следует отметить, что работу по выполнению Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федера-

ции» сдерживают следующие противоречия:

– безнадёжно устарела повсеместно принятая в северных школах РФ методика преподавания языка как родного через букварь и обучение чтению и письму, создававшаяся в 30-е–40-е годы и ориентированная на детей, знающих язык с младенчества.

– учебники зачастую представляют из себя прямой перевод с одного диалекта на другой, поэтому утрачиваются языковые отличия и фонетические особенности.

Поэтому основной целью курсов повышения квалификации работников образования на базе ГАОУ ДПО ЯНАО «РИРО» является ознакомление педагогов образовательных учреждений интернатного и кочевого типа с инновационными подходами в теории и практике преподавания родных языков и воспитательной работы с детьми коренных малочисленных народов Севера;

В соответствии с требованием времени на Ямале появились новые формы обучения.

1. Кочевой детский сад (подготовка к школе) на базе семейно-родовой этнической школы на фактории Лаборовая (опорная школа Аксарковской МОУ ШИСОО). Сотрудники организуют учебно-воспитательный процесс в соответствии с традиционным укладом жизни коренных малочисленных народов Ямала и готовят детей к поступлению в школу (русский язык, ненецкий язык, литературное чтение, математика).

2. Стационарная этническая школа – Аксарковская МОУ ШИСООО. Учащиеся изучают предметы федерального компонента в интернате, а затем на определённый период выезжают в оленеводческую бригаду, где изучают основы этнокультуры, осваивают программу по основам оленеводства, рыболовства, изготовления нартов, пошиву национальной одежды и предметам национально-регионального компонента.

3. Гувернёрская школа. Студенты Ямальского многопрофильного колледжа проходят практику на базе кочевых школ Лаборовской тундры. Они обучают учащихся, находясь непосредственно в семье своих воспитанников в оленеводческих стойбищах.

22 Хайруллин Р. Образование аборигенных народов Севера в Канаде // Мир коренных народов, № 11-12, 2002. С.64-71.

4. Сетевая кочевая школа – кочевая школа, передвигающаяся между несколькими оленеводческими стойбищами, осуществляющая очно-заочное обучение. В структуру образовательного процесса входят очные сессии учащихся с учителями Аксарковской и Лаборовской школ в оленеводческих стойбищах, очные сессии в этих же опорных школах, обучение детей самими родителями в качестве консультантов-тьюторов, дистанционное обучение с использованием Интернет-технологий.

5. Этностойбище – филиал Лаборовской школы, функционирующий в летнее каникулярное время в Лаборовской тундре, то есть в месте традиционного природопользования и традиционной хозяйственной деятельности коренных народов Ямала с целью изучения учащимися, не владеющими ненецким языком, национальной культуры, родного языка и традиционного хозяйствования.

Деятельность кочевых школ основывается на следующих принципах:

– поддержка со стороны Правительства ЯНАО, департамента образования автономного округа и органов местного самоуправления, необходимая для сохранения национальной самобытности, развития культуры коренных малочисленных народов ЯНАО и родного языка;

– приобщение детей к традиционному образу жизни и традиционной хозяйственной деятельности в родовых стойбищах;

– внедрение в учебный процесс новых поколений учебно-методических пособий,

новых образовательных (в том числе компьютерных) технологий и дистанционного обучения;

– обеспечение кочевых школ педагогическими кадрами, обладающими мастерством педагога на основе этнопедагогике, знающими национальную культуру и язык коренных малочисленных народов Севера и совмещающими несколько педагогических специальностей;

– формирование уважения к национальной культуре, языку, традициям и обычаям коренных малочисленных народов Ямала.

– многообразие и сочетание различных форм обучения в соответствии с законодательством, возможность заочного обучения и дополнительного образования.

Во всех образовательных учреждениях округа в последние годы уделяется большое внимание воспитанию у детей уважения к народным традициям, обычаям, так как этнокультурные ценности представляют собой механизм, аккумулирующий и трансформирующий столетиями отшлифованный опыт народа, который является их носителем (во всех образовательных учреждениях подобного типа созданы краеведческие музеи, работают кружки по декоративно-прикладному искусству и т.д.). Таким образом происходит формирование толерантной, поликультурной личности молодого человека, эффективно функционирующей в системе межэтнических и межконфессиональных отношений. Этому призваны служить и новые виды экспериментальных кочевых школ на Ямале.

**КОЧЕВЫЕ И ОСЕДЛЫЕ ОБИТАТЕЛИ НА СЕВЕРЕ:
О СТАНОВЛЕНИИ ЧУВСТВА МЕСТНОСТИ
В СЕВЕРНОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ**

Др Флориан Штаммлер

Арктический Центр Университета Лапландии, Финляндия

и Институт полярных исследования Скотта

Кэмбриджского университета, UK

fms36@cam.ac.uk, stammler@mail.ru

<http://www.arcticcentre.org/anthropology>

Резюме

В докладе предлагаются размышления социального антрополога, основой которых являются исследования среди коренного населения Ямала (1998–2011) и рабочих нефтегазового комплекса (2005–2011). Сделана попытка объяснить разные пути привязанности людей к своим местам и, соответственно, разные концепты идентичности среди кочевников и промышленных рабочих. В исследовании автор пользуется тремя ключевыми парами терминов, а именно: (1) линия/путь – место/пространство, (2) движение/переселение – привязанность, и (3) временность – постоянность. Анализ понимания этих терминов разными группами людей на севере приводит нас к убеждению, что фактору деятельности человека в своей среде при изучении проявлений идентичности пока не уделялось достаточного внимания. Между тем, практически, любой из наших партнеров по проводимым исследованиям рассказывает о каком-то специфическом духе местности, который сильно влияет на восприятия своей жизнедеятельности кочевника, буровика, водителя вездехода руководителя, живущих на севере. Предлагается вывод, что вид деятельности человека определяет его идентичность столько же если не больше, нежели его этническая принадлежность.

Введение

Автор работал в чумах Тамбейских оленеводов, являющихся одной из самых северных кочевых групп нашей планеты (72 с половиной градуса северной широты). Там меня поразило высказывание оленевода Якова Тусида, который мне говорил слово в слово также, как и многие работники нефтегазового комплекса: «здесь вроде бы ничего нет, один снег, даже кустарники еле-еле растут, а все равно мне здесь хорошо, я только здесь могу жить. Каждого человека, наверное, тянет всегда туда, куда он принадлежит, какое место это бы не было». Это философское размышление точно совпадает с тем, что я хотел бы здесь изложить. Так же это пример того, как сильно чувство принадлежности и идентичности связано не с комфортностью места, а с его глубоким восприятием через все чувства человека. Такие люди видят землю, чувствуют ее, нюхают ее, наслаждаются ее вкусом, слышат ее, прика-

саются к ней. Я хочу предложить рассмотреть это на конкретных примерах.

80 лет назад немецкий философ Карл Шубарт написал замечательную книгу. В ней он высказывает предположение, что судьба и характер всех народов и культур определяются совпадением или напряжением между двумя принципиальными духами: универсальный дух эпохи и специфический дух местности. По его словам, дух эпохи изменяется постепенно: от первенства интеллекта склоняясь к преобладанию души. Исходя из этого, он точно предсказал конец немецкого фашизма, холодного интеллектуального запада, и предвидел наступление эпохи российского народа. Он убежден что "русская душа" вполне отвечает этому новому духу эпохи. Мне кажется, модель объяснения социокультурного развития К. Шубарта интересно взять с собой в поле, и посмотреть на жизнь людей в перспективе этой идеи, что автор и его коллеги делали ре-

гулярно в последние годы. Это позволило нам увидеть проблему идентичности не только с интеллектуальной «колокольни», но и посмотреть на нее через ощущения людей, живущих совместно. Сложность такой постановки вопроса возможно разрешить только через принятие и ощущение жизни конкретных людей, с которыми мы как социальные антропологи работаем. В нашем случае, это население севера, коренное и пришлое. Ощущать жизнь этих людей — значит жить их жизнью, что лучше всего делается через совместное действие в окружающей среде, в их пространстве, желательно на длительный период и / или повторно. Я хотел бы продемонстрировать это на примере общения с тремя людьми: с газовиком из Пангод, врачом из Се-Яхи и оленеводом из тундры севера полуострова Ямал.

Пример 1.

Ильдус, работник газового промысла.

Я побывал в Пангодах и на Медвежьинском месторождении, откуда, собственно, и начинался газ в ЯНАО. Там я сопровождал Ильдуса на работу на ГП 4, делал с ним обходы по кустам скважин, ездил на контрольные точки, сидел в диспетчерской, которая контролирует подачу газа в трубу. Ильдус объяснил мне, как происходит процесс газодобычи. Рассказывать здесь об этом было бы бессмысленно. Но **ощущение его, принятие** в себя дает грандиозное чувство сопричастности месту действия. Через два года я приехал в Пангоды, и провел опять время с Ильдусом. Его повысили — он стал начальником ПТО (производственно технический отдел) МГПУ. Теперь он координирует реконструкцию ГП, вывод скважин из эксплуатации, обновление труб после 30 летней добычи, использование попутного газа. Он думал, что эта должность больше связана с производством, с делом. По этому, он немного разочарован, так как оказалось, что это скорее абстрактное действие, субъектами которого являются компьютер, телефон, бумаги. Но Ильдус действует строго в соответствии со своим опытом на ГП, объясняя все многочисленные недоразумения между Большим Газпромом и МГПУ Пангоды

отсутствием ощущения практики, реального восприятия места и пространства у москвичей. Беда в том, что те, кто принимает решения, физически далеки от тех, кто их воплощает. (Кстати, эта же самая проблема характерна и для оленеводов). Для Ильдуса, северный газ — это жизнь. Он родом из Татарстана, и приехал на ямальский север после окончания ВУЗа. Он работает по 12 часов в день, живет этим, купил дом в Пангодах, собирается там жить как можно дольше. Он, как личность, тесно связан с тем, что он делает под землей, и на земле, с кустами, с трубами, с путями подачи газа, которые пересекают путь его жизни. Пользуясь словами Шубарта, его личность впитала тот дух местности, который есть там в Пангодах и на Медвежьинском месторождении, через свою деятельность там. Он по всем параметрам прижился на Севере, переселился туда добровольно, и стал там оседлым человеком, может быть до конца рабочей жизни. Опыт его более старших коллег показывает, что во многих случаях сыновья продолжают отцовский путь там же, перенимая у них знание, принимая деятельность отцов как часть их личности.

Пример 2.

Зинаида Даниловна, врач.

То же самое можно сказать про Зинаиду Даниловну. Она работает врачом в санитарной авиации в поселке Се Яха. Родом из Горного Алтая, она тоже впитала дух Ямала всей своей личностью, но совсем иначе: она совершенно другим путем вступает в действия на земле, или лучше сказать, над землей. Она уже 26 лет работает, обслуживая тундровиков, в качестве врача, живет этой работой, любит и ее и ямальскую землю. Я с ней и с другими врачами/фельдшерами летал в вертолетах, собирал больных детей, сам носил их в вертолет в люльке, вывозил старых женщин после лечения в чумы. Один случай был очень тяжелый — больной четырех месячный ребенок, у которого температура была 40 градусов. Снизить ее никак не удавалось. Было очень трудно дожидаться санитарного рейса, тем большим было чувство облегчения, когда он

наконец то прилетел. Я видел, как Зинаида Даниловна заходит в чум в обуви на каблуках!. Это что-то! Мне кажется, что это — в какой-то мере — рассказывает о специфике ее связи с этой землей. Она чувствует Ямал по своему очень глубоко, воспринимает дух местности с воздуха, во всей красоте. Мало кто бывал в стольких местах в тундре. Не то, чтобы на Алтае, откуда она родом, не красиво. Но она скучает по холодным северным ветрам, которые как будто обжигают лицо, и по его людям. Жизненный путь многих тундровиков как то пересекал путь Зинаиды Даниловны. В прошлом году более 1500 человек были вывезены из тундры на санитарных вертолетах, которые базируются в поселке Се Яха. Зинаида даже неоднократно принимала роды в полете, так, в 2010 году девять детей родились в вертолете. Боже мой, что это значит для человека, если он родился в воздухе, не на земле. Мы же знаем, допустим, что для оленей место отела определяет их чувство местности. А у человека — я хотел бы предположить — не место его рождения, а место и процесс вступления во взаимодействие с землей, с окружающим миром во многом определяет жизненный путь. Зинаида говорит, «мне город не нужен. Все там толпами делается, и эта суета бесконечная. Меня всегда тянет сюда», и поэтому она будет и дальше ходить в своих каблуках по тундре, ощущать лицом северный ветер.

Пример 3. Ярколана Хоротетто, оленевод.

Ярколана Хоротэтто, молодой отец двоих детей, живет в Тамбейской тундре. В детстве он всегда и везде сопровождал отца в тундре. Совместный с отцом опыт движения по земле научил его самым подробным образом знать каждую дорогу, каждый путь каслания, каждую линию по тундре, каждый мядырма (чум место). Как большинство молодых ребят, его тоже взяли в армию, и он попал в Чечню, где был ранен. Потом провел год в Санкт-Петербурге на лечении. Впервые я его встретил в поселке Яр Сале, когда он как раз собирался домой после армии. Говорит « в городе, конечно, хорошо было, там куча красивых девок, вечеринки, прогулки, но это

все на время. Все равно тянет сюда, и надо же отцу помогать в хозяйстве.» По приезду домой, отец поехал с ним на священное место на Белом острове, Сэрнго-Хэ, благодарить за то, что остался живым после Чечни. Потом через год я побывал у него в тундре в гостях, и десять лет спустя в этом году опять у него гостил. Он успел жениться, у него двое детей, уже своя священная нарта. Ярколана горит жизнью в тундре, и — как когда-то его отец — возит своего сына Марата по всем путям в тундре. Его сын так же видит, как они кормят священную нарту кровью, и этим жизненный путь оленеводческой династии плавно вписывается в пути каслания людей и оленей на полуострова. Ярколана воспринимает место, где он собирает своих оленей особенно хорошо через правую сторону тела. У него до сих пор пули из Чечни в правой руке и ягодице, и это сильно больно, когда холодно и надо арканом работать. Хорошо, что Хорей можно левой рукой держать. Он все еще старается ездить на оленях чаще, хотя иногда думает: насколько было бы легче просто завести буран и поехать. Но тогда и дорога, и места вокруг будут восприниматься совсем по-другому.

Анализ примеров.

Что общего у этих трех людей? Большая часть их жизненного пути проходит на одной земле, но они все совершенно по разному вступают во взаимодействие с этой землей, движутся по ней совершенно разными способами. Я хочу обратить внимание на то, как вид деятельности человека на земле определяет его восприятие ее в качестве ее части, составляет «местностную» часть идентичности. В моей работе неоднократно употреблялись термины: дороги, путь жизни, местность. Восприятие местности проявляется во многом путем движения по земле (или над землей). По этому я хотел бы провести анализ через три пары терминов, с помощью которых мы можем исследовать некоторые аспекты идентичности:

линия/путь — место / пространство
 движение — привязанность (к месту)
 временность — постоянность

На первый взгляд эти термины противоположны. Но только на первый. Более глубокое проникновение через анализ напряжения между ними дает понимание отношения человека и окружающей среды, или, говоря словами Шубарта, между духом времени и духом местности, которые пересекают все этнические границы. Линия или путь, это первое димензионное понятие, а место / пространство – второе или третье.

Человеческую жизнь можно представить в виде символа, как движение по одной линии. Кто то ее называет «линией судьбы», кто то «путем жизни». На этой символической линии есть определенные места, где мы останавливаемся – в чуме или в вахтовом поселке. Об этом процессе пишет Тим Инголд, один из самых известных северных антропологов, в своей монографии «Линии: краткая история» (Ingold, 2007). Он полагает, что движение по земле (по тундре – вне зависимости от вида транспорта), как и остановка на месте суть лишь способы плести линию нашей биографии в контексте окружающей среды.

Движение ассоциируется с мобильностью (будь это кочевая мобильность, или маятниковая, когда человек приезжает на работу по вахтовому методу), а привязанность более связывается с оседлостью. Мне кажется, что и кочевой и оседлый человек плетут свою жизненную линию в тесной связи с движением по определенным местам. Хотя все наши три героя делают это по разному, они все становятся частью судьбы этой земли, в свою очередь она, как и линии движения людей, определяют во многом их самовосприятие как личности.

А в чем различие наших трех героев? Что такое для них «свое место»? Для Ярколана, как и любого другого кочевника, это пути каслания, по которым он передвигается и **ощущает** себя частью тундры. Это не «тундра вообще», это **его** тундра, его «исконная земля», как объяснил сосед Ярколаны, Яков Вануйто. Он как бы вписывает свою жизнь в эту землю, циклично возвращаясь по тем же местам (мядырмам), оставляя минимальный след на земле, и эта тундра становится **его** тундрой через практику

жизни в ней, которая есть ни что иное, как постоянное движение с оленями.

Для оседлого человека, «свое место» – это место, которое он сам себе создает, например, через строительство дома, через работу на промышленном объекте, или через участие в создании северного промышленного города. Оседлый человек привязывается к месту в том случае, когда он оставляет максимальный след там. Так, например я был в поселке Сабетта и общался там с представителями Ямал СПГ. Их первый приоритет – **создать** новый поселок (хотя там и есть старый). Наш первый герой – Ильдус – создает свое место в Пангодах через индивидуальный дом, коттедж. Если воспользоваться словами Тима Ингольда (2000): оленевод живет в «dwelling perspective» (восприятие живущего), а промышленник в «building perspective» (восприятие строящего).

Понятия временности и постоянности как будто бы исключают друг друга. Но есть интересное сопоставление временности и постоянности в ощущении «местного» аспекта своей идентичности. У северян с южными корнями есть привязанность и к тому месту, где они родились, и к другому – где они в настоящее время взаимодействуют с окружающим миром. Большинство наших собеседников не из числа коренных жителей в поселках и городах планируют завершить свою дорогу жизни на юге, их тянет туда, откуда они родом. Наши и другие исследования показывают, что одно не исключает другое: одновременная принадлежность к месту на Севере и на «земле» – это один аспект формирования местного компонента идентичности в 21 веке. Кстати, и у кочевников (ненцев в нашем случае) один тип идентичности не исключает другого. Они оба и временные, и постоянные. Как говорит сосед Ярколаны, можно реально себе представить, что оленевод в определенные месяцы сидит на какой то работе в поселке, а потом выезжает оттуда в тундру и пасет своих оленей. Исследования Г. П. Харючи, Штефана Дудека, и Е. Лиарской показали, что люди могут соединить в себе как будто бы противоположные типы идентичности и в поселке, и в тундре.

Но есть одно опасение. Дело в том, что тундровик может отчуждаться от своего места не по своей воле, а в том случае, когда там происходит нечто, изменяющее его труд, или делающее его вовсе невозможным. Это четко видно, когда оленеводы приезжают в промышленный поселок, например, в поселок Сабетта, как мне доводилось наблюдать. Это явно не место для оленевода. Он там чужой, и этот чужой дух его сразу изменяет. Он может начинать пить, хулиганить, и все прочее. Он ощущает отчуждение, хотя легко находит общий язык с рабочими нефтегазовых промыслов. Вероятно, именно этот фактор лежит в основе многих недоразумений. Так, сейчас активно обустраиваются поселки на полуострове Ямал. Столица района, поселок Яр Сале уже стал показательным, и с помощью Ямал СПГ поселок Се Яха планируется сделать супер-арктическим поселением, на что выделяется 6 миллиардов рублей (Кугаевский А., 21/04/2011). Это замечательно, наверное, некоторые оленеводы обрадуются новым квартирам. Но Ярколана говорит: "от этих денег мы же не можем жить в тундре. Нас там всех переселяют, и чем мы тогда будем заниматься там в поселке? И там свободы нету. Нам то ничего не надо, просто дайте нам каслать и жить с оленями." Но те, кто принимают решения, не зависимо, будь то коренные или русские политики, живут уже в другой логике — логике «building perspective» (восприятие строящего). Для них естественно желание вложить деньги в изменение образа земли, оставить свой след. А для кочевника, более целесообразным представляется вложить эти деньги в то, чтобы промышленное освоение оставляло **как можно меньше следов** в тундре. Мне кажется, на этой земле есть место и для «dwelling perspective» (восприятие живущего), и для «building perspective» (восприятие строящего), если подходить к этому с умом и осторожностью. По этому, мы разработали на основе работы с оленеводами, рабочими газовых промыслов и чиновниками местного уровня «**декларацию сосуществования**», которая размещена у нас на сайте (www.arcticcentre.org/declaration), и по которой сейчас одна община будет налаживать отношения с Ямал СПГ. Часть этой декларации вошла в кон-

цепцию политики по устойчивости Газпрома, и EBRD (Европейский Банк Реконструкции и Развития).

В заключении, я хотел бы предложить тем, кто этой темой занимается, попробовать пожить жизнью тех людей, с которыми мы работаем. В этом суть методики социальной антропологии, и мне кажется, это во многом помогает. Только через беседы с Ярколаном, Ильдусом, Зинаидой, я бы, например, не смог даже на первом приближении понять суть их местной идентичности. Я должен был сам почувствовать, каково это — летать на санитарном рейсе по чумам к больным, ездить на Урале по грязным дорогам и в Сабетте по буровым, гонять на снегоходе с оленеводами по сугробам и чуть ли не получить сотрясение мозга, перегонять на оленях с Ярколаном важенок на новое пастбище.

Через все эти разные движения, разные действия в окружающей среде, люди связывают, плетут свой биографический путь (линию), в месте / пространстве. И это пересекает все аналитические категории. Кочевники, те кто проводит меньше времени на одном месте, создают самые тесные связи с пространством. Хотя сами они воспринимают себя по-разному: Ярколана называет себя оседлым, так как он каслат от силы 100 км в год, а его соседи — 1000 км. Оседлой считает себя и Зинаида, хотя летает почти ежедневно по чумам как птица. Она так же как Ильдус из поселка Пангоды, наверное, покинет Север ближе к концу жизни, хотя они оба привязаны к своим местам здесь, и живут там полной жизнью.

По этому, мне кажется, нам стоит пересмотреть те наши категории, по которым мы как ученые классифицируем народы. Я думаю, что вид действия человека на земле, то что он своими руками создает или делает, определяет во многом каким он станет. Именно через эти действия он общается с окружающим миром, заплетает свою линию судьбы с другими дорогами. Через них он взаимодействует с духами местности и с духами времени того места, в котором он родился, того, в котором он живет сейчас, и того, в котором он собирается заканчивать свой путь.

ПРИПОЛЯРНАЯ ПЕРЕПИСЬ 1926-27 ГГ.:
ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ
РЕЛИГИОЗНОГО ЛАНДШАФТА ОБДОРСКОГО КРАЯ

Главацкая Е.М.

Профессор Уральского федерального университета, д.и.н.

Название этой статьи может показаться абсурдным, и для этого, надо признать, есть основания. Во-первых, бланки Приполярной переписи считались уничтоженными, как, впрочем, и первичные материалы всех последующих советских переписей. Во-вторых, есть большое количество других источников: живописные миссионерские отчеты сотрудников Обдорской миссии и этнографические материалы исследователей и путешественников, посетивших край. Совокупность этих материалов дает прекрасную возможность реконструировать религиозный ландшафт региона достаточно детально. Более того, историкам хорошо известно, что вопроса о религиозной принадлежности в бланках Первой Всесоюзной переписи 1926 г. вообще не содержалось. Так почему же все-таки перепись, религия и Обдорский район? Иногда проще начинать с конца.

**Обдорский край в контексте
всемирной истории колонизации**

Обдорский край, которому посвящена данная статья, является уникальным с различных точек зрения. Географически – это самый северный и самый большой по площади район Северо-Западной Сибири, занимавший восточный склон Урала, низовья Оби, Ямал и часть Гыданского полуострова. Он характеризуется крайне суровыми климатическими условиями, малонаселенностью и замедленными темпами освоения.

История Обдорского края в составе Русского государства началась с основания в 1595г. городка Обдор на месте древнего остяцкого поселения, который впоследствии дал название всему району. Вплоть до конца XIX в. эта территория находилась в сфере влияния социально-политического объединения, известного как Обдорское княжество. Обдорские князья, признавшие власть Москвы,

смогли сохранить свои владельческие права на условии исправной сдачи ясачной повинности шкурками пушных зверей, которую они собирали с подчиненных им остяков и соседей – самоедов. Географическая удаленность края способствовала поддержанию определенной самостоятельности правителей Обдора. Они держали в страхе население соседних волостей, нередко инициировали грабительские набеги на их поселения. Попытки модернизации жизни аборигенов Сибири, предпринятые Русским правительством в первой четверти XIX в. мало затронули жизнь кочевников-оленеводов.

В культурном отношении Обдорский край также подвергся наименьшему влиянию со стороны Русского государства. Несмотря на то, что единичные случаи крещения зафиксированы в начале XVII в., целенаправленное распространение христианства в крае началось только в первой четверти XVIII в. Процесс этот шел медленно, почти без применения практики массовых крещений и разрушения священных мест. Продвижению миссии было оказано активное, порой вооруженное сопротивление, что в значительной степени задержало христианизацию и повлияло на ее методы. Миссионеры делали все возможное, чтобы приспособить христианство к условиям Севера, соглашаясь на выработку местной паствой своего варианта православной ритуальной практики. Именно здесь в наибольшей степени проявились лучшие качества миссионеров, создав условия как для развития христианства, так и для традиционной религиозности народов Обдорского края.

Таким образом, специфика района и его определенная оторванность от центра заставляли строить с ним отношения на отличных от других районов Северо-Западной Сибири началах, допуская гораздо большую независимость и вариативность. В этом

отношении пути развития Обдорского района во многом сопоставимы с судьбами северо-американских колоний европейских государств. Обратив внимание на схожесть проблем изучения этнической истории на двух континентах, А. Знаменский предположил возможность заимствования подходов и концепций, разработанных этноисториками — представителями коренного населения Северной Америки для более глубокого понимания истории и культуры евразийских народов. Прежде всего имелась в виду метафора «middle ground», предложенная Р. Уайтом, для объяснения отношений партнерства и диалога, сложившихся в районе Великих озер между индейцами алголкинами и колонистами французами и англичанами в XVII—XVIII вв. А. Знаменский нашел возможным использовать «middle ground» для объяснения феномена определенной независимости чукчей в XIX в. Он выделил три основные предпосылки для формирования особого автономного статуса чукчей: оленеводство, как основа экономики, наличие внешних торговых связей и особые отношения с православными миссионерами. Все это, по мнению историка, способствовало формированию «middle ground». Поскольку особый статус определенной территории обычно является результатом слабости колониальной власти, можно предположить, что феномен «middle ground» появляется там, где происходит встреча различных культур и на то время, пока имеются предпосылки для его существования. В этом отношении Обдорский район с его специфическим статусом, развитым оленеводством, внешними связями и особыми взаимоотношениями с православными миссионерами, может вполне рассматриваться как пример «middle ground».

В плане проведения Приполярной переписи Обдорский район также представляет большой интерес. Среди регистраторов, принявших участие в переписи на его территории, оказались как профессионалы в области этнографии и статистики, так и местные жители, что определило информативность и качество материалов переписи.

Как уже говорилось, большая часть первичных материалов Приполярной переписи не сохранилась. Однако Обдорскому району в этом отношении повезло, пожалуй, чуть больше других. Удалось обнаружить хотя и не полную коллекцию, но образцы практически всех вариантов документов, заполнявшихся регистраторами во время переписи: Поселенные карточки, Похозяйственные бланки, Бланки торговых учреждений и факторий, а также Бюджетные бланки. Все это позволяет реконструировать достаточно детальную картину жизни на Обдорском Севере.

Перепись длиною в полгода

Один из ключевых принципов организации переписей — краткий срок проведения. Теоретически это однодневные переписи «по состоянию на критический момент», а именно, — полночь накануне первого дня переписи. Соблюдение этого условия, особенно в таких районах как Обдорский, технически не возможно даже в наши дни. А Приполярная перепись 1926-1927 гг., кроме того, была не простой переписью, она вылилась в небывалое по масштабам и поставленным задачам мероприятие Советского государства. Это была длительная комплексная экспедиция на Север, сотрудники которой должны были продвигаясь на оленьих упряжках по назначенному заранее маршруту подробно описать каждое «туземное» хозяйство, его состав, экономику и быт, детали материальной культуры и духовной жизни северян. Ничего подобного никогда не предпринималось ни одной из стран мира. Ценность исследования заключалась и в том, что оно проводилось в период, когда социалистические преобразования еще не коснулись народов Севера и они во многом сохраняли традиционный образ жизни.

В подготовке переписи 1926 г. на территории Северо-Западной Сибири приняли участие видные исследователи Тобольского Севера: А.А. Дунин-Горкавич, Б.Н. Городков, В.М. Новицкий, Р.П. Митусова и многие другие. Возглавил Уральскую экспедицию, в чьи задачи входила регистрация населения Северо-Западной Сибири, заведующий Тю-

менским музеем Леонид Рудольфович Шульц. Официально работа Уральской экспедиции началась 26 ноября 1926 г. и продолжалась почти полгода, до апреля 1927 г.

Переписью населения Обдорского района занимались 4 партии-экспедиции: Ямальская, Тазовская, Надымо-Полуйская и Сыне-Куневатская, регистрировавшие население по единым формулярам и единому плану. Ямальская экспедиция состояла из руководителя Владимирцева и двух регистраторов — студентов экономического техникума Лебедева и Вознесенского, прибывших из Свердловска. С первых же дней экспедицию постигла неудача: после дневного перехода 28 ноября отряд подвергся нападению волчьей стаи, разогнавшей оленей, которых потом 5 дней собирали по тундре. Чтобы избежать потери рабочего времени Владимирцев и один из регистраторов отправились к факториям реки Щучьей, на одних легких нартах без чума.

Начальником в Тазовскую партию был приглашен П.П. Иорданский, агроном по образованию, имевший опыт работы в области статистики в Тюменском Окрстатбюро. Регистраторами стали П. Бржезинский — юрист, из административно-ссылных, и местный житель, зырянин Витязев — «хотя с низким образованием, но хорошо знающий местные условия», — по отзыву Л.Р. Шульца. Начальнику партии П.П. Иорданскому сразу пришлось столкнуться с проблемой транспорта. Бушевавшая в районе эпизоотия не позволяла рассчитывать на легкость найма оленьих упряжек. «Государственные» олени, пригнанные в Хальмер-седе, где их ожидали регистраторы, по распоряжению Обдорского РИКа, оказались настолько истощенными, что нуждались в продолжительном отдыхе или замене. В довершение несчастий, регистратор П. Бржезинский получил сильнейший ожег, когда во время фотосъемки неожиданно вспыхнул магний. К тому времени, когда он оправился от травмы, олени госстада отдохнули, и отряд смог отправиться на них вверх по р. Таз до часовни Василия Убиенного.

Надымо-Полуйскую партию возглавляла сотрудница Российского музея этнографии

в Ленинграде, Раиса Павловна Митусова, прибывшая в Обдорск только во второй половине декабря 1926 г., так что регистраторы — студентка-этнограф Ленинградского госуниверситета Наталья Александровна Котовщикова и корреспондент газеты «Уральский рабочий» — Юркевич вынуждены были выехать в тундру и приступить к работе самостоятельно. И эта партия вынуждена была задержаться в Обдорске до 5 декабря, ожидая возчика, опоздавшего из-за нападения волков. Регистраторы Надымо-Полуйской партии передвигались на оленьих упряжках и ночевали в чумах своих переводчиков, нанятых из числа местных жителей. Реальные расстояния между населенными пунктами оказались значительно больше, чем предполагалось при планировании маршрута, а необычно снежная зима еще больше усложняла условия продвижения. Руководитель партии Р.П. Митусова вскоре после выезда в поле тяжело заболела воспалением легких и, вероятно, так и не смогла вполне оправиться от болезни на протяжении всей переписи. Из-за этого ей пришлось отказаться от выездов в тундру и ограничиться регистрацией кочевников, приезжавших на фактории Норэ и Хэ.

Наконец, в составе Сыне-Куневатской партии находился всего один регистратор. Местный житель, учитель по профессии, Григорий Иванович Артеев был хорошо знаком с зырянами, хантами и ненцами, так что проблем с передвижением по маршруту следования и наймом нарт у него не возникало.

Данные переписи 1926 г. были использованы при составлении первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. Однако большая часть первичных материалов Приполярной экспедиции осталась лежать в пыли архивных полок, многие до сих пор еще не обнаружены, что-то исчезло навсегда. Перепись жестко критиковали за отсутствие классового подхода в 1930-е гг., поэтому хранить ее не представлялось целесообразным. Подвиг участников Уральской экспедиции до сих пор не оценен по достоинству. Между тем, многие из них трагически закончили свою жизнь.

Студентка Ленинградского университета, Наталья Александровна Котовщикова, продолжила этнографические исследования на Севере. Однако, в середине июня 1929 года она трагически и нелепо погибла на Ямале, на побережье пролива Малыгина. Всех подробностей ее гибели установить так и не удалось. Известно, что она, будучи больна цингой в тяжелой форме, оказалась одна в «палатке», сделанной из паруса, брошенной на нарты, ожидая скорого приезда коллеги. Но письмо, переданное исследователем через ненцев, опоздало, буря и последовавший за ним туман не дали возможности ее коллеге К.Я. Ратнеру, вовремя придти на помощь. Бурное таяние снега сделало прямой путь невозможным и еще более задержало продвижение спасательной экспедиции. Наталью Александровну нашли лежащей в снегу, в 30 метрах от палатки. До последнего момента она вела дневник и, понимая, что обречена, оставила прощальное письмо коллегам.

Артеев Григорий Иванович вскоре после окончания переписи некоторое время работал страховым агентом. Потом, из-за плохого состояния здоровья оказался безработным. Тем не менее, даже в это время продолжал трудиться по мере сил, приводя в порядок каталоги музея и библиотеки. Промучившись 8 месяцев без работы, Григорий Иванович вынужден был пойти служить псаломщиком в церковь. Этот шаг, согласно его собственному объяснительному письму, был сделан «по обстоятельствам пропитания семьи». На основании этого факта биографии Г.И. Артеев в 1929 г. был лишен избирательных прав и получил статус лишенца. Его заявления о восстановлении избирательных прав были отклонены, и только в 1932 г., после трехлетней работы счетоводом в Доме ненца, Г.И. Артеев был восстановлен в гражданских правах.

Раиса Павловна Митусова за годы работы на Севере собрала уникальный материал по этнографии народов Сибири, часть которого является украшением коллекций отечественных музеев. В 1937 г. она была арестована по сфабрикованному обвинению за «участие в контрреволюционной кадетско-

монархической организации» и 7 декабря расстреляна в Новосибирске.

Действительно, работа регистраторами была совершена огромная, и жертв она потребовала не малых. В чем же важность использования материалов переписи для изучения этнической истории народов Сибири? Дело в том, что важнейшим принципом любой переписи является то, что сведения берутся не из документов, а записываются со слов людей – носителей культуры, таким образом, работая с переписными формулярами мы анализируем свидетельства самого народа, что особенно ценно при изучении именно этнической истории. А поскольку перепись – источник массовый, то он дает возможность реконструкции значительного среза или информационного поля этой истории.

Религиозный ландшафт Обдорского края

Религиозные традиции народа являются важным этнообразующим фактором и элементом культуры. Народы, населявшие Обдорский край, ханты и ненцы не были в этом отношении исключением. Более того, их мифология запечатлена в окружающей среде и связывает через конкретные географические места современный коллектив людей с далекими реальными и мифическими предками. Поэтому исследование религиозности народов Обдорского края должно обязательно включать географический – ландшафтный компонент.

Традиция изучения исторических событий, явлений и коллективов людей в непосредственной связи с территориями их проживания утвердилась в европейской науке в качестве особого подхода, получившего название «культурный ландшафт» в начале XX в. Инициатива географов по изучению культурного ландшафта была вскоре подхвачена археологами, особенно после развития конкретных методов изучения культурного ландшафта, основанных на анализе объектов, связанных с изучаемой культурой. При этом анализ понимался как «прочтение следов», оставленных культурой на определенной территории. В этих «следах», по меткому

выражению П. Льюиса, запечатлелись вкусы, ценности, надежды и даже страхи носителей культуры. В работах антропологов культурный ландшафт стал пониматься как явление, связанное с определенным временем и изменяющееся в процессе жизнедеятельности коллективов. В частности, Т. Ингольд, рассматривал его как «окружающий мир в том виде, в каком он известен тем, кто в нем живет».

Применительно к территориям, на которых проживало несколько народов, можно, вероятно, говорить о сложном многоуровневом культурном ландшафте, где каждый из народов имел свое представление об окружающем мире. В этом отношении Обдорский район, учитывая историю процесса его христианского освоения, должен был представлять собой пример сложного культурного ландшафта. В данной статье предпринята попытка реконструкции только одной из его составляющих – религиозности на основании материалов Приполярной переписи 1926-27 гг.

К сожалению, вопроса о религиозной принадлежности в бланках переписи 1926 г. действительно не было, что не позволяет реконструировать религиозный ландшафт на ее материалах в полной мере. Но ведь это была не просто перепись, а комплексная экспедиция по изучению народов Севера. Организаторы и участники переписи не могли упустить возможности собрать сведения по религии и занести их в соответствующие графы Поселенных бланков. В разделе XVIII «Рыболовство» Поселенного бланка содержался вопрос № 27 о существовании каких-либо мест, где промысел был запрещен по религиозным соображениям, а раздел XX «Благоустройство, санитарное состояние и культурно-просветительское дело» содержал графу 8 с вопросом «Есть ли в вашем селении знахари (шаманы) и знахарки и как часто население к ним обращается?». Некоторые регистраторы активно использовали поля, предусмотренные для комментариев, и заносили ценную информацию, которую удавалось получить во время интервью. К сожалению, из 138 Посе-

ленных бланков по Обдорскому району сохранились только 107 – те, что были заполнены регистраторами на территории Обдорского, Мужевского и Кушеватского сельсоветов.

Некоторые сведения о религиозных традициях хантов и ненцев Обдорского края, отложились, к счастью, еще и в Бланках регистрации факторий. Информация эта собиралась у жителей края в тот момент, когда они прибывали к торговым пунктам, где сдавали пушнину в обмен на промышленные и продовольственные товары.

Анализ материалов переписи свидетельствует, что население Обдорского, Мужевского и Кушеватского сельсоветов часто обращалось за помощью к шаманам, особенно при болезнях или в случае неудачной охоты. Несмотря на то, что жители обдорского сельсовета, как правило, заявляли, что у них шаманов нет, регистратор заполнявший поселенный бланк в остяцком селе Чепурас, усомнился в их искренности и сообщил в комментарии, что «в виду того что шаманы привлекаются к ответственности, об их существовании тщательно скрывают». И действительно, остяки юртов Рынга-горт и Миликсим сообщили, что в случае болезней они обращались к шаманам (знахарям) из ближайших селений.

Согласно сведениям, собранным регистраторами у остяков Мужевского сельсовета, шаманы имелись в юртах Ильюшинских, Тав-горт и Нянин-горт, и жители этих населенных пунктов часто к ним обращались за помощью. Остяки Выенгортских юрт заявили, что шаманов своих у них не было, зато они часто пользовались услугами шаманов других населенных пунктов. К шаманам соседей обращались также остяки села Мужы, юрт Пильтим-горт и Васяхов-горт. По свидетельству остяков юрт Тогот-горт, Устье-Войкар и Пильтим-горт, шаманы имелись в остяцком селении Елисей-горт, куда они регулярно обращались за помощью. Жители Устье-Войкар сообщили также, что шаманы есть еще и в юртах Верхний Войкар. Что касается остяков Елисей-горта, то они утверждали, что шаманов у них нет, и «при появлении болезней население обращается в ближайшее селение»,

где есть доктор. Такое противоречие в сведениях, полученных регистраторами, может быть объяснено как раз стремлением скрыть шаманов от представителей власти.

Большое количество шаманов проживало в Кушеватском сельсовете, при этом многие славились по всему району. В частности, своих шаманов имели поселения Азеу-горт, Асов-горт, Выли-горт, Ишвар, Менгитнел-горт, Моехтас, Ова-горт, Пит-лор, Питта-горт, Русь-соим-корт, Сангом-горт, Холасоим-горт и Шижин-горт. В Питта-горте, согласно Поселенному бланку, «каждый глава семьи шаманит сам». В селениях Ондорюган Корт, Остер горт, Посл горт и Пошты-горт своих собственных шаманов не было, но жители часто обращались к услугам шаманов, проживавших поблизости. Кроме того, в селениях Лагась-горт, Питта-горт, Пошты-горт, Сангом-горт и Холасоим-горт многие жители и сами могли шаманить. Вероятно, в данном случае имелись в виду ситуации, когда известного шамана не приглашали, но обходились своими силами.

Интересные подробности о шаманах были занесены регистратором в Поселенный бланк села Кушеват, население которого было исключительно русским. Вероятно, русские жители, хорошо знакомые с ритуальной практикой самоедов и остяков, не опасались последствий и легко делились информацией. В бланке сообщалось, что в случае неудачи во время промысла шамана «допрашивают» о ее причинах. Шаман, в свою очередь «совершает обряд ворожбы» с помощью «пещера» — бивня мамонта, после чего объясняет охотникам, что именно могло вызвать недовольство богов. При этом наиболее вероятными причинами назывались «плохое жертвоприношение или неокурение оружия бобровой струей».

Помимо института шаманства население Обдорского края имело территории, обладавшие особым статусом. Промысловая деятельность, в таких местах была запрещена, но зато совершались жертвоприношения. Такие угоды, по сообщению остяков Елисей-горта, имелись в юртах Саимовских и Шижин-горте Кушеватского сельсовета.

Здесь, согласно словам остяков Елисей-горта, «не производится охота на всякого зверя и птицу, исключения бывают — только жертвоприношения». Вероятно, остяки Елисей-горта и сами совершали жертвоприношения на этом месте. Более того, анализ сведений, зарегистрированных в Поселенных бланках Кушеватского сельсовета, свидетельствует, что на священном месте около Шижин-горта жертвоприношения совершали также остяки Ондор-югана. Жители селения Мошпан также указали на особый статус территорий в юртах Саимовских и Шижин-горте. Сами жители Шижин-горта, сообщили, что место совершения жертвоприношений располагалось недалеко от селения «на правом берегу р. Большая Обь, вдоль горы, длина не более версты, ширина — сажень 100». Священное место в юртах Саимовских находилось менее чем в версте от селения и представляло собой площадку размером «300 сажень на 1 версту». Жертвоприношения в случае болезней совершали в селениях Выли-горт, Лагась-горт, Пошты-горт, Сангом-горт и Холасоим-горт. Остяки селения Ишвар имели заповедник (площадью не более 1 квадратной версты), где была запрещена охота по религиозным соображениям и совершались жертвоприношения. Места совершения жертвоприношений, запрещенные для охоты, имели и остяки селений Моехтас и Ова-корт. Кроме того, остяки поселений Менгитнел-горт и Русь-соим-корт также сообщили о существовании территорий, где было запрещено охотиться по религиозным соображениям, однако не указали где именно.

Русское население Кушевата охотно поделилось с регистраторами сведениями о жертвоприношениях, совершаемых остяками сельсовета: «при начале охоты туземцы договариваются с местными или другими селениями купить сообща оленя, корову или лошадь. И обязательно выбирают пестрых, затем делают жертвоприношения. При добыче зверя, если таковое было удачно и в большом количестве, то также делают жертвоприношения». Информация о жертвоприношениях, совершавшихся населением мужевского сельсовета

была зафиксирована в бланке регистрации фактории Уралгосторга в селе Мужы. Регистратор записал: «Эксплуатация промышленников не изжита, т.к. по религиозному культу остяку требуются для жертв олени, которых он, покупая у оленеводов на пушнину, никогда не выходит из долга и отдает лучшие сорта в надежде получить еще».

Известное священное место под названием «Мыс Жертвы» или «Святой мыс» находилось в Обской губе. На нем были совершены коллективные жертвоприношения оленей в 1926 г., после того как оленеводы, кочевавшие в районе фактории Норэ узнали о публикации в газете «Северянин» о том, «что какой-то ученый заявил о начале ледникового периода, и что лета больше не будет». Регистраторы и сотрудники факторий вынуждены были проводить разъяснения по этому вопросу.

Переписчики отметили и особое отношение коренного населения Обдорского района к некоторым видам животных, в частности почитание волка и медведя. В примечении к бланку Лагась-горт Кушеватского сельсовета записано «волк и медведь, почитаемые на Куновате, никакого промыслового значения не имеют, за ними не охотятся и убивают только при случае, когда они сами на ружье лезут...». А русские жители Кушевата сообщили, что остяки, проживавшие на территории сельсовета, при добыче медведя устраивали «пляску», которая продолжалась в течение семи вечеров. В данном случае, вероятно, имелась в виду практика организации «медвежьих игр».

Что касается повседневной ритуальной практики, то в материалах переписи было отмечено, что население Мужевского и Кушеватского сельсоветов активно закупало бобровую струю на факториях, которая использовалась в очистительных ритуалах.

Заключение

Итак, характеризуя религиозный ландшафт Обдорского края на основе материалов Приполярной переписи 1926-27 гг., можно с уверенностью сказать, что несмотря на длительность процесса христианского освое-

ния Северо-Западной Сибири, он сохранил важнейшие элементы традиционной – не христианской религиозности. Эти элементы проявлялись, прежде всего, в активно действующем институте шаманства, сохранении практики жертвоприношений, поддержании священных мест, почитании животных и совершении обрядов ритуального очищения. При этом следует иметь в виду, что явления эти носили массовый и повсеместный характер, и с ними были знакомы не только те, кто принимал активное участие в их поддержании – остяки и самоеды, но и русские жители Обдорского района. Здесь следует отдать должное характеру отношений, сложившихся между остяками и самоедами, институтами государственной власти и православными жителями края. Взаимная заинтересованность, по большей части экономическая, привела к формированию ситуации, аналогичной той, что Р. Уайт назвал «Middle ground». Каждая из сторон шла на определенные уступки: допуская, мирясь или принимая часть элементов иной культуры, при этом сохраняя и развивая свою собственную.

На основе анализа сведений, полученных регистраторами от остяков и самоедов, можно реконструировать ряд элементов религиозного ландшафта и его основные доминанты: места, обладавшие особым сакральным статусом, где совершались жертвоприношения и те, где проживали шаманы, к которым чаще всего обращались за помощью. В обоих случаях речь шла о «коммуникации» через подношение или человека, обладавшего особым даром общения с богами, с высшими силами, влиявшими, по представлениям жителей Обдорского края, на их жизнь и судьбу.

К сожалению, приходится признать, что материалы переписи не дают возможности реконструировать все элементы религиозного ландшафта края. Что же не увидели или не захотели увидеть и рассказать регистраторы? Парадоксально, но факт, все, что касается достаточно богатой православной традиции, распространявшейся на территории края с конца XVI в., не нашло отражения в документах переписи. Можно предположить, что с

окончанием деятельности Обдорской миссии окрещенные остяки и самоеды совершенно о ней забыли. Однако это представляется маловероятным. Некоторые новокрещены активно участвовали в ритуальной практике православной церкви и глубоко почитали ее ритуальное пространство. Характерен в этом отношении пример прихожан Полноватской церкви, пытавшихся защитить свой храм и приходского священника в разгар антирелигиозной борьбы.

Феномен отсутствия информации о христианской составляющей религиозного ландшафта края в материалах переписи может быть объяснен тем, что организаторы переписи недооценили важности религиозного фактора. Институту церкви не было места в молодом Советском государстве, не было и смысла ее регистрировать. Отсутствие вопроса

о религиозной принадлежности говорит само за себя. Что касается религиозно ассоциированных вопросов Поселенных бланков, то они задавались с целью выяснить размер угодий, выведенных из хозяйственной деятельности, и потребности развития медицинского обслуживания населения. И только тот факт, что в составе руководителей и участников Уральской экспедиции находились профессиональные этнографы и краеведы, повлиял на характер и полноту сведений, заносимых в бланки переписи.

История и материалы переписи, таким образом, являются ярким свидетельством того, что даже самый непредвзятый и профессиональный исследователь придает создаваемому им источнику, даже такому «отформализованному», как бланки переписи, достаточно субъективный характер.

ИГРУШКИ ИЗ ДЕРЕВА И КОСТИ
УГРОВ И САМОДИЙЦЕВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АНАЛОГИИ)

А. А. Арефьева, Е. В. Первалова

Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс
им. И. С. Шемановского

Археологические материалы средневековых памятников Нижнего Приобья дают большое разнообразие находок, которые можно идентифицировать как игры и игрушки. Объектом нашего исследования стали коллекции предметов из дерева, кости, рога, бересты с археологических памятников: поселение (городище) Ярте VI (Средний Ямал, рубеж XI–XII вв.), поселение Тиутей Сале I (Северный Ямал, V–VII, XIII–XIV вв.), городище Усть-Войкарское I (Нижнее Приобье, XIV–XVIII вв.), Надымское городище (северная часть Нижнего Приобья, конец XII – XVI вв.), городище Мангазеи (XVII в.). Многие из находок, имеющие хорошую сохранность благодаря залеганию в мерзлотных слоях, являются прямыми аналогами предметов и вещей, бытующих в традиционных культурах обских угров и самодийцев Северо-Западной Сибири.

В основу этнографического анализа археологического материала, исходя из видовых свойств и назначения, автором доклада была взята следующая классификация игрушек:

1. Звуковые игрушки (трещотки, погремушки, жужжалки);
2. Образные игрушки (куклы, животные);
3. Игрушки-имитации (модели предметов);
4. Моторные игрушки («Юла», «Палочки», «Тосьчер-вой»);
5. Логические игрушки (головоломки, шахматы).

Первая группа – *звуковые игрушки*. Это примитивные игрушки, при манипуляции с которыми издается звук, шум. К таким игрушкам из археологического материала можно отнести «жужжалки», «гуделки». На городище Усть-Войкарское I обнаружено 4 плоские пластины прямоугольной и овальной формы с утонченными краями и двумя отверстиями

по центру. В археологических материалах данные игрушки чаще всего интерпретируют как детали одежды или упряжи. К звуковой группе игрушек относятся костные останки животных, такие как трахеи, из которых в современной этнографии делают трещотки для детей 1–3 лет. Фрагмент трахеи был обнаружен на городище Усть-Войкарское в 2005 г.

Вторая группа – *образные игрушки*. Это куклы, изображающие человека и животных. Куклы-игрушки были обнаружены на археологических памятниках Сайгатинский VI могильник (1 шт.), Городище Усть-Войкарское (3 шт.) и на поселении (городище) Ярте VI (1 шт.). Куклы относятся к разному времени (IX–XVIII вв.) и месту нахождения. Общими чертами кукол является полная аналогия их по форме и по технике исполнения с этнографическими, разница заключается только в используемых материалах.

Куклы-животные представлены фигурками травоядных и хищных, пушных и копытных, также птиц и рыб. Большие коллекции игрушек собраны с городищ Усть-Войкарское и Надымский городок. Среди них выделяются сложные составные игрушки (птичка, рыбка) и монолитные игрушки, вырезанные из дерева и кости.

Третья группа – *игрушки-имитации*. Это модели предметов. К этой группе относится наибольшая часть находок из средневековых памятников. Так, к категории игрушек, обнаруженных при раскопках Надымского городка, отнесено 727 предметов, из них 306 – имитации. Это реалистично выполненное из дерева или кости оружие, охотничьи и рыболовные ловушки, инструменты, бытовые предметы, средства передвижения. Большое количество топоров-игрушек, точно воспроизводящих форму боевых и рабочих топоров,

было найдено при раскопках поселения Ярте VI. Деревянные наконечники стрел, обнаружены в средневековом слое поселения Тиутей Сале I. Большая коллекция 575 игрушек-имитаций насчитывает с городища Усть-Войкарское. Для обоснования многочисленности такой категории археологических находок, как игрушка-имитация сошлемся на высказывание исследовательницы традиционного воспитания обских угров из числа представителей коренного населения А. М. Тахтуевой. В частности, она свидетельствует, что игрушки хантов – «это набор предметов будущих занятий в миниатюре». Реалистичные детские игрушки позволяют точно копировать занятия и ритуалы взрослых.

Четвертая группа игрушек – *моторные*. Это игрушки, приводящиеся в движение воздействием человека. Данные игрушки направлены на развитие внимательности, ловкости, смекалки, моторики. Яркими примерами археолого-этнографических аналогий игрушек – моторные этнографические игры «Юла», «Палочки» и «Тосьчер-вой».

Для игры «Юла» или «Волчок» изготавливают деревянную или костяную игрушку-юлу – стержень с заостренным концом, на который надевается диск или крестовина. Юла приводится в движение кончиками пальцев или ладонями, в зависимости от размеров игрушки, или с помощью особого приспособления – деревянной ручки и/или веревки. Соревнование заключается в продолжительности вращения юлы или в выполнении заданной траектории движения. При раскопках Надымского городка обнаружено 80 деревянных дисков с отверстиями посередине. В отверстиях некоторых дисков сохранились деревянные стержни или их обломки. На Ярте VI, Тиутей-Сале I и Городище Усть-Войкарское найдено 2, 1 и 35 волчков и дисков от волчков. Значительное количество находок палочек и дисков обусловлено и большим разнообразием вариантов и модификаций игры и огромной популярностью этих игр, как среди детей, так и среди взрослых. Заметим также, что не большие по размерам каменные, глиняные и деревянные диски, часто интерпретируемые

археологами как «пряслица», могли быть деталью игрушки-юлы.

Игра «Палочки» состоит из двух-трех десятков округлых деревянных палочек длиной 10–20 см. Игра состоит в одновременном подбрасывании вверх одной рукой палочек и стремлении поймать их той же рукой, но тыльной стороной. Пойманные палочки вновь подбрасываются вверх и ловятся кистью. Известны более сложные варианты игры. Те же палочки использовались в играх «Дом из палочек» (хант. *шёл хот*) (складывание разных типов жилищ), «Чум» (поочередное вынимание поставленных конусом палочек до падения хотя бы одной из них) и «Журавль» (хант. *торх, торэх*; варианты – «Лебедь» (хант. *хонт*) и «Орел» (хант. *курык*)) (запоминание выложенных из палочек фигур птицы и числа оставшихся после поочередного вынимания палочек из разных частей фигуры). При раскопках Надымского городка было найдено скопление из 28 палочек. При раскопках городища Усть-Войкарское встречены единичные экземпляры, которые можно идентифицировать как элементы игры «Палочки».

Игра «Тосьчер-вой» (Поймай зверя) представляет собой несколько плоских деревянных фигур (большей частью стилизованные изображения зверей и птиц), имеющих отверстие посередине и нанизанных на веревку; к одному концу веревки привязана деревянная шпилька/стрела, к другому – дощечка со сквозными отверстиями, и пуговица фиксирующая дощечку и фигурки. Играющий, взявшись за шпильку/стрелу, раскачивает дощечку с фигурами и, подбросив их вверх, старается попасть в отверстия фигурок или дощечки и насадить их на шпильку/стрелу. Если «охота» удачная, «пойманный зверь» (фигурка) снимается с веревки. В фондах ТГИАМЗ сохранилась игра, приобретенная И.Н. Шуховым у лесных ненцев в юртах Ильбигортских на р. Казым в 1914 г. В наборе 14 фигур, имеющих определенную «цену». Данная игра большей частью велась на деньги. Пуровские лесные ненцы, у которых эта игра сохраняется и поныне, рассказывают, что данная игра большей частью велась на

деньги. «В старые времена азартные игроки, увлекшись состязанием, могли лишиться не только оленьей упряжки или стада, проигрывали все — даже чум и жен».

При раскопках Надымского городка обнаружено 342 фигурки игры аналогичной «Тосьчер-вой». Они присутствовали во всех слоях городка. Обнаруженные фигурки располагались как дисперсно, так и скоплениями. В двух скоплениях было найдено соответственно 27 и 41 фигурка, вероятно, представлявшие комплект от двух игр. Исходя из уровня залегания, находки датированы первой половиной и последней третью XVII в. Хотя идентификация изображений с определенным видом животных и бытовыми предметами затруднительна и неоднозначна, автор раскопок отмечает, что набор надымских фигур от казымских отличается более широким видовым составом зверей, птиц и ассортиментом предметов. Кроме того, на надымских фигурках нет цифровых обозначений. Объединяют наборы близость принципов моделирования фигур.

На городище Усть-Войкарское за четыре летних полевых сезона (2003, 2004, 2005, 2006 гг.) было обнаружено 72 фигурки от игры «Тосьчер-вой». Это деревянные плоские изделия в виде фигурок животных; птиц; геометрических фигур; моделей предметов и одного антропоморфного изображения. Все фрагменты игры располагались дисперсно в поздних слоях раскопа и по времени относятся к XVI—XVIII вв.

Казымский, надымский и войкарский варианты игры «Тосьчер-вой» отражают специфику хозяйственной и духовной культуры населения. Вероятно, наличие в казымском наборе среди фигурок «медведя» определяется значимостью этого вида для таежного населения, а «коровы» (достаточно экзотичные для начала XX в. животное) — влиянием русской хозяйственной традиции. Современные игрушки «Тосьчер-вой», встречающиеся и сегодня у лесных и тундровых ненцев, включают не более десятка фигур, например, небо со звездами, солнце, полумесяц, соболю, орел, филин (р. Пур). В варианте игры из фондов

МВК представлены небо, солнце, луна и две птиц (сокол и сова). Данная игрушка, именуемая у лесных ненцев «*Кылысь*», была изготовлена в 2000 г. В. Н. Айваседо из Пуровского района ЯНАО.

Заметно упростившийся набор фигур и по количеству «зверей» и по тщательности исполнения, свидетельствует о том, что многих зверей ныне «поймать» уже не возможно, во-первых, они встречаются нечасто, во-вторых, для современной культуры коренного населения передача особенностей представителей животного мира для их распознавания ребенком становится неактуальным.

Пятая группа — *логические игрушки*. К этой группе относятся различные головоломки, шахматы. Широкое распространение у угров и самодийцев Северо-Западной Сибири имели различные головоломки из дерева или кости. Самая распространенная из них — «Цена семи оленей (лошадей)». Это азартная игра, в ходе которой, так же как и при в игре «Тосьчер-вой», проигрывали лошадь или оленя. Составные части таких игр часто оформлялись в виде фигурок или голов животных. Отличить их от культовой фигурки, возможно только по археологическому контексту.

У русских самоеды и обские угры заимствовали шахматы, шашки и карты. Встречающиеся в коллекциях сибирских музеев шахматные доски («шахматницы») и шашки довольно разнообразны. Коллекция ТГИАМЗ включает два комплекта шашек: (1) небольшая деревянная доска с окрашенными в шахматном порядке квадратами 2×2 и шашки выполненные из кости в виде конусов; костяные шашки.

Коллекция ЯНМВК включает: костяные шашки, согласно книгам поступлений принадлежащие ненцам; и две деревянных шахматных доски первой трети 19 в. Шашки вырезаны из кости мамонта в виде несколько уплощенной усеченной пирамиды и отличаются друг от друга наличием или отсутствием неглубокой треугольной выемки на вершине пирамиды. Каждая шашка просверлена посередине для хранения в связке. Шахматные доски вырезаны из цельной доски, шахматное поле состоит из 64 квадратов, выполненных

выемчатой резьбой. В Омском государственном объединенном историческом и литературном музее представлены две «настольных игры», принадлежавших тундровым ненцам Нижней Оби и датированных началом XX в. Вероятно, это неполные наборы шашек — 17 и 6 фигур. Выполнены они в виде усеченных пирамид, одни из них имеют плоскую верхнюю грань, другие — выемчатую или зубчатую. Первый набор традиционно выполнен из мамонтовой кости, то второй вылеплен ручным способом с подработкой ножом «из вареного белка насиженных яиц дикого гуся». Кроме того в фондах ЯНМВК представлены фрагменты шахматных досок и шахматные фигуры поступившие с археологических памятников Мангазея и городище Усть-Войкарское. На Мангазее всего за годы раскопок (1968—1970, 1973, 2000—2004) найдены 261 шахматная фигурка и 8 «шахматниц». Мангазейские шахматы вырезаны вручную и изготовлены на токарном станке из дерева или кости. На городище Усть-Войкарское найдено всего 5 шахматных фигур без шахматных досок. Они выполнены из дерева в виде усеченных конусов и имеют фигурные навершия. У 2 шахматных фигур имеются сквозные продольные отверстия, используемые, вероятнее всего, для нанизывания и хранения их на веревке. Вероятно, заимствованная у русских шахматная игра, пользовалась туземным населением преимущественно как шашки. В угорской традиции шашечная партия (игра «*Топис*») интерпретируется как погоня охотника-богатыря *Постыянг-ики* за шестиногим-шестируким зверем согласно распространенной угорскому мифу о Небесном Лосе (происхождение созвездия Большой Медведицы).

Таким, образом, выявляемые среди археологического материала игрушки, это лишь

небольшая часть средневековых комплексов игрушек. Даже при хорошей сохранности археологического материала многие игры и игрушки остаются неопределимыми и не верно интерпретируются. Это, прежде всего, относится к игрушкам, выполненным из костей зверей, птиц и рыб. Например, одна из самых популярных игр «Кости» (хант. *шукатты лозэ*), заключающаяся в ломании через колено или двумя руками бедренной кости оленя, плечевых костей лебедя или глухаря, или игра в бабки (ненц. *н,эсо*), состоящая в выбивание сложенных из различных костей-бабок фигур. Игра «Голова шуки» (хант. *сорт ух*), основанная на повествовании мифа о быстробегающем богатыре *Постыянг-ики*, победившем кровожадную шуку, и собирании определенных косточек из головы вареной рыбы. Куклы из утиных, гусиных и лебяжьих носов, черепов белки, зайца и глухаря, птицы из птичьих килей, олени из носов водоплавающей птицы, копыт или рогов оленя, возница, нарты и хореи из костей оленя, животные из лапок зверей, цепочки из остовов беличьих хвостов и рыбьих позвонков, погремушки из трахей и зобов птиц пр. Все они легко попадают в «зоологическую коллекцию». К категории слабо определимых следует отнести многие игры и игрушки, выполненные из дерева. Например, игра «Кольца» (хант. *кусы*), главными атрибутами которой являются черемуховые или таловые кольца и рогатина или ветка с отростками на конце, игрушка-олень из деревянного бруска или щепы с ветвистыми лучинками-рогами. Таким образом, дальнейшая работа по поиску этнографических аналогов и интерпретации материалов средневековых памятников Северо-Западной Сибири по теме «Игра и игрушки» может быть продолжена.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
КОЧЕВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ НЕНЦЕВ
ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА
В ПЕРВОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI ВЕКА
ПО ДАННЫМ СТАТИСТИКИ

Е.А.Волжанина,

*к.и.н., с.н.с. лаборатории антропологии и этнографии
Институт проблем освоения Севера СО РАН (г. Тюмень)*

Феномен сибирских ненцев, которые с конца XX в. составляют более половины кочевого населения Российской Федерации, представляет значительный интерес для исследователей. Несмотря на отношение к кочевому образу жизни на протяжении XX в. как к наиболее отсталому в культурно-экономическом отношении и принятие соответствующих мероприятий по переводу их на оседлость, сибирские ненцы-кочевники сумели лучше сохранить свою самобытную культуру и язык по сравнению с остальными народами Севера, выдержали натиск коллективизации и индустриализации, органично приспособили достижения научно-технического прогресса для кочевых нужд. Показателями их благополучия служат рост поголовья оленей и численности населения, отмечаемые с начала 1980-х гг. (Волжанина, 2010. С.80; Южаков, 2005. С.102-103). Анализ современных статистических материалов позволяет предположить, что «в будущем северный нomaдизм в России как семейное бытовое кочевание, скорее всего, может сохраниться только за счет развития ненецкого тундрового крупностадного оленеводства» в Ямало-Ненецком автономном округе (Клоков, Хрущев, 2006. С.28).

При этом неотъемлемой частью традиционного кочевого образа жизни ненцев стали достижения научно-технического прогресса: снегоходы, лодочные моторы, электро- и бензопилы и т.д. Для освещения в чуме наряду с керосиновой лампой используется уже электрическая. Широкие возможности применения компьютерной и бытовой техники в условиях кочевого или полuosедлого образа жизни в тундре представила дизельная электростанция и наличие доступного топлива (по

экономическим соглашениям с компаниями, ведущими промышленные разработки). Все чаще на стойбищах можно встретить телевизоры, ноутбуки, DVD проигрыватели, стиральные машины, спутниковые тарелки. В настоящее время на юге Пуровского района среди лесных ненцев олень используется как транспортное средство редко, только во время небольших перекочевков, в случае поломки бурана, отсутствия бензина или в сильные морозы, а также на соревнованиях. При этом буран используется как средство передвижения не только зимой, но и летом.

Ненцы неравномерно расселены на территории Ямало-Ненецкого автономного округа. По данным 2010 г., 70% из них проживают в Ямальском и Тазовском районах, еще 29% – в Надымском, Приуральском и Пуровском и 1% – в Красноселькупском и Шурышкарском. В трех районах (Ямальском, Тазовском и Надымском) они насчитывают от 96 до 99,8% в общей численности коренных народов Севера.

На протяжении XX в. численность ненцев, проживающих оседло, значительно выросла и в отдельных районах (Надымский, Пуровский, Приуральский) превышает кочевников. Если в первой трети прошлого столетия основной причиной появления оседлых ненцев была потеря ими оленей в результате периодических эпизоотий и рассматривалась как временное явление, то в последующие годы их постоянный рост обусловлен повышением образовательного и культурного уровня, строительством новых населенных пунктов с предоставлением жилья кочевникам, утратой традиционных навыков, инвентаря и оленей (в силу различных

обстоятельств), сокращением территорий традиционного природопользования в ходе промышленного освоения на территориях их проживания, а в некоторых районах из-за превышения олененемкости пастбищ.

На территориях преимущественного проживания ненцев в Ямало-Ненецком автономном округе, они являются главными кочевниками и составляют существенную долю коренного населения. Статистические данные показывают значительное сокращение кочевников в районах, расположенных в южных лесотундровой и таежной зонах (Надымский, Пуровский) которые еще в 1930-е годы рассматривались как наиболее перспективные для оседания населения. Продолжительному проживанию на одном месте способствовали занятия рыболовством, транспортный характер оленеводства, при котором оленей отдавали на выпас местным или ямальским пастухам на период рыбной ловли. Во второй половине XX в. эти территории одними из первых оказались в зоне промышленного освоения.

Опровергая оценки о том, что «традиционный сектор экономики имеет экологически обусловленные пределы экстенсивного роста, проявляющиеся в исчерпании в ряде районов пастбищных ресурсов, сокращении объемов добычи, в элементах «дровяного» кризиса и замещении в кочевых хозяйствах дров газом, снижении спроса мирового рынка на меха и т.п.» (Попков, Тюгашев, 2007. С.74), а также о завершении периода отбора на «приверженность к традиционализму» еще в годы, «когда представителей «коренных малочисленных народов Севера» переселяли в «укрупненные» поселки и посылали в города учиться на льготных условиях» (Мурашко, 1998. С.83) с начала 1990-х годов фиксируется рост абсолютной численности кочевого населения и числа их хозяйств в районах преимущественного проживания тундровых ненцев. При этом в 1980-е годы на Ямало-Ненецком автономном округе кочевало меньше населения, чем в середине 1960-х гг. Однако уже с 1994 по 2010 г. число кочевников в Приуральском районе увеличилось с 1254 до 1773 чел., в Та-

зовском — с 4713 до 5276, в Ямальском — с 4609 до 5747 чел., и в настоящее время превышает их количество 44 года назад (Волжанина, 2010. С.89-90). Отличная ситуация наблюдается в Надымском и Пуровском районах, где в 2010 г. кочует меньше населения, чем в 1960-х гг. (там же). В первом из них численность кочевников постоянно сокращалась с 1966 по 2002 г., рост отмечается с 2003 г. и в последние 7 лет их число варьирует в пределах от 599 до 576 чел. В Пуровском районе, где в 1966 г. кочевали 1421 чел, их численность сократилась к 1994 г. до 955 чел. Рост кочевников приходится на 1990-е годы и в начале XXI в. их насчитывалось около 1100 чел. (1120 чел. в 2006 г.), но с 2007 г. снова отмечается тенденция их сокращения. Согласно статистическим данным, в последние четыре года они насчитывали от 801 до 988 чел.

Абсолютный рост кочевого населения сопровождается, с одной стороны, снижением доли кочевников в общей численности коренных народов Севера в районах преимущественного проживания ненцев при одновременном увеличении численности последних. В процентном отношении за 2000-2010 гг. в Пуровском районе доля кочевников сократилась с 43,4 до 33,1% (рис. 1а) при доле ненцев в общем числе коренных малочисленных народов Севера — 82,5%, в Тазовском — с 78 до 69,6% (доля ненцев — 99,8%) (рис. 1б). При этом она выросла в Надымском районе с 20 до 27,4%, для сравнения в 1970 г. в районе кочевало 59% коренных народов Севера, при доле ненцев 98,1% (рис. 1в). В Приуральском районе наблюдается небольшой рост с 30,7 до 30,9% (в 1970 г. — 39,8%) (рис. 1г). В Ямальском районе в последнее десятилетие кочуют 50,4% коренного населения, тогда как в 1970 г. их процент насчитывал 57,4% (рис. 1д). Отмеченный процесс показывает, что все таки часть коренного населения находит альтернативные традиционным виды деятельности в соответствии с выявленными социологами предпочтениями и переходит на оседлый образ жизни, указывая на перенаселение в тундре.

Несмотря на фиксируемую социологами

привлекательность традиционного труда в среде современного поколения ненцев (Хайруллина, 2005. С.202), доля занятого в нем населения неуклонно сокращается. В 1959 г. 82,8% трудоспособного населения (в возрасте 15-64 лет) было занято рыболовством, сельским хозяйством (пастухи, бригады) и охотой (Рассчитано по: РГАЭ. Ф.1562. Оп.336. Д.2930. Л.197-224). В 2002 г. процент лиц, занятых в отраслях традиционного природопользования, сократился до 57,2% (Итоги Всероссийской переписи населения, 2006. С.117,119,121).

К особенности современной занятости ненцев относится распределение работающего населения главным образом между двумя секторами экономики: традиционного (кочевники) и постиндустриального (поселковые жители), что обусловлено, с одной стороны, образовательными предпочтениями, заложенными еще в советский период. С другой стороны, это не может не выражать «глубинные ценностные ориентации представителей коренных народов» (Попков, Тюгашев, 2007. С.102). Оценивая престижность различных отраслей хозяйства в отношении молодых людей из среды коренных народов Севера, из традиционных занятий в первую пятерку мест рейтинга попало только рыболовство

в Приуральском и Тазовском районах (там же. С.101). В Ямальском районе, где проживает более 40% ненцев Ямала, оленеводство заняло шестое, рыболовство – седьмое, а охотничий промысел – одиннадцатое место, уступив профессиям в сферах органах управления и МВД, здравоохранении, торговли, науке, культуре, образовании, транспорте и связи (там же. С.101). В Тазовском районе, где насчитывается около 30% ненцев Ямала, соответственно они заняли седьмое, пятое и девятое места (там же).

Одной из серьезных современных проблем кочевников является дефицит свободных пастбищ (Попков, Тюгашев, 2007. С.89; Южиков, 2005. С.146). На перенаселение тазовской и ямальской тундры указывает и преобладание числа кочующих хозяйств над хозяйствами, владеющими оленями, когда вместе с оленеводами, кочуют их безоленные родственники (табл. 1). В составе кочевников Надымского, Пуровского и Приуральского районов (ненцев, коми и хантов) часть оленных хозяйств передает свои небольшие стада на выпас пастухам (из числа оленеводов-пенсионеров, частникам или работникам совхозных оленеводческих бригад), а сами занимаются рыболовством на стационарных точках или постоянно находятся в поселке.

Таблица 1

Число кочующих хозяйств и хозяйств, владеющих оленями, по территориям преимущественного проживания ненцев в Ямало-Ненецком автономном округе

	Надымский		Приуральский		Пуровский		Тазовский		Ямальский	
	2008	2009	2008	2009	2008	2009	2008	2009	2008	2009
Число кочующих хозяйств	131	137	398	418	224	236	1092	1114	1004	1019
Число хозяйств, владеющих оленями	136	146	537	533	239	239	937	948	1053	802
В среднем на одно хозяйство оленей, голов	101	101	125	114	34	33	164	159	134	163

Источник: Данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по ЯНАО

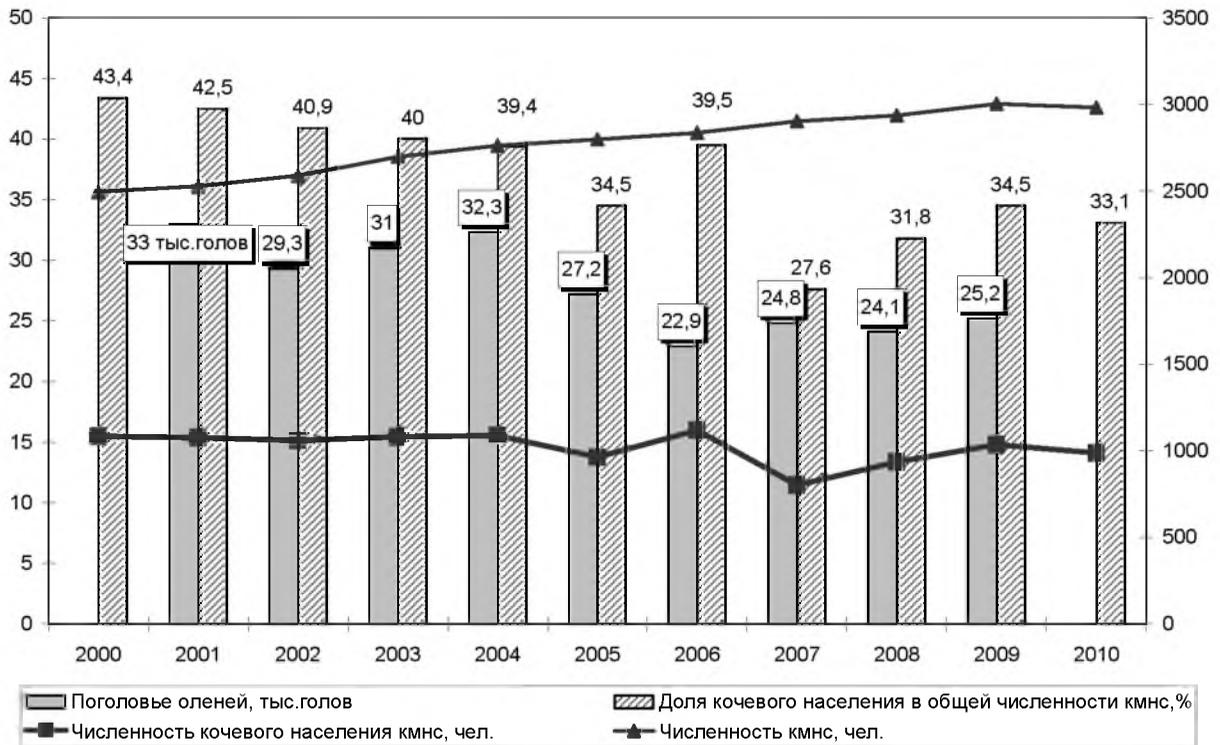
С другой стороны, одновременно с увеличением численности кочевников практически по всем районам наблюдается рост поголовья оленей. За 2001–2009 гг. численность оленей сократилась только в Пуровском районе (на 7,8 тыс.голов), в результате интенсивного промышленного освоения территории, в Тазовском районе сокращение отмечается с 2005 г на 51,3 тыс.голов. Пример Приуральского района, где, по данным статистики за 2006 г., поголовье оленей выросло практически в два раза, дает возможность предположить скрытый рост их численности за счет личных стад. За 2001 – 2009 годы поголовье оленей уменьшилось в Пуровском районе с 33 до 25,2 тыс. голов (на 23,6%) (рис. 1а). В остальных районах отмечается его рост, наиболее значительный в Приуральском районе – с 32,7 до 83 тыс. голов (рис. 1г). В Тазовском районе – с 165,4 до 178,7 тыс.голов, при этом внутри периода с 2001 по 2005 гг. поголовье оленей увеличилось до 230 тыс. (рис. 1б). В Надымском районе – рост с 35 до 37,4 тыс. голов (с 2001 по 2004 гг. – до 41,6 тыс.) (рис. 1в). В Ямальском районе – с 205,8 до 287,1 тыс. голов, хотя внутри рассматриваемого периода было существенное уменьшение до 175,9 тыс. голов к 2005 г. (рис. 1д). Сведения за предыдущее десятилетие (1990-2000 гг.) подтверждают отсутствие прямой зависимости уменьшения оленей от степени промышленного освоения территории: «Очевидно, что в этот период наибольшее сокращение оленей произошло в районах, где за исследуемый период никакого промышленного производства, связанного с отторжением оленьих пастбищ не наблюдалось: в Красноселькупском – в 24 раза, в Шурышкарском – в 43%. В то же время, в районе с интенсивным промышленным освоением – Надымском, поголовье домашних оленей увеличилось на 35%, в интенсивно осваиваемом нефтегазовой промышленностью Пуровском районе сокращение поголовья составило всего 13%» (там же. С.123).

Наблюдаемый рост оленьего поголовья происходит за счет хозяйств населения. С начала 1990-х гг. наметилась тенденция сокращения

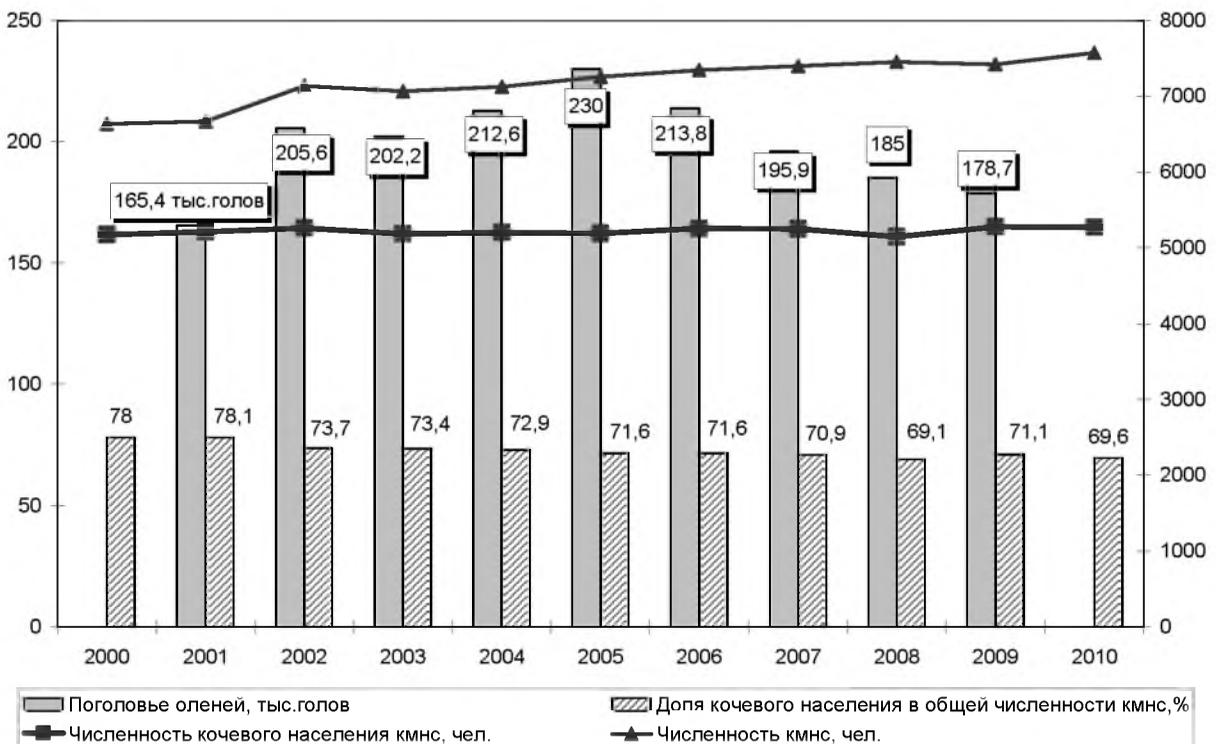
числа общественных оленей в сельскохозяйственных организациях и наращивание личных стад. При этом в районах проживания тундровых ненцев Ямальском, Приуральском в личных стадах еще в середине первого десятилетия XXI в. находилось более половины, а в Тазовском – более 90% оленей (рис. 2). В районах промышленного освоения по-прежнему крупными держателями оленей (более 60%) остаются сельскохозяйственные предприятия. В Надымском районе это ЗАО «Ныдинское», в Пуровском – ООО «Совхоз Верхнепуровский», ОАО «Совхоз Пуровский».

Данные социологических опросов (2005), подтвержденные Всероссийской сельскохозяйственной переписью (2006), показывают, что половина хозяйств являются малооленными, т.е. насчитывают до 100 оленей (49,6 и 52,5 соответственно) (Итоги..., 2008. С.316-317; Попков, Тюгашев, 2007. С.82). Но из 3399 переписанных в 2006 г. оленьих хозяйств 1616 (47,5%) владеют 82,8% оленей в округе (Итоги..., 2008. С.317). В среднем на одно хозяйство приходится 152 оленя (там же. С.317). Сведения по районам показывают, что по-прежнему наиболее крупные стада сосредоточены в Ямальском, Тазовском и Приуральском районах (табл. 2).

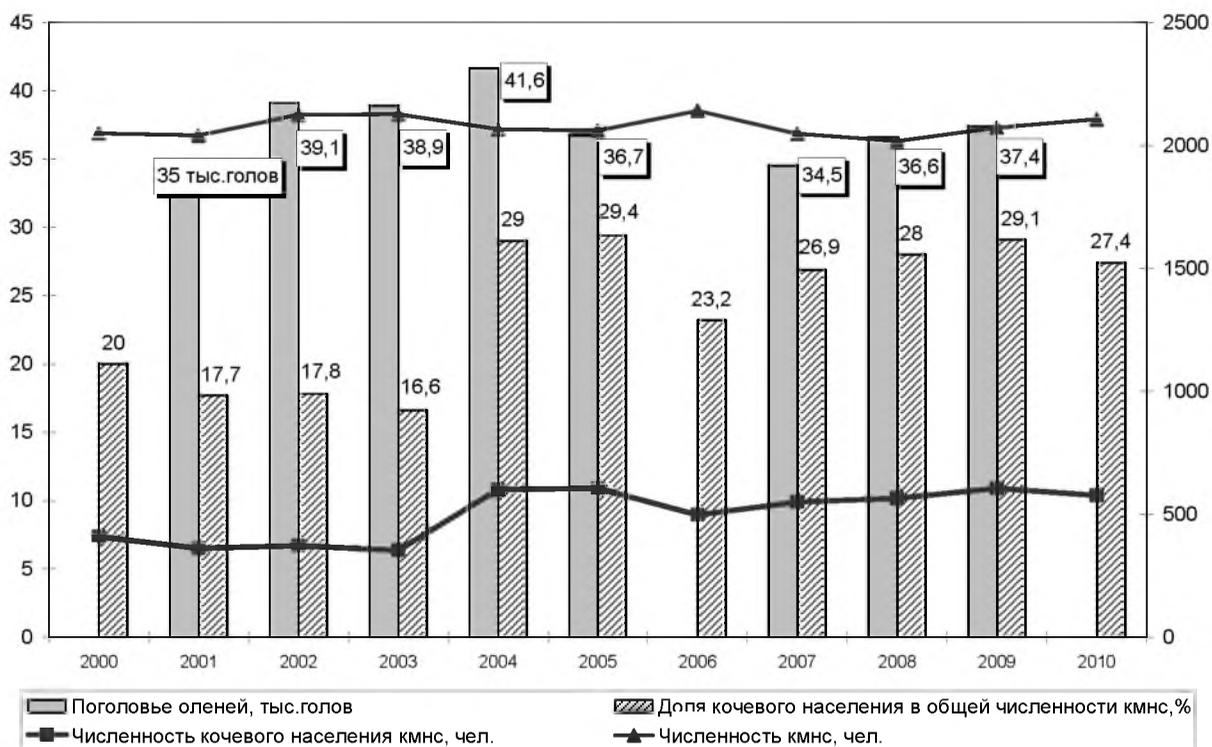
Минимум оленей, необходимый для стабильного существования кочевой семьи, отличается в разных работах. Согласно расчетам И.М.Суслова, выполненным в 1930 г., минимальное количество оленей, необходимое для середняцкого хозяйства, проживающего в лесотундре, составляет 54, в тундровой зоне – 130 голов (1930. С.34-35). В.П.Евладов отмечал, что «минимум оленей, нужный для крепкого хозяйства» в тундре должен равняться 400-500 голов (1992. С.251). Современные статистические данные подводят нас к выводу о том, что более половины кочевников не могут рассчитывать только на занятие оленеводством для собственного обеспечения. Ю.В. Попков и Е.А. Тюгашев считают, что ситуация выглядит более удручающей и «примерно 80% оленеводов рассчитывать на разведение оленей как единственный источник жизнеобеспечения и получения доходов



а) Пуровский район

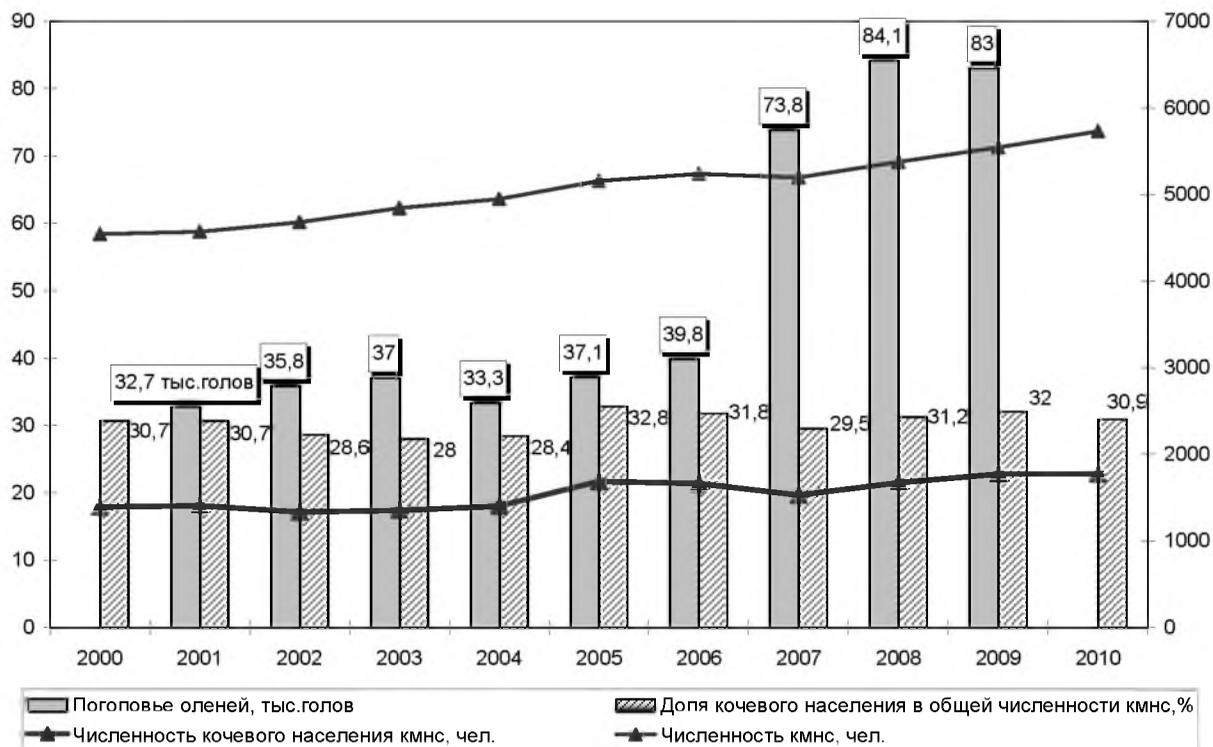


б) Тазовский район

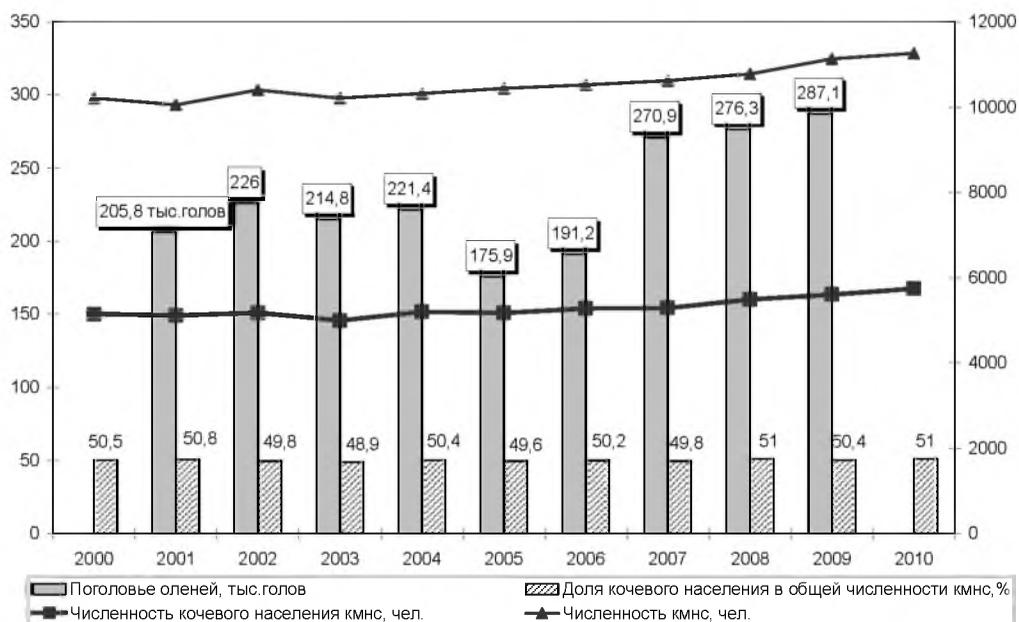


в) Надымский район ЯНАО.

**Данные о поголовье оленей за 2000, 2006 и 2010 г. отсутствуют.



г) Приуральский район



д) Ямальский район

Рис. 1. Поголовье оленей в хозяйствах всех категорий, а также численность коренных малочисленных народов Севера*, кочевого населения среди них* и их доля в общей численности народов Севера за 2000–2010 годы по районам

Источник: Данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по ЯНАО; Сельское хозяйство в Тюменской области (2000–2004). Тюмень, 2005. С.289; Сельское хозяйство Тюменской области (2003–2007 гг.). Тюмень, 2008. Т.1. С.197; Сельское хозяйство Тюменской области (2004–2008). Ч.2. Тюмень, 2009. С.93.

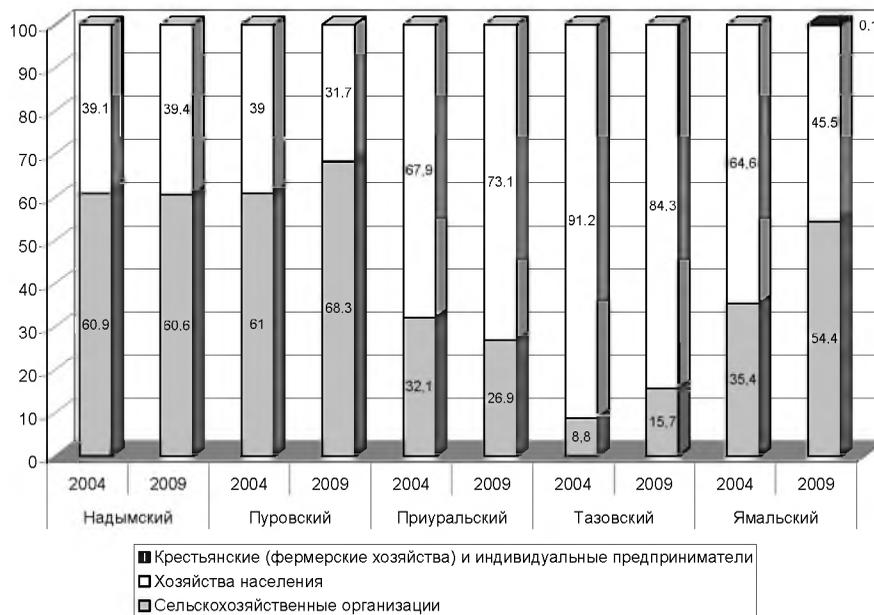


Рис. 2. Распределение поголовья оленей по категориям хозяйств и по районам Ямало-Ненецкого автономного округа, в %

Источник: Данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по ЯНАО.

объективно не могут» (2007. С.82). Подобный расклад хозяйств существовал и в первой трети XX в. Перепись 1934 г. на Ямальском полуострове показала, что из 235 оленевых хозяйств 296 имели до 100 оленей (ГАРФ. Ф.А-374. Оп.26. Д.36. Л.173). На практике малооленные хозяйства находят выход из положения, традиционно сочетая оленеводство с рыболовством и охотой, обмениваясь продуктами своих промыслов с оленеводами.

Сувеличением частного поголовья оленей с начала 1990-х гг. по всем районам проживания ненцев наблюдается тенденция роста числа хозяйств, занятых индивидуальной трудовой деятельностью. В районах с преобладающим общественным поголовьем доля частных хозяйств с 1994 по 2010 г.¹ увеличилась с 5,6 до 34,3% в Надымском, с 0 до 25,9% — в Пуровском. Частным оленеводством на этих территориях до начала XXI в. занимались главным образом пенсионеры. В Приуральском районе доля частных хозяйств за тот же период выросла с 31 до 81,5%, в Ямальском — с 2,8 до 40,3%. В Тазовском районе, где индивидуальным трудом было занято около трети оленеводов (27,4%) в 1994 г., к 2010 г. их доля составила 53,3%.

Одновременно с ростом частников среди кочевников отмечается уменьшение работников сельскохозяйственных предприятий. Их доля с 1994 по 2010 г. сократилась с 83,3 до 51,5% в Надымском, с 71,6 до 51,3% — в Пуровском, с 41,5 до 29,9% — в Тазовском, с 69 до 36,6% — в Ямальском районе, а в Приуральском перестала упоминаться с 2007 г., тогда как в 1994 насчитывала 58,2% в общем числе кочевых хозяйств. Происходит это из-за официального определения кочевников, к которым относится прежде всего население, живущее «вблизи охраняемого стада в облегченных постройках типа чум, балок, палатка, не имеющее постоянного жилья в стационарных поселениях» (Итоги..., 2008. С.373). Поэтому из статистического учета исключены кочевые семьи, получившие жилье, и уменьшение количества кочевых хозяйств,

главы которых являются работниками предприятий, обусловлено не реальным сокращением рабочих мест, а получением ими стационарного жилья в первую очередь. Тем не менее сложившаяся ситуация свидетельствует о структурной безработице среди кочевников и об отказе современных сельскохозяйственных предприятий от создания новых рабочих мест в тундре. В качестве одной из мер выхода из нее правительством Ямало-Ненецкого автономного округа рассматривается создание общин и малых предприятий. Для последнего десятилетия характерно появление малых предприятий и общин, особенно после принятия в декабре 2005 г. окружного закона «О государственной поддержке общин коренных малочисленных народов Севера и организаций, осуществляющих традиционные виды хозяйственной деятельности на территории Ямало-Ненецкого автономного округа». В 2010 г. на территории Ямало-Ненецкого автономного округа осуществляли деятельность 168 общин, представившие рабочие места 1616 чел.² На поддержку традиционного кочевого образа жизни направлено постановление Губернатора ЯНАО «О компенсационных выплатах лицам из числа коренных малочисленных народов Севера и иным лицам, занимающимся традиционной хозяйственной деятельностью, а также лицам, ведущим кочевой и полукочевой образ жизни на территории ЯНАО», принятое в декабре 2004 г., согласно которому на каждого трудоспособного члена кочевой семьи, включая детей с 14 лет, если они не живут в интернате, ежемесячно выплачивается 2 тыс. руб.

В целом, если рассматривать значение современных тенденций, характеризующих кочевой образ жизни в Ямало-Ненецком автономном округе, для будущего ненецкого этноса, то даже отрицательные явления такие как снижение доли кочевников в составе коренных народов Севера, сокращение доли ненцев, занятых в традиционных сферах занятости, преобладание малооленных хозяйств, могут рассматриваться как положительные.

2 Данные Государственного учреждения «Объединение по экономическому развитию коренных малочисленных народов Севера».

1 Источник: Данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по ЯНАО.

К последними относятся рост численности кочевого населения в районах преимущественного проживания тундровых ненцев при одновременном увеличении численности последних, увеличение количества кочевых хозяйств, занятых индивидуальной трудовой деятельностью, совместное кочевание оленных и безоленных семей, рост поголовья

оленей за счет наращивания личных стад. Все они свидетельствуют о высоком уровне сохранения и распространения традиционной кочевой культуры, наличия межпоколенных связей в ненецкой этнической среде и устойчивому развитию этноса, не теряющему своего этнического облика во взаимодействии с внешней средой.

Список источников и литературы

- РГАЭ. Ф.1562. Оп.336. Д.316, 2930.
 ГАРФ. Ф.А-374. Оп.26. Д.36.
 Волжанина Е.А. Этнодемографические процессы в среде ненцев Ямала в XX – начале XXI века. Новосибирск: Наука, 2010. 312 с.
 Евладов В.П. По тундрам Ямала к Белому острову. Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928-1929 гг. Тюмень: Институт проблем освоения Севера СО РАН, 1992. 281 с.
 Итоги Всероссийской переписи населения – 2002. Статистический сборник в XI частях. Тюмень: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, 2006. Ч.IX. Коренные малочисленные народы в Тюменской области. 145 с.
 Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г. В 9 т. Т.7. Сельское хозяйство районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей. М.: ИИЦ «Статистика России», 2008. 392 с.
 Клоков К.Б., Хрущев С.А. Оленеводческое хозяйство коренных народов Севера России // Межэтнические взаимодействия и социокультурная адаптация народов Севера России. М.: Издательский дом «Стратегия», 2006. С. 13-33.
 Мурашко О.А. Этноэкологический рефугиум: концепция сохранения традиционной культуры и среды обитания коренных народов Севера // ЭО. 1998. №5. С.83-94.
 Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Современное состояние традиционной культуры самодийского и финно-угорского населения Ямало-Ненецкого автономного округа (этносоциальный аспект). Новосибирск-Салехард: Банк культурной информации, 2007. 184 с.
 Сельское хозяйство в Тюменской области (2000-2004): Стат.сборник. Тюмень: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, 2005. 537 с.
 Сельское хозяйство Тюменской области (2003-2007 гг.): Стат.сборник. Тюмень: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, 2008. Т.1. 270 с.
 Сельское хозяйство Тюменской области (2004-2008): Статистический сборник в 2-х частях. Ч.2.Ханты-Мансийский автономный округ-Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ. Тюмень: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, 2009. 208 с.
 Суслов И.М. Расчеты минимального количества оленей, потребного для туземного середняцкого хозяйства // Советский Север. 1930. №3. С.29-34.
 Хайруллина Н.Г. Социологическая диагностика этнокультурной ситуации в Ямало-Ненецком автономном округе // Ненцы Ямала: кочевники и хранители традиций. Тюмень-Салехард: Феликс, 2005. С. 153-210.
 Южаков А.А. Оленеводство как основа традиционного хозяйства и этнической культуры ненцев // Ненцы Ямала: кочевники и хранители традиций. Тюмень-Салехард: Феликс, 2005. С. 89-152.

**РОЛЬ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ
В АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
(НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ
И СОЦИУМА НАСЕЛЕНИЯ ТАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ)**

Корусенко С.Н.

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, к.и.н.

Работы по изучению этнографо-археологических комплексов (ЭАК), сложившихся в бассейне р. Тары, ведутся омскими археологами и этнографами с 1993 г. За почти 20-летний период изучения населения данного региона собрано значительное количество источников, на основе которых можно реконструировать ЭАК. В данном сообщении представлены письменные источники, включающие опубликованные и неопубликованные материалы разных эпох. В связи с тем, что основой проведения этнографо-археологических исследований стали прежде всего полевые работы (археологические и этнографические), то письменные источники представлены с точки зрения их деления на этнографические и исторические. За рамками остаются археологические источники, прежде всего результаты раскопок, хотя с точки зрения их обработки и представления часть их тоже можно рассматривать с позиции письменного источника (особенно отчеты о проведении археологических работ, которые сдаются в отдел полевых исследований Института археологии РАН).

Этнографический источник, как одна из разновидностей исторических источников, был выделен историками в самостоятельный вид в связи с обособлением наук (Шмидт, 1978. С. 17), работами над классификацией исторических источников в целом (Клейн, 1978. С. 17). Это предполагало его подчинение задачам исторического исследования. В общей классификации исторические источники представлены в следующем виде: письменные, вещественные, лингвистические, фольклорные, этнографические, кино- и фотодокументы (Шмидт, 1978. С. 35). В то же время в современном отечественном источниковедении считается, что такая класси-

фикация не отражает сущности выделяемых групп источников по формальным классификационным критериям. Действительно, если рассматривать этнографический источник (полевые материалы), то часть из них можно отнести к письменным, часть — к кино- и фотодокументам, а часть — к лингвистическим источникам. В настоящее время в качестве основы классификации исторических источников предлагается рассматривать принцип материального отображения в них факта или явления. Это позволяет выделять вербальные (в том числе опредмеченные, т.е. письменные), изобразительные и комплексные источники (Там же. С. 36). А с точки зрения возможностей и необходимости более четкого различения видов источников, применяемых в историческом исследовании, определяемых как исторические, предлагается классифицировать их по способу кодирования и хранения информации (Пушкарев, 1976). На основании такого подхода выделяются следующие виды источников информации: речевые или словесные (письменные и устные), поведенческие (обряды, обычаи, игры, танцы, этикетные установки и т.п.), вещественные и изобразительные (Клейн, 1978. С. 38).

Исследование ЭАК Тарского Прииртышья основано на следующих видах этнографических источников: материалах тематических интервью и экспертных бесед; данных опросных листов; материалах, собранных методом непосредственного наблюдения. Ряд любопытнейших сведений этнографического характера содержится в опубликованных материалах — научных трудах прошлого, записках путешественников и краеведов.

Отметим, что целенаправленно работа по изучению традиционной истории и, отчасти, этнической истории русских и татар Омского

Прииртышья начались только в советское время. Можно выделить три основных фактора, которые этому способствовали в первой половине XX в.: создание в Омске Государственного Западно-Сибирского краевого музея (1921 г.), активизация в 1920–1930-х гг. краеведческой работы и организация в Омске государственного педагогического института (1932 г.) (Ремизов, 1998. С. 13–115). Долгое время интерес исследователей привлекало изучение русских, а стойкий интерес к изучению татар сформировался значительно позднее.

Музей в первые годы своего существования вел большую экспедиционную деятельность, каждое лето организовывались экспедиции, в том числе и этнографические (Томилов, Макаров, 1986. С. 5–39). Активная деятельность музея в связи с внутривосточной обстановкой в СССР пошла на спад в начале 1930-х гг., а с середины 30-х гг. практически прекратились экспедиционные изыскания. Только в 1950-е гг. начался новый этап изучения этнографии Омского Прииртышья музейными сотрудниками, основное направление музейной работы в области этнографии в это время – формирование коллекций культуры и быта разных народов, проживающих на территории области. Сложной в 1920–1930-е гг. была и история краеведческого движения. В 1920-е гг., по данным А.В. Ремизова, краеведческое движение было, прежде всего, связано с новой для этого времени структурой – Омским обществом краеведения. Оно действовало активнее, чем музей и другие организации, призванные вести краеведческую деятельность – Западно-Сибирское отделение Русского географического общества, просуществовавшее до начала 1930-х гг., и Общество изучения Сибири, действовавшее в конце 1920 – начале 1930-х гг. (Ремизов, 1998. С. 20). Краеведы проявляли интерес к местной истории и культуре. В 1920-е гг. популярным было изучение природы края. Некоторые энтузиасты изучали историю и культуру края, но больше занимались археологией и историей, чем этнографией. Некоторые, как, например, И.Н. Шухов, увлекались культурой нерусских народов Омского Прииртышья –

ханты, коми и только изредка татар (Шухов, 1928, 1940). Активно участвовали в сборе материалов по традиционной культуре родного края краеведы-фольклористы (Коровкин, 1945, 1958, 1960). В.С. Аношин и особенно А.Ф. Палашенков были специалистами по широкому кругу вопросов, связанных с историческим краеведением, включая и вопросы истории населения и его традиционной культуры (Вибе, 1993; Ремизов, 1998. Ч. II).

Деятельность практически всех названных краеведов начиналась в Омском Прииртышье еще в 1930-е гг. Можно сказать, что эти исследователи родного края создали эталон краеведческого исследования, к которому впоследствии стремились другие, в том числе и современные нам, краеведы. По этой схеме изучение любого места складывается из истории его заселения и хозяйственного освоения, изучения всех доступных сведений о переселенцах, сбора материалов по местной культуре и общественной истории населенных пунктов – какие ярмарки здесь работали, храмы освещались, кто основал колхозы и т.п. Но само время не предполагало активной публикации краеведческих материалов, отчего мы располагаем только отрывочными и краткими публикациями того времени. Сознвая это, наиболее деятельные из краеведов специально готовили к сдаче в Государственный архив Омской области свои материалы. В настоящее время эти материалы доступны для изучения в основном специалистам, поэтому предпринимаются шаги для публикации материалов краеведов середины XX в. Среди таких публикаций есть и очень интересные для специалистов по этнографии (Сибирское село Большереченское, 1997; Чернооков, 1996).

Во второй половине XX в. краеведческая деятельность не прекратилась. История районов и отдельных населенных пунктов Омской области в подавляющем большинстве случаев пишется силами краеведов, многие из которых используют разработанную еще старыми краеведами методику этой работы. Большой интерес проявляют к истории населенных пунктов и их основателей журнали-

сты — сотрудники районных газет. Несмотря на то, что интерес этот часто «прикладной», определяемый потребностью в статьях к разным юбилейным датам, делается ими немало. Практически, за вторую половину XX в. была написана «летопись сибирских деревень».

Следует также отметить значение фольклористических исследований в регионе. Решая научные проблемы, стоящие перед своей наукой, омские фольклористы накопили материалы, важные и для изучения этнографии русских. Активные фольклористические исследования в области стали проводиться сотрудниками Омского государственного педагогического института в 1950-е гг. До этого в местной печати публиковались небольшие отдельные статьи, посвященные, по большей части, такому жанру как частушки и отдельные сборники фольклорных текстов. Систематическое и целенаправленное изучение фольклора связано с именами В.А. Василенко и Т.Г. Леоновой (Василенко, 1956, 1958; Леонова, 1956, 1965, 1967). В конце 1960-х—1980-е гг. под руководством Т.Г. Леоновой стал складываться круг ученых-фольклористов. Собранные полевые материалы хранятся в Фольклорном архиве ОмГПУ, имеется большое количество научных публикаций, посвященных местному фольклору.

Полевое изучение этнографии русских и татар Омского Прииртышья началось только в 1970-х гг. В 1974 г. на работу во вновь открывшийся Омский государственный университет (далее — ОмГУ) из Томска приехал Н.А. Томилов. Практически сразу вокруг Н.А. Томилова сложилась группа студентов ОмГУ, увлеченная этнографией. В те годы большая часть студентов специализировалась по этнографии сибирских татар и других народов Сибири. В 1975 г. небольшая группа студентов собирала материал и среди русских сибиряков. Однако проводилась эта экспедиция в Тюменской области.

В начале 1980-х гг. интерес к русским сибирякам стал устойчивее, что связано с участием сотрудников ОмГУ в каталогизации этнографических фондов Омского и Новосибирского музеев, в составе которых были и русские

коллекции. В это время проводилось активное изучение культуры русских казаков, живших на границе Омской области и Северного Казахстана, ряд отрядов работал в северных районах области, например, в Муромцевском. Наибольший интерес в то время вызывала традиционная культура, однако записывались и генеалогии русских сибиряков — крестьян и казаков. Начальником Русского отряда Этнографической экспедиции ОмГУ был в то время старший лаборант Музея археологии и этнографии Г.И. Успенев.

С 1993 г. проводятся экспедиции, организаторами которых выступают Омский государственный университет и Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН (с 2006 г. — Омский филиал Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН). Их участники работают над выполнением программы по изучению этнографо-археологических комплексов (ЭАК), сложившихся в бассейне р. Тары. В связи с этим в центре внимания находятся проблемы этнической истории татар и русских и первоочередное изучение ряда сфер материальной и духовной культуры — поселения, жилища, погребального обряда, поскольку именно эти материалы наиболее востребованы в ходе этнографо-археологических реконструкций. Таким образом, этнографические материалы в Омском Прииртышье собираются на протяжении почти 100 лет, хотя в разные периоды с разной интенсивностью и дают разные результаты.

Разграничение этнографических и исторических источников очень условно. Между тем при конструировании ЭАК роль документов (прежде всего!) прошлого весьма значительна. Есть несколько источников, прямо связанных с Тарским Прииртышьем. Прежде всего, это «Чертежная книга Сибири» и «Хорографическая книга», созданные С.У. Ремезовым. Интересны они тем, что позволяют определить ареалы обитания как русских, так и сибирских народов. Материалы Г.Ф. Миллера включают в себя грамоты, скопированные им в сибирских городах, а также его путевые

записки (Миллер, 1999, 2000, 2005; Описание городов..., 1996). «Описание Тобольского наместничества» подготовлено к печати А.Д. Колесниковым и содержит архивные материалы XVIII в., характеризующие среди прочего природу и население Тарского Прииртышья (1982). Этот же исследователь опубликовал рукопись землемера В. Филимонова «Топографическое, историческое и экономическое описание Тары и уезда за 1803 г.» (2002). В ней дается описание природы Тарского уезда, расселения местных жителей, истории поселений и т.д. Одним из наиболее полных источников для изучения населения Тарского Прииртышья в конце XVII – начале XVIII в. является Дозорная книга Тарского уезда 1701 г., в которой представлены сведения об этническом и социальном составе населения Тарского Прииртышья, взаимоотношениях татар и русских, их земельных наделах (РГАДА. Ф. 214. Кн. 1182). Отдельно в этот же год была создана Тарская дозорная книга, посвященная описанию исключительно бухарцев (там же. Кн. 1199).

Многие документы, характеризующие историю Тарского Прииртышья, хранятся в центральных архивах и не изучались систематически. Фонды Российского архива древних актов (далее – РГАДА) отражены в путеводителе, опубликованном в начале 1990-х гг. Для археологов и этнографов наибольший интерес представляют материалы, отраженные во втором томе этого издания (Центральный государственный архив..., 1992). Материалы Сибирского приказа детально отражены в «Обозрении...» Н.Н. Оглоблина (1895-1900). В первой части этой работы «Документы воеводского управления» дана детальная характеристика документов, содержащих сведения о населенных пунктах Сибири, включая Среднее Прииртышье.

Многие сведения старинных документов не могут быть достоверно интерпретированы без карт. В РГАДе хранятся две карты Среднего Прииртышья. Одна из них рукописная, точнее может быть названа схемой (РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Тобольская губ. Д. 9). Она была составлена Г.Ф. Миллером в 1741 г. во время

его путешествия по Иртышу. Особо ценна эта карта потому, что в 1996 г. были опубликованы на русском языке дневники этого путешествия, которые вел Г.Ф. Миллер (Описание городов...). Другая карта называется «Карта течения реки Иртыша от Омской крепости до Тобольска» и датируется 1780 г. Она печатная, «сочинена», как указано в титуле, И. Исленьевым (РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Тобольская губ. Д. 8).

Документы XIX в., которые могут быть востребованы при изучении истории поселений Среднего Прииртышья, хранятся в Российском государственном историческом архиве (далее – РГИА). Здесь собрана значительная коллекция карт: атлас Тобольской губернии 1798 г. (Ф. 1350. Оп. 312. Д. 43-44), генеральная карта Тобольской губернии 1801 г. (Ф. 1399. Оп. 1. Д. 220), карта Тобольской губернии с обозначением волостей и почтовых станций 1802 и 1808 гг. (Ф. 1293. Оп. 168. Тобольская губ. Д. 1, 4), карта Тобольской губернии 1915 г. (Ф. 1642. Оп. 1. Д. 158), а также карты отдельных уездов Тобольской губернии за 1802–1906 гг. (Ф. 1293. Оп. 168. Тобольская губ. Д. 1-9, 11-38).

В РГИА отложились документы, которые могут свидетельствовать о причинах переноса деревень, которые были характерны для Среднего Прииртышья. Приведем названия только двух, довольно поздних дел 1916 г.: «О выдаче ссуд населению Тобольской губернии на перенос усадеб» (РГИА. Ф. 1248. Оп. 241. Д. 233) и «Дело об отпуске средств для выдачи ссуд населению Тобольской губернии, проживающему по берегам рек Иртыша, Ишима и их притоков, на перенос усадебных построек в связи с частыми весенними разливами рек» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 503). Целый ряд дел свидетельствует о возникновении поселений. Примером может быть дело 1846 г. «Об отводе земли в Тарском округе Тобольской губернии крестьянам-переселенцам 12 деревень Смоленской губернии» (РГИА. Ф. 383. Оп. 9. Д. 7838). С началом массовых переселений последней трети XIX в. таких дел становится больше. Некоторые сведения о поселенческой среде отдельных населенных пунктов

содержат в себе дела такого характера: «О прощении раскольников-крестьян шести деревень Тобольской губернии о восстановлении раскольничьей часовни в д. Окунево» (1878 г.) (РГИА. Ф. 1248. Оп. 241. Д. 77) или «По определению св. Синода о закрытии в с. Большерецком Тарского округа Тобольской епархии раскольнической моленной» (1895 г.) (РГИА. Ф. 797. Оп. 65, II отд., 3 стол. Д. 210).

Большое количество документов по освоению территории Тарского Прииртышья в XIX в., перемещению населения, основанию новых населенных пунктов и т.п. отложилось в фондах Исторического архива Омской области. Важны в этом плане материалы межевых комиссий, в которых подробно описывались земли, принадлежащие населению того или иного пункта, история их владений, переделы и т.д. Эти документы позволяют судить об устойчивости или изменчивости населения данного региона.

Среди важных исторических источников, которые постоянно используются при исследовании ЭАК русских книга И. Голошубина «Описание Омской епархии» (1914). Она была составлена отцом Иоанном Голошубиным на основе материалов, поступившим к нему от священников приходов Омской епархии. Материалы собирались путем частной переписки, поэтому, в зависимости от добросовестности священнослужителей, были сообщены более или менее подробные сведения об истории населенных пунктов, характере и занятиях населения. Автор, характеризуя население приходов, указывал, прежде всего, принадлежность прихожан к той или иной

конфессиональной, социальной, сословной группе, выделяя казаков, старожилов, переселенцев, раскольников и сектантов. Относительно переселенцев указывались места их выхода в Сибирь по губерниям. При характеристике старообрядцев указывались толки и согласия, к которым они принадлежали.

И все-таки совершенно особое место среди всех исторических документов, используемых при изучении ЭАК, принадлежит материалам учета населения. Связано это с тем, что реконструкция ЭАК невозможна без этногенеалогических исследований, выполняемых в рамках изучения этнической истории. Одним из важнейших методов этнической истории, специально разработанных для проведения этноисторических исследований, является генеалогический. Его использование предполагает создание фонда семейных родословных, собранных как в ходе экспедиционных работ, так и реконструированных по архивным источникам. Для изучения истории народа важно располагать массовой источниковой базой, которую составляют генеалогии, отражающие семейную историю всех сословий изучаемого этноса. Большинство материалов учета населения Тарского Прииртышья XVIII–XIX вв. хранится в фондах архива г. Тобольска. Собранные в ходе многолетних археографических работ омичей коллекция копий данных материалов позволяет реконструировать социально-этническую разновидность населения данного региона на протяжении трех столетий, определить социальные и этнические границы групп, а также проследить их развитие вплоть до современности.

Список литературы

- Василенко В.А. Традиции русской народной песенной лирики Сибири и современная хоровая самодеятельность (По материалам Омской области): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1956.
- Василенко В.А. Тюремно-арестантские и рекрутские песни Омской области // Уч. записки ОГПИ. Омск, 1958. Вып. 11.
- Вибе П.П. Андрей Федорович Палашенков // Изв. ОГИКМ. 1993. № 2.
- Голошубин И. Описание Омской епархии. Омск, 1914.
- Клейн Л.С. Археологические источники. Л., 1978.
- Колесников А.Д. Омский и Тарский уезды в топографическом, историческом и экономическом описании 1788 г. Омск, 2002.

- Коровкин И. Народные песни в Западной Сибири // Омский альманах. 1945. Кн. V.
- Коровкин И. О названии деревень района // На ленинском посту [Любино]. 1960. 23 нояб.
- Коровкин И. Старинные песни омичей // Омская правда. 1958. 31 мая.
- Леонова Т.Г. Наблюдения над современным состоянием фольклора (По материалам фольклорных экспедиций 1963–1964 гг.) // Современный русский фольклор. М., 1967.
- Леонова Т.Г. Традиции русской народной сказки в Сибири (По материалам Омской области): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1956.
- Леонова Т.Г. Эволюция жанра сказки в условиях современности (По материалам Омской области) // Сибирский фольклор. Томск, 1965. Вып. 1.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. В 3 т. – М., 1999, 2000, 2005.
- Описание городов, крепостей, острогов, слобод, сел, деревень, островов, рек, речек, озер и других достопримечательностей на р. Иртыш и возле него вверх от города Тобольска // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996.
- Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768). В 4-х ч. М., 1895–1900.
- Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982.
- Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1976.
- Ремизов А.В. Омское краеведение 1930-1960-х годов. Очерк истории. Омск, 1998. Ч. I- II.
- Сибирское село Большереченское. Из записок краеведов [В.С. Аношина и А.В. Горобцова] (предисловие и публикация В.А. Липинской) // Русские. Историко-этнографические очерки. М., 1997.
- Томилов Н.А., Макаров Ю.А. Омский государственный объединенный исторический и литературный музей (Краткий исторический очерк) // Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. Томск, 1986.
- Центральный государственный архив древних актов СССР: Путеводитель: В 4-х т. М., 1992. Т. 2.
- Черноков Н. Предания старины сибирской // Глубинка. Омск, 1996. Вып. 2.
- Шмидт С.О. Современные проблемы источниковедения // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1978.
- Шухов И.Н. Оружие западно-сибирских ямщиков // Омская область. 1940. № 3.
- Шухов И.Н. Зыряне Тарского округа и их охотничий промысел // Известия Омского краеведческого музея. Омск, 1928. № 1.

К РАЗРАБОТКЕ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ
И СОПОСТАВЛЕНИЙ

М.А. Корусенко, А.В. Полеводов

На XV Западно-сибирском археолого-этнографическом совещании, в г. Томске, авторы настоящей работы выступили с идеей приведения понятийного аппарата археолого-этнографических реконструкций и сопоставлений к некоему общему знаменателю, позволяющему, с одной стороны, избываться от двойственности толкования одних и тех же понятий, с другой стороны объединить источники базы обеих наук в одном инструментальном поле (Корусенко М.А., Полеводов А.В., 2010. С. 425-426).

В частности, в рамках археологии и этнографии исследователи одинаково оперируют понятием «погребальный обряд» в который в зависимости от предметной области исследований и научной дисциплины включаются ритуалы\обряды (некие упорядоченные действия в контексте культурной традиции), предметы материального мира (погребальные комплексы их инвентарь) и представления, связанные с ними. При этом, обе науки декларируя одинаковые цели при изучении этого явления, в силу специфики своих источников вкладывают разное наполнение в формулируемое ими понятие «погребального обряда». В отечественной науке эта проблема уже не раз становилась предметом дискуссий.

Содержание понятия «погребальный обряд» в археологии, как правило, формируют вещественные остатки погребальных комплексов, которые используются потом для реконструкции собственно погребальных ритуалов и их мировоззренческой составляющей. В любом случае определённая гипотетичность таких конструкторов неизбежна по самим базовым принципам археологии. В этнографии, казалось бы дело обстоит полностью наоборот — исследователь имеет доступ к «живой» культуре. Объем информации, который можно получить — огромен, но и здесь существуют определённые ограничи-

тели, в которые попадает учёный-этнограф. Общеизвестен крен специалистов в сборы именно ритуальной сферы (сферы действий) и сферы представлений, в то же время за рамками исследований часто остаются массивы погребальных комплексов — «поселения мёртвых» (кладбища, некрополи) и собственно погребения.

Исправить проблему призвана междисциплинарная интеграция, одним из примеров которой является теория этнографо-археологических комплексов (ЭАК). Однако в силу ограничений классических парадигм исследований, интеграция археологических и этнографических подходов к сфере погребального обряда встречает определённые сложности, как методологического, так и методического уровней. Эти сложности, до известной степени, могут быть преодолены путём создания универсальных методик изучения погребального обряда для археологии и этнографии как, на уровне инструментария (методики сборов информации), так и на уровне понятий.

В этом смысле представляется возможным отказаться от понятия «погребальный обряд» применительно к комплексному анализу археологических и этнографических материалов в рамках этноархеологического подхода. Именно в его рамках оптимальным представляется оперирование понятием некросферы¹, которое является трансляцией понятия «погребальный обряд» на более высокий гносеологический уровень.

Некросфера, в нашем понимании включает все проявления контактов мира живых с миром мёртвых. Главный смысл её введения в операционное поле научных реконструк-

¹ Термин введён В.И. Мельником (1990), в нашей же трактовке с точки зрения археолого-этнографического подхода понятие и его предложенная структура, в целом близкая к определению автора, демонстрирует новые возможности для обеспечения исследовательского процесса.

ций – снивелировать ограниченность понятия «погребальный обряд» воспроизводимого археологами и этнографами. Новое понятие, с нашей точки зрения, позволяет уверенно манипулировать и вещественными комплексами и их остатками, а так же ритуалами и мировоззренческими конструкциями, и что самое главное, позволяет интегрировать источники базы обеих наук в единое исследовательское поле.

В развитие этой сверхзадачи предлагается следующая структура понятия «некросфера»: *некросфера пространства, некросфера вещи, некросфера ритуала*.

В упомянутой выше публикации эти разделы понятия некросфера были охарактеризованы в самом общем виде, и по прошествии некоторого времени стало ясно, что они нуждаются в некоторой доработке. Прежде всего, что бы разделить в реконструкциях и сопоставлениях так называемые мировоззренческие и практические блоки. В результате нами были введены «симметричные» определения в рамках этих трёх больших частей структуры понятия «некросфера».

Некросфера пространства – система представлений, элемент традиционного мировоззрения, формирующая и регламентирующая сосуществование «живых и мёртвых» в пределах освоенного человеческим коллективом пространства (например, уровня локальной общины).

Пространство некросферы это все формы пространственных следов, проявлений представлений о взаимодействии общины «живых» и «общины мёртвых» в рамках пространства существования некой группы населения на определённой территории.

Для пространства некросферы выявляются общие закономерности, наблюдаемые как в археологических источниках/реальности/остатках, так и в этнографической действительности, связанные с вертикальным и горизонтальным перемещением и локализацией покойного. Причём такое движение и его конечные результаты рассматриваются в реальном пространстве (на археологических и этнографических данных) и ирреальном про-

странстве (в основном на этнографических данных).

Это пространство имеет как постоянную топографическую локализацию (в виде погребения и могильника/кладбища – «поселения мёртвых»), так и ситуационную локализацию (возникающую, например, в связи с нахождением умершего в пределах «поселения живых» в этнографической реальности).

Некросфера вещи – мировоззренческая система, описывает и регламентирует формы контактов с инобытием и роль в них материальных предметов/объектов. Это понятие мировоззренческого уровня.

Вещи некросферы – это объекты материального мира, которые в силу мировоззренческих установок (определённых некросферой вещи) позволяют их использовать при контактах с инобытием. Мировоззренческие установки позволяют наделять вещь определёнными свойствами (активировать их, переводить их из латентного состояния), необходимыми для контактов с инобытием.

Некросфера ритуала – это часть традиционного мировоззрения, которая определяет общий порядок взаимодействия мира мёртвых/живых (фактически формирует, формулирует некросферу), размещение субъектов и объектов в пространстве некросферы и их взаимодействия. Фактически – это общая картина взаимодействия вива и некросферы, а её конкретные формы определяют ритуалы некросферы.

Ритуалы некросферы – это проявление, трансляция и объективация мировоззренческих установок, которые отражают, характеризуют взаимодействия, взаимоотношения живых-умершего, умершего-живых-вещного мира, умершего-объектов вещного мира, связанных с ним в пространстве и времени. И так, это конкретные формы взаимодействия живых и мёртвых в рамках культурной традиции.

Под объективацией мы понимаем прежде всего изучение деятельностного аспекта (неких процедур, актов), вещного (придание обыденным вещам неких сакральных смыслов), то есть перевод неких мировоззренческих концептов из умозрительного в реальный план.

Охарактеризованные структурные элементы являются по сути системными, поля которых могут взаимодействовать, и взаимонакладываться, выстраивать определённые иерархии. С нашей точки зрения некротсфера пространства и вещи — структурные элементы одного таксономического уровня, некротсфера ритуала — структура включающая и этот уровень и более высокий, за пределами объектного\материального мира, связанный с нематериальными элементами традиционной культуры в области обращения с умершими. Симметричные структуры, выделенные нами — пространство некротсферы, вещи некротсферы, ритуалы некротсферы, как раз связаны с объектной реальностью в рамках конкретной традиции (исследуемой как по археологическим, так и этнографическим материалам)

За время, прошедшее после разработки самого понятия «некротсфера», авторы сделали некоторые шаги по разработке его структуры. В частности, было предложена группа определений и включённых понятий в рамках структурного элемента «некротсфера пространства» (Корусенко М.А., Полеводов А.В., 2010. С. 25-27).

В частности, в понятии «некротсфера пространства» выделены следующие элементы:

- понятия субъекта/объекта, под которым понимается живой субъект и умерший (как физический объект и мифологический субъект);
- понятие об атрибутах субъекта/объекта, которые мы определили как горизонтальные и вертикальные «координаты», которые он занимает в различные моменты своего прижизненного и посмертного существования. Можно сказать, что умерший имеет не только статичные координаты, но и перемещается в пространстве некротсферы в физическом, и некротсфере пространства в мифологическом плане;
- понятие о прижизненном и посмертном статусах человека, которые связаны с упомянутыми «координатами». Смена упомянутых «координат» живого субъекта и преобразование его в неживой объект и мифологический субъект приводит к потере большей части

прижизненных статусов и состояний, трансформации некоторых из них в посмертные, которые влияют на горизонтальные и вертикальные координаты умершего в некротсфере.

В своей аргументации мы исходим из того, что любой субъект\объект, существующий в определённом пространстве, как в физическом так и метафизическом (гендерном, социальном, мифологическом и т.д), в совокупности образующих, если можно так выразиться «витальное пространство» («пространство жизни»), имеет свои координаты, которые можно рассматривать в вертикальной и горизонтальной проекции.

Очевидно, что подобные координаты — абстракция, они не имеют численного выражения, хотя и отражают некую совокупность статусов и состояний человека, которые могут меняться в течении времени его жизни. То есть, — «координаты» некие пространственные ниши, приобретаемые человеком в процессе жизнедеятельности, в условиях его существования в рамках нескольких пространств (реального и метафизического), и которые можно воспринимать условно в виде горизонтальных или вертикальных проекций.

В самом первом приближении горизонтальной проекцией здесь выступает освоенное человеком пространство, условные границы которого меняются в процессе его жизнедеятельности. Ребёнок-подросток-взрослый осваивают различную территорию в пределах вмещающего ландшафта (дом-усадеб-поселение-хозяйственные угодия). Вертикальная проекция отражает в таком случае — смену и/или обретение различных реальных и ирреальных статусов и состояний (возрастных, гендерных, социокультурных — например, места в имущественной и властной иерархии; рациональных и иррациональных).

При наступлении факта смерти пространство вокруг субъекта\объекта переходит из витального в состояние некротсферы (где с умершим происходит трансформация из субъекта в физический объект и мифологический субъект), что закономерно вызывает так же и «смену» координат. Эти изменения неизбежно сопровождаются некими физи-

ческими манипуляциями, которые являются реальными (зримыми) этапами перемещения умершего в реальном, которое мы определили как пространство некротферы и одновременно символическими вехами движения в мифологическом – некротфере пространства.

Итогом этих трансформаций является обретение физическим объектом нового места постоянной дислокации в пространстве некротферы (в пределах «поселения мертвых»), а мифологическим субъектом – нового статуса (умершего предка, члена сообщества предков общины) в месте сосредоточения неких иррациональных сущностей – мире предков/загробном мире, некротфере пространства.

В таких теоретических построениях неизбежно оперирование глубинными сущностями в виде общечеловеческих универсалий в культуре. Конкретные же этнокультурные традиции представлены полем вариантов, характеризующих разнообразие взаимодействий живых и мёртвых, обусловленное уникальностью, различием исторических условий существования человеческих коллективов.

В качестве одного из таких этнокультурных вариантов можно привести этнографические материалы по тарским татарам¹ (Корусенко М.А., 2003. С. 49-83). На основе полученных данных нам представляется возможным наметить начало движения умершего в пространстве некротферы, которые можно наблюдать как в вертикальной, так и горизонтальной проекциях.

Например, сразу после смерти в доме, производится перемещение тела умершего с места для сна, которое покойный занимал при жизни на пол, или же на особую лежанку. В отдельных случаях умерший может занимать и место для сна живого, но *ритуально видоизменённое*. Суть процесса заключается в *снятии* умершего с той «точки» пространства, которая была закреплена за живым. По сведениям, которые можно соотнести с ранними пластами в погребальном обряде тарских татар, умершего разворачивали головой на север, запад, условно ориентировали на кладбище – сторону *тоньяк, плохую, сторону смерти, мира смерти, в сторону отправки (конечной*

цели его перемещения в пространстве). Эта ситуативная локализация, порождённая фактом смерти, отражает обретение свойств, которые закреплёны в данной культурной традиции за умершими.

Конечный результат такого процесса мы фиксируем на современных некрополях (кладбищах). Согласно полученным данным в недавнем прошлом покойник размещался определённым образом по отношению к уровню дневной поверхности в зависимости от пола и возраста (мужчин, женщин и детей погребали на *разной* глубине).

Изменение горизонтальных координат проявляется ещё и в различном расположении мест погребений умерших по отношению к некоему центру некрополя, в пределах престижных или не престижных участков на кладбищах, в составе захоронений групп родственников (тугумов); случаях подхоронений к ранее умершим родственникам, сопровождающимся обустройством совместных или отдельных оград.

Недоступный к изучению средствами этнографии локус феномена некротферы пространства, характеризующий окончательное обретение умершим своего нового места в системе координат некротферы, демонстрируют данные археологии. В ходе исследования некротферы пространства по археологическим материалам изучаются все материальные остатки, которые фиксируются археологическими методами на могильнике. А именно – планиграфия и микротопография могильника (макро- и мезоструктуры), и планиграфия и топография погребального комплекса (микроструктура) (см. Корусенко М.А., Полеводов А.В., 2001. С. 40-42, 2008. С. 119-125; 2010. С. 136-140).

Судя по археологическим данным, здесь так же прослеживаются определенные закономерности в расположении умерших в пределах некрополей как в вертикальной, так и в горизонтальной проекциях. Судя по доступным нам материалам, происходящим из позднесредневековых могильников, исследованных в низовьях р. Тара², погребённые соответствующим образом размещены по

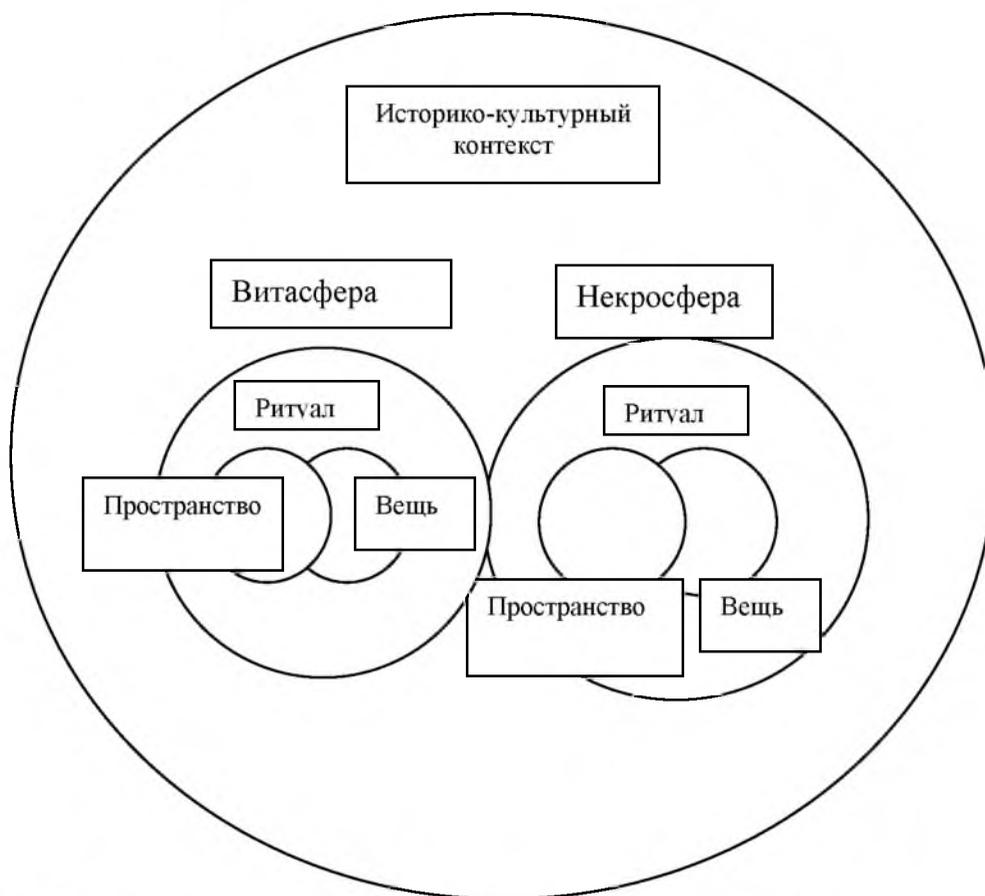


Рис. 1. Примерная схема соотношения понятий витасферы и некросферы в рамках конкретной традиции.

отношению к уровню дневной поверхности (взрослые – на одной глубине, дети – на другой). Особое место при этом занимают подхоронения в курганах (в теле насыпи) произведенные фактически выше дневной поверхности. В горизонтальной проекции наблюдаются вариации в расположении умерших в пространстве «поселения мёртвых» (могильника), включая сюда смежные (устроенных преднамеренно?) погребальные комплексы (сооружения), образующие компактные группы захоронений («условных родственников»), а так же непосредственно в пределах единого комплекса (сооружения или могилы), например, коллективные погребения.

Таким образом, в пространстве некросферы выявляются общие закономерности, наблюдаемые как в по археологическим источникам, так и в этнографической действительности:

Вероятность взаимной верификации этнографических и археологических данных в пределах исследовательского поля пространства некросферы обуславливает возможность исследования планиграфии и микропографии позднесредневековых могильников и этнографических погребальных комплексов.

В результате таких работ получены данные о планиграфии современных некрополей и позднесредневековых могильников бассейна р. Тары, характерных особенностях формирования их отдельных частей, способах обустройства мест захоронений, сведения о погребённых (для этнографических комплексов). Имеющиеся материалы позволяют выявлять группы погребений родственников (условных родственников – для археологических объектов), «престижные» и не престижные области некрополей и могильников, особенности формирования этих объектов

во времени и т.д. Все это позволяет реконструировать «материальную» сторону процесса «смены» и «обретения» умершим «новых координат» в физическом/топографическом пространстве некросферы.

Мифологический аспект некросферы пространства на данном уровне осмысления феномена доступен для исследования пока только на этнографических данных. Именно на их основе можно выстроить предполагаемую модель взаимоотношения живых субъектов с мифологическими субъектами — умершими предками. Суть взаимодействия можно определить как стремление «правильно» отправить нематериальную ипостась умершего в некое место, где она должна пребывать отныне и обеспечить благоприятный характер возможных контактов с миром умерших в

будущем. Направленная на это деятельность до определенного момента протекает в форме физического перемещения умершего в вертикальных и горизонтальных координатах, а затем трансформируется в незримые контакты с умершим во время поминального цикла или в неких особых ситуациях (появление умершего в снах, некие явные просьбы его в отношении материального мира и живых субъектов).

Считаем, что на данном уровне разработки понятий «некросфера пространства-пространство некросферы» его структура представлена достаточно полно. Следующей задачей станет характеристика понятий «некросфера вещи-вещь некросферы» и «некросфера ритуала-ритуалы некросферы», а так же построение возможной модели системы связей и взаимоотношений между ними.

Список литературы

1. Корусенко М.А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII – XX вв (опыт анализа структуры и содержания) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Т.7. – Новосибирск, 2003
2. Корусенко М.А., Полеводов А.В. Об одной из линий возможного генезиса современных надмогильных сооружений тарских татар // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: матер. XII Западно-Сибирск. арх.-этногр. конф. – Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2001;
3. Корусенко М.А., Полеводов А.В. Планиграфия курганно-грунтовых могильников в низовьях р. Тара (предварительные результаты исследований) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Матер. XIV Западно-Сибирск. арх.-этногр. конф. – Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2008;
4. Корусенко М.А., Полеводов А.В. Этноархеологический подход к исследованию погребального обряда: к вопросу создания адекватного понятийного аппарата (теоретический этюд) // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: матер. XV Международ. Западно-Сибирск. арх.-этногр. конф. – Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2010;
5. Корусенко М.А., Полеводов А.В. К проблеме динамики погребальных конструкций в могильниках XVII-XX веков в низовьях р. Тара // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. статей. – Омск: Изд-во ОмГПУ; Изд. Дом «Наука», 2010.

Примечания:

1. Этническое подразделение тюркоязычной общности обобщенно именуемой западно-сибирскими (сибирскими) татарами. В настоящее время тарские татары расселены в Муромцевском, Большереченском, Тарском и, частично, в Знаменском и Колосовском районах Омской области.
2. Речь идет о позднесредневековых могильниках Окунево 7, Бергамак 2, Чеплярово 27, исследованных В.А. Могильниковым, Б.А. Кониковым, А.И. Петровым, В.И. Матюшенко, (Окунево 7), С.С. Тихоновым, К.Н. Тихомировым (Бергамак 2), М.А. Корусенко (Чеплярово 27); датировка комплексов XVII–XVIII вв н.э.; территориально они расположены в Муромцевском и Большереченском районах Омской области; оставлены возможными историческим предками современных тарских татар.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ
ИССЛЕДОВАНИЯ САКРАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Г.П. Харючи

Заведующая сектором этнологии

ГБУ «Ямало-ненецкий центр изучения Арктики», к.и.н.

В журнале «Этнографическое обозрение» (№3- 2010 г.) специальная тема номера «Свой» этнограф в российском сакральном «поле» была продолжением разговора, в котором мы, авторы, принимали участие во время международных интердисциплинарных мероприятий: научно-практического семинара-конференции «Сакральное в традиционной культуре: методология исследования, методы фиксации и обработки полевых, лабораторных, экспериментальных материалов (Москва-Республика Алтай, 6-15 июля 2003) и научно-практического конгресса «Сакральное глазами «профанов» и «посвященных» (Москва, 21-30 июня 2003 г.) (Материалы...2004). Этот разговор касался проблем полевой работы в сфере сакрального и вопросов представления полученных материалов в научных трудах. Мне бы хотелось акцентировать внимание на гендерном аспекте. Руководитель и организатор интердисциплинарных конгрессов и семинаров по изучению шаманизма и иных традиционных практик В.И. Харитоновна отмечает, что «методология и методы собирания и изучения сведений из области сакрального, являясь составной частью методологического аспекта этнографических исследований, одна из самых сложных и широко обсуждаемых в нашей науке тем» (Харитоновна, 2010:3).

Традиционное общество коренных народов, в том числе народов Севера, рассматривалось исследователями как социум с выраженным доминированием мужчины во всех сферах социальной жизни. Статус женщины, который не единожды рассматривался в гендерных исследованиях на примерах разных народов, часто оценивался как приниженный (напр., см.: *Пушкарева* 1998; *Бутовская, Гучинова* 1998; *Ахметова* 1998; *Горшунова* 2006 и др.).

Ненецкое традиционное общество было построено на строгом разделении сфер «мужского» и «женского». Регулированию их взаимоотношений служило разделение труда, основой которого являлись физиологические различия между полами. Статус мужчин и женщин в традиционном обществе менялся в зависимости от возраста, семейного положения, количества детей и внуков.

В традиционном ненецком обществе женщина выполняла важные функции по созиданию и сохранению семьи, передаче социального и культурного опыта. Одним из механизмов реализации этих функций и была система запретов (табу), которые регулировали ее поведение (подробнее см. *Харючи* 2008: 284). Некоторые ограничения и запреты основаны на ее физиологических особенностях, что в традиционном обществе обретало сакральный статус. Как отметили *В.М. Кулемзин и Н.В. Лукина* (1992) относительно хантыйских женщин, что часть ограничений и запретов диктовалась заботой о ней самой, желанием оградить ее от возможного вреда. То же самое можно сказать и о ненецкой женщине: известные ограничения оберегали, прежде всего, ее саму и будущее потомство.

Велико значение женщины в ненецкой семье: соблюдая многие запреты и установки, она выступает как существо, тесно связанное с сакральным миром, ей отводится особая роль в процессе жизнедеятельности. Так, по представлениям ненцев, в тундровой жизни от поведения и даже мыслей женщины зависит благосостояние всей семьи; ее слово, знак, взгляд всегда имеют глубокий смысл и определенную силу. Если женщина будет нарушать этические нормы, нравственные правила, это скажется на жизнедеятельности семьи, рода, будущих поколений. Например, когда мужчины собираются в дальнюю дорогу

или на охоту, поведение домочадцев, прежде всего женщин, регламентируется многочисленными запретами, поверьями, приметами.

Смена традиционного уклада жизни на новый, поселково-городской, освоение новой модели социальных и прежде всего семейных отношений, обычно не вызывает психологического кризиса. У ненецкой женщины по-прежнему присутствует «патриархальный» этнический стереотип поведения. Отмечу, что менталитет современной женщины-северянки еще не исследован, но он значимо изменился.

Вместе с тем женщине при всех ее достижениях в научной области порой бывает очень сложно работать, например, занимаясь исследованием сакральной сферы традиционной культуры — тут ей всегда было отведено особое место с определенными ограничениями. Выше говорилось о строгом разделении ненецкого традиционного общества на «мужское» и «женское». Здесь четко выдержано гендерное разделение ролей, которое пронизывает всю систему общественной жизни. В обычной жизни мы не особо задумываемся над этим. Но вопрос о влиянии усвоенных с детства установок и запретов на выбор темы, круг информантов и методы работы оказывается очень важным. Некоторые аспекты этой деятельности были кратко рассмотрены мною ранее (Харючи 2004). В настоящей статье я попытаюсь осветить этот вопрос на основе личного опыта.

Большое влияние на пробуждение моего этнического самосознания, изменение моего мировоззрения, отношение к жизни, к культуре моего народа оказали события начала 1990-х годов. С созданием ассоциации Коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа «Ямал—потомкам!» и окружной научной лаборатории этнографии и этнолингвистики наметились первые практические шаги в возрождении и в пропаганде традиционной культуры, чему способствовало проведение научно-практических конференций, семинаров, фольклорных фестивалей, иных культурных мероприятий.

Мне и моим коллегам предстояло вступить на новую, научную стезю и освоить новую профессию — этнографа - исследователя. Одним из организаторов становления гуманитарной науки в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах была российский этнограф-угровед Н.В. Лукина. В подготовке национальной научной интеллигенции она опиралась на наше изначальное знание традиционной культуры. Но нам следовало взглянуть как бы со стороны на традиции собственного народа и в то же время отразить знание своей культуры изнутри, поскольку мы все родились и воспитывались в традиционной культуре, хотя последующая социализация происходила в условиях поселка и современного города. Нам приходилось адаптироваться к научной среде и одновременно утверждаться в роли исследователей в нашем социальном окружении.

Первые результаты исследований убеждали специалистов в том, что в дальнейшем в этнографию волеется мощный поток новых знаний о культуре и традициях народов Севера (Лукина 2000: 27).

Проводимые нами научные конференции, фестивали, поездки в зарубежные страны, а также участие в международных конференциях сыграли огромную роль в моей жизни в тот период. Не зря говорят: узнав культуру других народов, лучше поймешь собственную. В 1994 г. побывала в Венгрии на летней школе в составе представителей финно-угорских народов. В течение трех недель слушали лекции, много рассказывали о культуре наших народов. Из этой поездки я приехала другим человеком. Оказалось, что культуры коренных народов уникальны, вызывают большой интерес за рубежом, в частности, среди ученых. На свой народ я стала смотреть иначе. Я осознала ценность науки и одновременно — родной культуры и родного народа. Благодаря этому я ощутила собственную значимость как исследователя. Я поняла, что знание языка народа, его культуры изнутри, мое мировоззрение — это богатство, которым я владею, и этот материал следует проанализировать, наполнить научным содержанием.

Выбранная мной научная тема — о традициях и инновациях в культуре ненецкого этноса — была мало связана с сакральным (2001). Более того, неосознанно я избегала всего, что касалось необычного состояния человека и окружающей среды. Видимо, с детства у меня был глубинный подсознательный страх перед неведомым.

Вместе с тем одним из направлений научной работы Лаборатории этнографии и этнолингвистики стало составление карт священных мест коренных народов округа. На эту работу нацеливала ассоциация коренных малочисленных народов Севера ЯНАО «Ямал — потомкам!». Картографированием и описанием священных мест мне пришлось заниматься в силу необходимости, а не из интереса к священным местам как таковым. Мы еще не осознавали всей научной значимости такой деятельности, а о практической ее целесообразности говорили последствия промышленного освоения. Главная задача виделась поначалу в том, чтобы успеть зафиксировать памятники духовной культуры ненецкого народа, так как на наших глазах происходило разрушение ненецких святилищ на территориях, попавших под промышленное освоение. Мы тогда не знали, как создать систему охраны культовых мест коренного населения, но чувствовали, что необходимо специальное административное постановление или законодательный акт об охране святилищ как памятников этнокультурного наследия.

Большую роль в моей жизни в тот период сыграла Н.В. Лукина — научный руководитель, наставник и один из инициаторов создания научного центра в г. Салехарде (Ямало-Ненецкий автономный округ). Она сформулировала свою задачу в работе с начинающими этнографами из числа коренных малочисленных народов Севера так: перевести их из статуса носителей культуры в статус, исследователей культуры. Этот процесс позднее был раскрыт Н.В. Лукиной в ее монографии «Наука как форма общественного сознания северных этносов» (2002).

Анализируя становление научных центров северных народов, Н.В. Лукина уделяет особое внимание личности исследователя — представителя северного народа. Первыми сотрудниками созданных в Салехарде и Ханты-Мансийске научных центров и первыми кандидатами наук по специальности «этнография» стали женщины. «С точки зрения социологии в научных сотрудниках-северянах взаимодействуют принципиально различные социальные статусы: предписанные и достигаемые. В процессе научной деятельности соотношение указанных ролей постепенно меняется, наблюдается тенденция к преодолению предписанных статусов в пользу достигаемых. Для научных сотрудников-северян это означает расширение возможностей изучения закрытых (сакральных) сфер традиционной жизни (Там же: 147–148).

Если женщины-исследовательницы выбирали темы для научной работы с учетом предписанных ролей традиционного общества, это находило понимание и поощрение в традиционной среде (например, в случае интереса к изделиям с орнаментом или к обрядам). И наоборот, женщины-ненки не понимали, почему мужчины-этнографы интересуются женской сферой деятельности. Н.В. Лукина подчеркивала: «нужно учитывать тот факт, что преобладающее большинство научных сотрудников занимаются тематикой, в значительной степени связанной с традиционными запретами. Многие сферы жизни, где запреты играют не столь большую или вообще незначительную роль, просто не изучаются северянами. Поэтому не стоит преувеличивать меру ограничений и запретов, если иметь в виду изучение традиционной культуры в целом» (Там же: 82–83).

Как исследователю мне приходится смотреть на культурные традиции моего народа со стороны: наблюдать изменения в бытовой и духовной культуре, вести сбор полевого материала и отбирать из него наиболее важные данные. Особенно интересовали меня изменения в духовной культуре, отношение современной молодежи к семейным святыням, культовым местам, выполнение ею обрядов

и ритуалов. В своих научных исследованиях я встречала взаимопонимание и всяческую поддержку со стороны сородичей в описаниях традиционного хозяйства, занятий, некоторых обрядов. Трудности наступали, когда речь заходила о святилищах, обрядах на священных местах, духах. Например, о семейных духах в священной нарте я знаю только со слов брата, к которому перешли по наследству домашние реликвии. В детстве я много раз наблюдала издали процесс угощения семейных духов из священной нарты. Этим занимались только мужчины. Ближе приближаться или интересоваться происходящим девочке, а тем более девушке, женщине было не принято.

Став исследователем, и касаясь этих вопросов, я испытывала душевное противоречие. Усвоенные с детства определенные роль и запреты в сакральной сфере, мне, как ненецкой женщине, очень осложняли сбор материала о святилищах. Во время полевых выездов или в отпуске, проводимом у родственников-оленеводов, я собирала информацию, не афишируя свою тему. Легче было работать с людьми среднего возраста в поселках. Необходимо отметить, что сейчас тундровое население — это грамотные люди в возрасте 50–60 лет.

Я не могла спрашивать о многом даже у родителей, а тем более у других пожилых людей. Я не имела права интересоваться священными местами, посещать и описывать их (кроме специальных женских и общедоступных), так как еще не достигла того возраста, когда с женщины снимаются многие запреты, в том числе и на посещение культовых мест. Глубоко сакральными являются обряды: родильный и погребальный, сведения о которых можно получить лишь в особых ситуациях. Не положено было интересоваться умершими родственниками, предками, поэтому так мало мы знаем свою родословную.

Обращу внимание на такой факт: когда мы, знатоки традиций, приобщаемся к сакральным практикам, то информацию сразу не можем публиковать, так как идет систематизация знаний. Но есть и более важный момент: у нас имеется внутреннее табу на разглашение

такой информации. На мой вопрос, почему я не могу раскрывать тот или иной вопрос сакрального характера, а коллеге можно. Мне сказали, что у меня крепкие корни, у меня дети, я должна думать о будущем рода. У моего коллеги уже нет этих корней и рода тоже нет. Эти и другие запреты рассмотрела в одной из своих работ Е.Т. Пушкарева (*Пушкарева 2004*). Ею хорошо описаны преимущества полевой и аналитической работы с сакральными исследователями, работающих в своей традиционной среде. Вместе с тем автор указала и на важные ограничения в их деятельности: «Любое традиционное общество стратифицировано по половому, возрастному, физиологическому, фратриальному, родовому, семейному, соседскому и другим признакам. Все это накладывает отпечаток на исследователя. Деление традиционного общества по половому признаку накладывает определенный стиль поведения исследователя-мужчины и исследователя-женщины. Что можно мужчине — не всегда можно женщине и наоборот, что можно женщине — не всегда можно мужчине» (Там же: 83). Если же мужчине приходится углубляться в женскую сферу или описывать женские обряды, то он становится *няслуд* - осквернённый, значит, подтвержденный апатии, имеющий слабый иммунитет. Этот термин не зафиксирован в имеющихся словарях и в других источниках, я внесла это слово в словарь культовой терминологии.

В 2003 г. в моей жизни произошло знаковое событие: я оказалась в Институте этнологии и антропологии РАН на Международном интердисциплинарном научно-практическом семинаре-конференции, организованном Центром изучения шаманизма и иных традиционных верований и практик. Я увидела многих известных ученых — специалистов, изучающих сакральное в культурах разных народов, а также непознанное в проявлении различных феноменов, связанных с человеком. Затем была поездка на Алтай, полевая работа с алтайскими шаманами. В моей жизни это была первая встреча с необычными людьми другого народа. Величественная природа Алтая, горы, перевалы, реки Катунь и Бия,

Телецкое оз. — все это произвело на меня огромное впечатление.

Тема международной конференции «Сакральное в традиционной культуре» была очень знакомой, понятной и интересной. В то же время передо мной встало множество вопросов. Я знала, что многого не знаю и не могу объяснить. В первую очередь это касалось того, чего я избегала в жизни и в работе. На конференции особое внимание было уделено проблеме священных мест; речь шла о том, как усовершенствовать общую методологию и методику их исследования, как отражать сакральную часть культуры в своих работах. В.И. Харитонова отметила, что «методика работы с сакральным, естественно, напрямую зависит от исходной методологической установки и идеологической позиции ученого. Но, пожалуй, еще более важным аспектом сотрудничества видятся интердисциплинарные разработки проблем исследования сакральной части культуры. Это в первую очередь связано с изучением ИСС (измененного состояния сознания) и священных мест, что бессмысленно исследовать без активного использования данных геофизики, например. Сейчас уже хорошо известно, что большинство священных мест находится в локусах геомагнитных отклонений различного характера» (Харитонова 2004: 36).

Изучением священных мест я уже занималась в международном проекте «Значение охраны священных мест коренного населения Арктики: социологическое исследование на Севере России». Этот проект относится к 2001–2002 гг., результаты его были опубликованы в 2004 г. (Значение охраны... 2004).

Наши исследования проходили в Тазовском р-не Ямало-Ненецкого автономного округа, где с 1960-х годов было открыто много месторождений газа. При этом был погублен пастбища, реки и озера, а также осквернены или уничтожены священные места. Люди понимали практическую значимость нашей работы и помогали нам. Наша группа состояла из известных и уважаемых людей в районе, в основном мужчин, региональных исследователей и помощников-ненцев. В проект при-

гласили меня, так как я имела теоретическую подготовку по данному вопросу, материалы предыдущих научных исследований. Среди женщин имелось немало знатоков традиционных практик, мы их привлекали в качестве информантов.

Вначале была проведена большая подготовительная работа, составлены анкеты, проект предусматривал участие большого количества коренного населения. Исследователи взяли 66 интервью с представителями коренного населения гыданской, антипаютинской и тазовской тундр, выявили и нанесли на карту 263 священных места, из-за ограниченных сроков неизученным остался юг района. Мы тщательно подходили к отбору участников проекта, поскольку в этой работе большое значение имеет личность исследователя. Мужчине-этнографу открыт более широкий доступ в изучении культовых мест. В анкетах мужчины-информанты отмечали о своем посещении того или иного культового места, давали описания этих мест, тогда как женщины отмечали, что только знают о наличии подобных мест или видели их издалека. Очевидно, самое главное здесь — возможность посещения, графической документации и фиксирования имеющихся на святилище культовых предметов. Конечно, исследователю из числа коренных народов, выросшему в традиционной среде, психологически нелегко посещать святилище даже ради науки, тем более делать там зарисовки и фотографировать. Подобные действия на святилищах обычно вызывают осуждение у населения, особенно у старых людей.

Как уже отмечалось, согласно традиционным нормам, любая женщина, в том числе исследователь-этнограф, не может посещать святилища (кроме женских и общедоступных). Кроме ограничений на посещение имеются запреты и на определенные вопросы, которые женщина (даже ученый из среды коренных народов) не может задавать мужчинам, особенно старшим (большое значение имеет оппозиция «свой — чужой, наш — не наш»).

Одна из ведущих исследователей хантов и манси, З.П. Соколова, исходя из своего опыта, утверждает, что у иноэтничных ученых якобы нет ограничений в работе с сакральным. Она считает, что следует подбирать информатора, который тебе расскажет что-то сокровенное. Надо войти к нему в доверие, и тогда тебе откроются сакральные тайны. При этом она приводила такой пример: на р. Сыне ей показали священное место *ура* – амбарчики на высоких ножках, где находятся изображения, вместилища душ трагически погибших людей. Об этом месте знали только те люди, у которых кто-то погиб именно так. Остальные не знали вообще. Но этот пример не показательен, так как проводником З.П. Соколовой на священное место был человек, не имеющий к нему отношения и случайно нашедший его. Знающие об этом священном месте жители молчали. Она посетила святилище вопреки запрету (Сакральное... 2004: 78).

У меня часто возникает сомнение, правильно ли мы поступаем, приоткрывая завесу сакральной сферы традиционного общества, в частности составляя карты священных мест. Тем более есть опасение, что после обнародования сведений о местонахождении святилищ оно может быть осквернено или разрушено. Вместе с тем, если сегодня не создать систему государственной охраны памятников духовной культуры, завтра они будут разрушены в результате нефтегазового освоения, причем со ссылкой на незнание того, что на этом месте находилось святилище. Мы полагаем, что гарантом охраны культовых мест должно стать знание об их особом значении, т. е. уважительное отношение к памятникам культуры, к другой культурной традиции.

Начатая нами с 1990-х годов в округе работа по картографированию священных мест продолжается. Создана и постоянно дополняется база данных священных мест, куда вносятся все сведения по культовым местам Приуральского, Шурышкарского, Ямальского районов. Я состою в этом проекте в качестве консультанта и эксперта. Всю работу выполняют знающие свою культуру хранители традиций – представители ненцев, хантов.

Таким образом, в какой-то мере нам приходится преодолевать предписанные в традиционном обществе запреты. Перед исследователями встает проблема столкновения принципов традиционных, заложенных в процессе воспитания, и принципов, характерных для современного общества. Н.В. Лукина отмечала, что научные сотрудники-северяне ищут компромисс. Это свидетельство переходного этапа к новым взаимоотношениям традиционного общества и науки о нем (Лукина 2002: 84).

Во время нашей работы сложились определенные приемы общения с информантами. При этом учитывались и традиционные формы взаимоотношений, и языковая ситуация, и психологические моменты. В связи с этим приведу такой пример. Мне следовало описать *мяд' пухуця* – сакральную куклу, хранительницу чума, семьи. Она передается в семье по женской линии. Сколько себя помню, она всегда находилась на подушке мамы. При перекочевках «ехала» на ее нарте. *Мяд' пухуця* первой вносили в только что поставленный чум. По важным случаям для нее шьется верхняя одежда *ягушка* и обувь *кисы*. Новая одежда надевалась поверх предыдущей, поэтому со временем куклы становилась «толстой», а одежда потрепаной. Я предложила маме подремонтировать одежду и сшить для нее новую – от меня, в честь моего приезда. Маме идея понравилась. Таким образом, в научных целях, не нарушая запретов, я получила важную информацию: посмотрела, как выглядит сакральная кукла без одежды, сосчитала, сколько и что на ней надето, выяснила, кем и в честь какого события было подарена очередная одежда.

В то же время мне рассказывали случай, когда на рыбоучасток приехала *луцане* (*лучине*) – русская женщина, сотрудник журнала «Северные просторы». Оставшись одна в чуме, она стала потрошить *мяд' пухуця*, видимо, чтобы описать ее. За этим занятием застала ее хозяйка чума. «Сравнивая возможности получения информации разными исследователями, Э.П. Бакаева (на примере калмыков), например, убедительно

демонстрирует, какими тонкими могут быть различия и во взаимоотношениях и дозированности сообщения утаиваемых сведений в зависимости от того, насколько близок информант исследователю, учитывая внутривидовые деления. Анализируя многочисленные сложности работы «своих» ученых в этнографическом поле, авторы (Т.В. Волдина, Г.П. Харючи, Э.П. Бакаева, 2010) демонстрируют ее плюсы именно в возможности деликатно получать в свое распоряжение материал, наиболее тщательно скрываемый от «чужих» исследователей, чему способствует в первую очередь наличие родственных связей.

На примере женщин-исследователей можно отметить, что «наблюдается тенденция к преодолению предписанных статусов в пользу достигаемых, что означает расширение возможностей изучения сакральных сфер традиционной жизни. Традиционное общество начинает воспринимать научную работу своих сородичей в качестве важного условия для сохранения этнической культуры в настоящем и будущем. Таким образом, традиционное общество становится все более открытым и в этом большое значение имеет популяризация этнографических знаний» (Лукина, 2002:148). В настоящее время благодаря средствам массовой информации идет ознакомление жителей округа не только с бытовой, но и с сакральной сферой жизни коренных народов, что было немыслимо еще лет 15–20 назад, поскольку эти темы были запретны. Н.В. Лукина отмечала, что наблюдается встречное движение части традиционного общества к преодолению ограничений для научного изучения. Это не отказ, но уже определенные уступки (Там же: 85). Приверженцы традиционного образа жизни, как и мы, ищут и находят пути к компромиссному решению возникающих проблем. Один – помочь нам, своим исследователям, другой мотив – осознание практической необходимости изучения народных традиций во имя спасения культуры, поднятия престижа этих традиций.

На своем примере могу отметить, что мой социальный статус возрос в глазах сородичей, особенно когда я привозила очередную моно-

графию или книги других авторов-ненцев. Они удивляются: оказывается, и ненцы могут писать книги о ненцах. Видя результаты моей работы, более ответственно и охотно дают информацию, в том числе сакральную, так как осознают важность научной работы. Каждое лето они ждут меня. Им интересно общаться со мной, я много рассказываю о других народах, их обычаях и о том, что происходит в мире. Мои сородичи воспринимают меня как свою, но в то же время как владеющую какими-то необычными знаниями.

«В работе с сакральной частью культуры (как в этнографической полевой работе в целом), особенно с эзотерическим знанием, есть важные этические моменты, которые необходимо учитывать. «Чужие» исследователи позволяют себе нарушать предлагаемые им нормы этикета, тайно проникая в запретные зоны, а кое-кто не гнушается воровством необходимых им артефактов. В начале истории этнографической деятельности и в советский период искоренения суеверий было принято воровать иконы и иные культовые предметы или принуждать к сдаче их в музеи либо продаже за копейки (Вахтин, 2002). В 2005 г. мне удалось присутствовать на церемонии возвращения нганасанам их особо почитаемого идола, который в советское время оказался у известного отечественного исследователя, а позже был отправлен за рубеж, перекуплен в конце концов М. Харнером и безвозмездно передан им с помощью Центра изучения шаманизма в Институте этнологии и антропологии РАН представителю рода Турдагиных, шаманы которого некогда заботились о нем. Пришлось мне консультировать и описание культовых предметов из священных мест надымских ненцев, вывезенных в 1937 году сотрудником Центрального антирелигиозного Музея И.Ф. Скачковым и переданных в 1947 г. в Гос. музей истории религии (ГМИР).

В статье «Работа с сакральными знаниями и практиками: методико-методологический аспект» В.И. Харитонова (2010:15) отмечает, что «К сожалению, иногда неэтичные действия этнографов воспринимаются ими как своеобразные исследовательские подвиги.

Всем понятно наше исследовательское любопытство, однако в таких ситуациях возникает вполне естественный вопрос: почему мы осознаем, что нельзя войти без разрешения в квартиру соседа, но идем туда, куда нас не приглашали (точнее, нам запретили идти) люди исследуемой культуры?»

Т.В. Волдина отмечает, «с начала 1990-х годов в этнографические исследования обско-угорских духовных традиций активно включаются представители этих народов, в работах которых особо подчеркивается строгая регламентация, табуированность сакрального, требующие от исследователя особого подхода, следования определенным правилам, осторожного обращения с сакральным наследием» (2004). Нельзя не согласиться с известным сибиреведом З.П. Соколовой: «Не имеет значения, какой национальности ученый. Главное, чтобы он был хорошо подготовленным, знал все, что до него написали, владел методикой исследования, умел собирать материалы, интерпретировать и обобщать их, любил и уважал тот народ, культуру которого он изучает, был предан и ему, и науке, которой он посвятил жизнь» (Соколова, 2004:59).

Сегодня меня интересует тема народных знаний об окружающей среде. Я продолжаю исследовать священные места как экологический потенциал сакральной составляющей культуры. В связи с этим появилась необходимость разработки культовой терминологии. На примере этих исследований могу отметить, что многочисленные табу, выработанные культурой на протяжении веков и существующие в жизни ненцев практически до сего дня, — это традиционный комплекс знаний, поверий, способов и правил поведения, цель которых — поддержание взаимовыгодных от-

ношений с природой. Подобное поведение позволяло, с точки зрения ненцев, не только оберегать человека, его семью и род, но и заботиться об окружающей среде. Экологичность подобного мировоззрения и поведения может показаться «вторичной», однако для традиционного мышления мифологического типа это было естественно, поскольку человек воспринимал Природу как живое и себе подобное вместе с тем как более значимое, чем он сам, производшее его и дающее возможность выживания.

«Этика по отношению к изучаемой культуре всегда была и остается для социальных антропологов приоритетом номер один. Этический принцип поведения здесь ясен и всем известен: жизнь северных народов тяжела и полна печали и без дополнительных проблем, создаваемых исследователями, учеными, телевизионными и киногоруппами, туристами; эта жизнь не должна ни в каком отношении стать хуже после того, как эти люди уезжают. В идеале — наоборот: исследователь должен постараться дать людям что-нибудь, уделить им какую-то часть того, что он узнал у них и о них и «увез с собой» (Вахтин, 2002:320).

Таким образом, изучение сакральной сферы является важнейшим моментом в изучении культур, сохраняющих традиционные основы. Как отметила В.И. Харитоновна, «должно быть содружество, совместная работа «своих», «чужих» исследователей. Наблюдение и совместный анализ явления с позиций инсайдеров (внутренних наблюдателей, знатоков культуры) и аутсайдеров (внешних наблюдателей) открывает путь к его многостороннему восприятию и многопрофильному, более объективному анализу» (Харитоновна, 2010:17).

Литература

Ахметова Г.Ф. Башкирская женщина в условиях современного города (по результатам экспертного опроса в городах Зауралья Республики Башкортостан) // Гендерные проблемы в этнографии. М., 1998. С. 46–59.

Бакаева Э.П. «Чьи Вы?» (специфика полевой работы в среде калмыков в связи с проблемой самоинтефикации). // ЭО, 2010 г., № 3. С. 54–65.

Бутовская М.Л., Гучинова Э.Б. Мужчина и женщина современной Калмыкии: традиционные гендерные стереотипы и реальность // Гендерные проблемы в этнографии. 1998. С. 60–76.

Вахтин Н.Б. Несколько замечаний об этике полевых исследований на Крайнем севере России // Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии. 2002. С.316–328.

Волдина Т.В. Изучение духовной культуры обских угров в НИИ угроведения (г. Ханты-мансийск) // Мат. Междунар. интердисциплинарного науч.-практ. конгресса «Сакральное глазами «профанов» и «посвященных». Москва. 21–30 июня 2003 г. М., 2004. (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам – Далее ЭИ..... Т. 10. Ч. 1), С. 97–101.

Волдина Т.В. Представления о перевоплощении душ в традиционной культуре казымских хантов (проблемы записи и интерпретации сакральных сведений). ЭО. №3 2010. С. 32-43.

Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. III. СПб., 1799.

Гориунова О.В. Узбекская женщина: Социальный статус, семья, религия (по материалам Ферганской долины) / Отв. ред. П.И. Пучков. М., 2006.

Житков Б.М. Полуостров Ямал // Зап. ИРГО по общей географии. Т. 49. М., 1913.

Зуев В.Ф. Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов // Материалы по этнографии Сибири XVIII в. (1771–1772). Тр. Ин-та этнографии. (Нов. сер.). Т. 5. М.; Л., 1947.

Значение охраны... 2004 – Значение охраны священных мест Арктики: исследование коренных народов Севера России. М., 2004.

Иславин в. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847.

Костиков Л.В. Законы тундры // Тр. полярной комиссии АН. Вып. 3. Л., 1930. С. 3–68.

Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992.

Лапина М.А. Этика и этикет хантов. Томск, 1998.

Лукина Н.В. Этнограф-северянин как субъект научной деятельности // Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 7. Томск, 2000. С. 3–10.

Лукина Н.В. Наука как форма общественного сознания северных этносов. Томск, 2002.

Пушкарева Е.Т. «Свой среди своих»: Проблемы работы этнографов и фольклористов в своей традиционной среде // Сакральное в традиционной культуре: методология исследования, методы фиксации и обработки полевых, лабораторных, экспериментальных материалов: Матер. Междунар. интердисциплинарного науч.-практ. семинара-конф. Москва – Республика Алтай: 6–15 июля 2004 г. М., 2004 (ЭИ ... Т. 9. Ч. 1). С. 79–85.

Пушкарева Н.Л. Историческая феминология и гендерный подход в исторических исследованиях // Гендерные проблемы в этнографии. С. 6–13.

Сакральное в традиционной культуре: методология исследования, методы фиксации и обработки полевых, лабораторных, экспериментальных материалов: Матер. Междунар. интердисциплинарного науч.-практ. семинара-конф. Москва – Республика Алтай: 6–15 июля 2003 г. М., 2004 (ЭИ ... Т. 9. Ч. 1). С. 79–85.

Соколова З.П. «Нашу культуру мы изучим сами»: Проблемы контактов и научной работы с иноэтничными коллегами // Сакральное в традиционной культуре... 2004. С. 50–61.

Харитонова В.И. Исследование сакрального в культуре: прикосновение к непостижимому или постижение неведомого? // Сакральное в традиционной культуре: ... 2004. С. 24–40.

Харитонова В.И. Введение. Хранители и исследователи сакральной культуры: диалог или противостояние? // ЭО, 2010 г., № 3. С.3-7.

Харитонова В.И. Работа с сакральными знаниями и практиками: методико-методологический аспект // ЭО, 2010 г., № 3. С.7-21.

Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса (вторая половина XX века). Томск, 2001.

Харючи Г.П. О научной деятельности женщин коренной национальности в Ямало-Ненецком автономном округе (к проблеме изучения сакрального) // Мат. Междунар. интердисциплинарного науч.-практ. конгресс «Сакральное глазами «профанов» и «посвященных». Москва. 21–30 июня 2003 г. М., 2004. (ЭИ... Т. 10. Ч. 1), С. 101–110.

Харючи Г.П. Защищающие природу табу // Матер. 2-й междунар. конф. по самодистике – посвящается 100-летию со дня рождения Н.М. Терещенко (16–18 октября 2008 г.): СПб., 2008. С. 267–291.

Харючи Г.П. Ненецкая женщина в науке: к вопросу об особенностях исследования сакральной сферы // ЭО, 2010 г., № 3, С.44-53.

Хомич Л.В. Ненцы: Историко-этнографические очерки. М.; Л. 1966.

Шренк А. Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к северным Уральским горам, 1937 г. СПб., 1855.

**КОНТАКТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ:
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ
И ЯЗЫКОВЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ НА ЯМАЛЕ**

Р.И. Лаптандер

Государственное автономное учреждение

Ямало-Ненецкого автономного округа

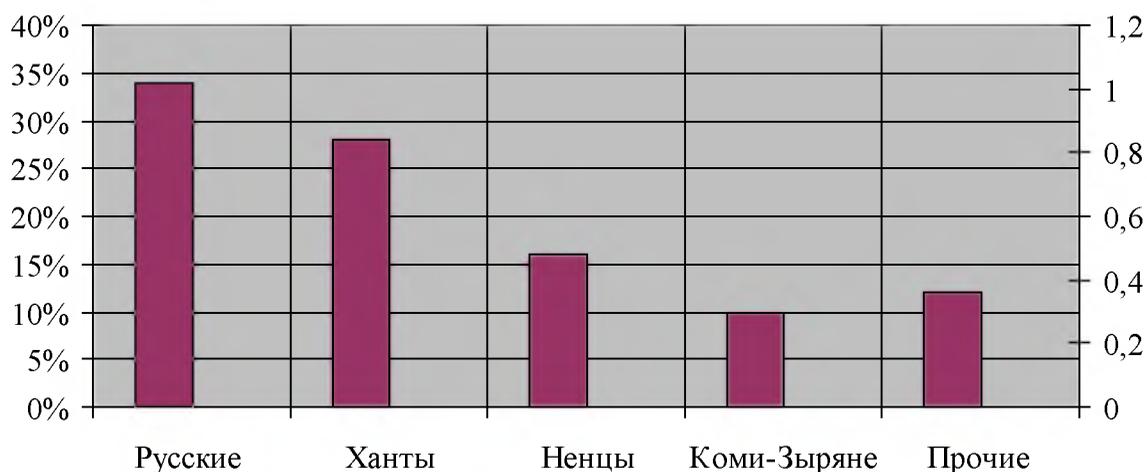
«Региональный институт развития образования», к.ф.н.

0. Характеристику языкового пространства и его территориальных вариантов даёт социолингвистическое исследование компактного исторического проживания на одной территории носителей разных культур и языков.

1. Нижнее Приобье стало привлекать внимание исследователей с начала XIII века, поскольку уже тогда народы, заселявшие её территорию, отличалось многонациональным

составом. В научной литературе нет специального понятия *контактная территория*, хотя под этим термином следует понимать территорию, на которой проживают по соседству различные этнические группы. Приуральский район является одним из таких ярких примеров. На его территории проживают, по статистическим данным по Приуральскому району: русских – 34%; ханты – 28%; ненцев – 16%; коми-зырян – 10%; прочих – 12%.

**Диаграмма по процентному составу населения
Приуральского района Ямало-Ненецкого автономного округа**



Данная диаграмма показывает, что в настоящее время национальный состав Приуральского района значительно пополнился русскоязычным населением. В тоже время, по карте видно (см. далее), что населённые пункты, расположенные по берегам Оби, имеют ярко выраженный многонациональный состав.

2. Межнациональные контакты.

Говоря о межнациональных контактах на территории Нижнего Приобья, следует отдельно отметить особенности межнациональ-

ных отношений между ненцами и ханты. Данные народы так долго проживали по соседству друг с другом, что это не могло не отразиться на их культуре, не говоря уже и о языке.

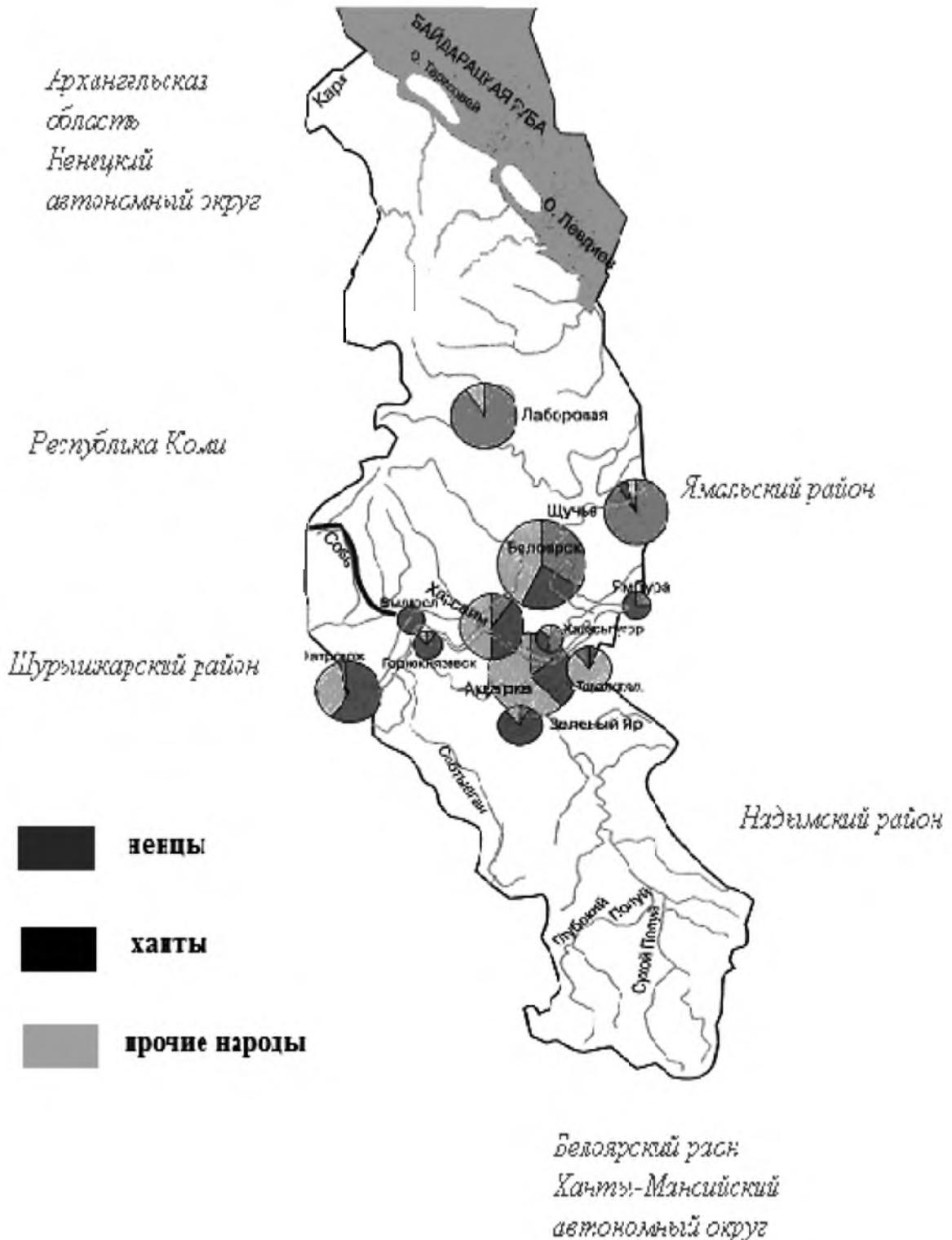
В фольклоре ханты и ненцев есть упоминания о бывших военных столкновениях друг с другом. Данные столкновения случались из-за территориальных конфликтов, поскольку широкие берега Оби были благодатным местом для промыслов и рыбалки. В фольклоре ненцев часто события повествований происходят именно на берегу

ивняковой реки, так звучит в переводе с ненецкого языка название реки Обь. Позднее, данные конфликты были разрешены. Оба народа стали жить мирно по соседству друг

с другом. Река Обь стала негласной линией границы: правая лесная часть берега – территория ханты, а левый, северный берег считается ненецкой землёй.

Карта из книги

«Приуральский район на карте Ямало-Ненецкого автономного округа», Екатеринбург, 2000.



Приведём слова Василия Зуева: «Самоедская земля, последняя часть к северу, столь дикая в своем звании и состоянии, столь равным образом и дикими народами обитаема, из коих в Березовском уезде два рода почитаются, т.е. остяки и самоеды (ханты и ненцы — Р.Л.), но первые живут далее от берегу Северного моря и, располагаясь далеко вверх по берегам реки Оби, соединяются уже с российскими народами». (Зуев, 1947:21).

Далее он пишет: «Но те самоеды, которые отчасти около Обского устья за рыбным промыслом расположились, суть как междуумки сих двух народов имеют почти будто особый язык и особое обхождение, которое описывать в особенности, кажется, нет нужды, но можно и без того разуместь, что они, замешавшись между сих двух народов, обоим приняли обыкновения и поступки, ибо совсем сходны с самоедскими, сходны и с остяцкими; с самоедами поступают по-самоедски, а с остяками по-остяцки... и хотя они жен берут от остяков и самоедов, но в том нет нимало затруднения...» (там же, стр.52)¹.

Эти замечания этнографа уникальны, поскольку, описанные выше особенности контактирования ненцев и хантов существуют и по сей день. Если посмотреть на небольшой участок между г. Салехард и п. Яр-Сале, куда входят п. Аксарка, п. Зелёный Яр, п. Товопогол, п. Белоярск, п. Салемал, п. Панаевск, п. Щучье, небольшие рыбацкие селения рядом с ними, близлежащие Полуийская, Байдаратская, Лаборовская и Ямальская тундры, здесь наблюдается наибольшее число смешанных браков, следовательно, в семьях широко распространено двуязычие. На данной контактной территории можно встретить как ненецкие семьи, которые полностью переняли хантыйскую культуру и язык, так и хантыйские семьи, которые говорят на ненецком языке, кочуют в тундре, но при этом следуют традициям ханты (Лаптандер, 2007:37). Интересно, что среди своих сородичей они считаются хантами, а среди самих же хантов они —

ненцы. В их семейном фольклоре бытуют предания об их ненецкой или хантыйской истории происхождения, но при этом они идентифицируют себя как ненцы или ханты. Это произошло сравнительно недавно, всего три-четыре поколения тому назад. К таким семьям можно отнести фамилию Вэненго. Противоположен пример с родом Салиндер, который имеет хантыйское происхождение, но его представители считаются ненцами. На юге Приуральского района распространены следующие ненецкие фамилии Негачи, Неркаги, Пандо, Поронгуй, Салиндер, Тибичи. Среди местного населения они считаются хантами. Как было отмечено ещё Н.М. Терещенко, указанные выше фамилии имеют родственные связи с нижеобскими хантами, некоторые представители которых лучше владеют хантыйским языком, чем ненецким, кроме того, многие носят двойные фамилии, ненецкую и ещё хантыйскую (Терещенко, 1956:98). В этих семьях, наряду с хантыйским, широко распространён ненецкий язык. В литературе данную группу хантов часто именуют обско-полуийской, поскольку «живя в близком соседстве с приуральскими и ямальскими ненцами, издавна смешались с ними, и на этой основе возникла уникальная региональная культура, свойственная только им» (Сязи, 2000:98).

Ещё одну фамилию Падранхасовы (*пэ́дара' хасава* в переводе с ненецкого 'лесные люди') ненцы называют хантыйской. По словам Куйбиной Марии Николаевны (1936 г.р., в девичестве Падранхасовой), проживавшей в последние годы в п. Щучье, хоть её семья и кочевала в горах Полярного Урала вместе с ненцами, но внутри семьи они говорили только на хантыйском языке, ненецкий язык она выучила позднее. Падранхасовы, что жили в п. Сидельниково² — это её родственники, они женились или вышли замуж за коми-зырян. Сейчас многие из них живут в поселке Белоярск и считают себя коми-зырянами.

Вышеуказанная миграция из одной этнической группы в другую осуществляется в рамках одного языка и только билингвами,

¹ Н.М. Терещенко считает, что Зуев имел в виду хантыйские по своему происхождению роды, которые подверглись сильному влиянию со стороны ненцев (См. Библиографию).

² П. Сидельниково был перенесён п. Белоярск в 1951 году.

которые относят себя одновременно к двум контактирующим народам, так как двуязычие, или, иначе говоря, билингвизм, развивается в результате перехода представителей одного языкового коллектива в другой, овладев соседним языком. Использование внутри семьи одного из языков смешанной многонациональной группы является важным идентификационным маркером этнической принадлежности. Устный опрос учащихся Аксарковской школы-интернат из перечисленных выше семей Негачи и Неркаги, на вопрос, к какому этносу они относят себя, показал, что дети считают себя ненцами, поскольку говорят на ненецком языке. Их родители используют в кругу семьи тоже ненецкий язык, но среди своих соплеменников говорят на языке ханты.

Иная ситуация с коми-зырянами Байдаратской тундры, которые имеют ненецкие корни, но относят себя к коми-зырянам. По данным письменных источников, коми начали контактировать с ненцами с XII–XV веков (М.А. Сахарова, Н.Н. Сельков, 1976:61).

Коми-зыряне живут в Приуральском районе сравнительно недавно, поэтому исследования по этой теме ещё ни кем не проводились. Среди коми-зырян в п. Белоярск наиболее распространены следующие ненецкие фамилии: Валеевы, Хатанзеевы, Талеевы, Падранхасовы. По одной из версий, коми-зыряне сознательно роднились с зажиточными ненцами Байдарацкой тундры и Полярного Урала для усиления своего влияния среди них, преумножения своего состояния за счет увеличения поголовья оленей.

3. Языковые заимствования.

Лексический состав любого языка мира отражает хозяйственную и общественную жизнь народа, особенности его материальной и духовной культуры, взаимоотношения с соседними народами. Многие заимствования в каждом из языков могли возникнуть в результате языковых контактов, которые происходят во время непосредственного общения группы говорящих, когда хоть один из её членов говорит на языке какой-то определённой местности. Такие языковые соседи должны быть в

тесных отношениях друг с другом: это могут быть торговые или семейные связи, общие пастбища, территории миграций, рыбные угодья. Кроме этого, как пример наиболее яркой особенности кросскультурных отношений между этими народами, можно привести ряд языковых заимствований из языков соседей.

3.1. В приуральском говоре ненецкого языка есть заимствованные слова из ханты языка. Исследования самоедологов прошлых лет дают весьма противоречивые данные относительно лексики, которая возникла в результате первых контактов ненцев с хантами. Даже относят эти лексические данные к протоуральскому наследию данных языков. Благодаря опубликованным ранее трудам исследователей по этой теме и накопленному автором материалу по приуральскому говору ненецкого языка, стало возможным проследить процесс формирования одного из интереснейших говоров ненецкого языка. Анализ собранного лексического материала, показал, что в северной ветви хантыйского языка насчитывается более десятка заимствований из ненецкого языка, а в ненецком языке заимствований из хантыйского гораздо меньше. Это может быть объяснено тем, что ханты чаще перенимали кочевую культуру ненцев, чем ненцы переходили на осёдлый образ жизни. Такой переход даёт объяснение причинам многих заимствований, так как, перенимая вид хозяйственной деятельности соседнего народа, одновременно перенимается и его язык. В то же время, сами языки не могут контактировать, а контактируют носители этих языков в результате межнационального общения.

3.2 З.И. Рандымова, отмечает, что в хантыйском языке усть-обского говора жильё, дом, в котором живут постоянно, называют — *хот*. Чум, лесной дом, жилище, которое находится за пределами поселения называют *урхот* 'ненецкий дом'. Все названия для жилища и его частей Рандымова считает хантыйскими по происхождению, кроме слов *муяккув* — старые нюки и *сымсы* — средний (священный) шест в чуме. В ненецком языке *муйко* — называется

нижняя зимняя крышка для чума мехом внутрь, от слова *мой* – внутренняя часть, *симсы/сымзы* – вертикальный шест в чуме, к которому прикрепляются концы шестов для подвешивания крюков над костром или печью³. Наталья Терещенко отмечает в своей книге «Материалы и исследования по ненецкому языку», что оленеводство, являясь исконным занятием ненцев, способствовало заимствованию хантами ненецких слов, связанных с оленеводческой культурой (Терещенко 1959:97).

3.3. Заимствованные слова из коми-зырянского языка

Коми-ижемцы, другое название этой группы – коми-зыряне, переняли оленеводство у ненцев сравнительно недавно. Эта смена хозяйственной деятельности потребовала постоянных миграций и поиска новых мест для выпаса оленей, доброжелательных отношений с ненцами. Поэтому коми-зыряне старались установить с соседями разнообразные устойчивые контакты на взаимовыгодных условиях. С их приходом в языке соседей появились слова, связанные с торгово-экономическими отношениями. Например, железная печь, появилась в тундре недавно. В коми-зырянском языке она называется *гор*, данное слово перешло далее в хантыйский и ненецкий языки: в усть-обском говоре хантыйского языка печь называется *кор*, в приуральском говоре ненецкого языка – *хор*. Другие слова: *шаньга* ‘выпечка, блины’; *ватлан* ‘двенадцатилитровое ведро’; *пайдык* ‘куропатка’, *нянь* ‘хлеб’, *ной* ‘сукно’ тоже имеют коми-зырянское происхождение.

3.4. Заимствованные слова из русского языка.

Следует отметить, что наибольшее число заимствований в приведенных выше языках за последние два столетия пришло из русского языка. Это связано с существенными изменениями в экономической и общественной жизни ненцев, которые возникли с установлением хозяйственных и торговых отношений с

русскоязычным населением. Свидетельством этому являются целые лексические пласты в ненецком языке, созданные средствами русского языка, поскольку этими словами обозначаются новые, неизвестные ненцами понятия.

Существительные: *херасин* ‘керасин’, *пайна* ‘баня’, *сэй/сай/шай* ‘чай’, *сакар* ‘сахар’, *хаска* ‘кашка’, *тол* ‘стол’, *селкой* ‘рубль, целковый’, *сярка* ‘вино’, *луца* ‘русский’, *лапка* ‘магазин (от лавка), *лекар* ‘врач’, *компет* ‘конфета’, *панарь* ‘фонарь’. Сложные существительные: *лекар”мя* ‘больница’, *лекар”нано* ‘санитарный рейс’, *ты”лекар* ‘ветеринар’. Прилагательные: *систой* ‘чистый’, *красной* ‘красный’, *красивой* ‘красивый’, *кусной* ‘вкусный’, *тубоева* ‘дубовый’. Глаголы: *стряпайдась* ‘стряпать’, *хулеянь* ‘участвовать в соревнованиях’, *холосуйда҅гось* ‘голосовать’, *рисуйда҅гось* ‘рисовать’, *хартарч* ‘играть в карты’ (данное слово могло быть заимствовано из коми-зырянского языка).

Многие слова, заимствованные ханты и коми-зырянами из русского языка, переходили в ненецкий язык, уже испытав на себе значительное интерференционное влияние, так как ненцы стали контактировать с русскоязычным населением гораздо позднее.

Выводы

Ненецкий, хантыйский и коми-зырянский языки относятся к одной уральской языковой семье, они считаются родственными языками. Если первый относится к северо-самодийской ветви, то два последних принадлежат финно-угорской группе, далее подразделяясь на угорскую и пермскую ветви.

Рассматривая ненецкий, хантыйский и коми-зырянский языки, прежде всего, следует отметить их территориальные, вернее, их диалектальные особенности. Поскольку рассмотренные выше лексические заимствования могут не встречаться в других диалектах этих языков.

И.О. Гецадзе, говоря об особенностях ареального распределения лингвистических явлений в условиях языкового взаимодействия, пишет: «Лингвистическое

3 З.И. Рандымова. Лексика, связанная с жилищем и перекочёвкой, в усть-полуйском говоре приуральских хантов/ НАРОДЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ. Томск, 1995. с. 40-43.

контактирование предполагает этническое контактирование. Явление контактирования, сопровождающееся определёнными языковыми последствиями — одна из тех проблем, где наиболее очевидно и осязаемо история языка переплетается с историей народа. Языковые последствия, возникающие в результате интенсивных контактов носителей сопредельных языков, особенно заметно, как известно, отражаются в их лексике, являющейся наиболее проницаемым фрагментом грамматического строя любого языка (Гецадзе, 1980:203).

Самой яркой особенностью ненецкого языка, которая не раз отмечалась учёными, является разработанность терминологии, связанной с оленеводческим хозяйством. Она настолько самодостаточна, что была заимствована многими народами, проживающими по соседству.

Вышеперечисленные многосторонние связи с соседними языками показывают, что направления передачи заимствований могут быть разнообразными. В ряде случаев, эти заимствования могли происходить много-

кратно, иногда язык, из которого проникло заимствование трудно установить.

Лидирование одного из перечисленных выше языков объясняется видом хозяйственной деятельности и его престижности среди населения. В районе Байдаратской тундры среди коми-зырян и хантов распространён ненецкий язык, поскольку в тундре хозяйство основано на оленеводческом хозяйстве, на территории нижней Оби — хантыйский язык, поскольку большинство населения занимается рыболовством. Следует отметить, что в начале прошлого столетия полилингвизм был более распространён на территории Приуральского района ЯНАО по сравнению с настоящим временем. Это явление в наши дни встречается редко и только среди представителей старейшего поколения многонационального населения Приуралья, которое приобрело навыки владения русским языком уже в зрелом возрасте. Билингвизм ещё распространён, но чаще всего он бывает пассивным. Ведущим языком общения стал русский, который, являясь государственным языком и языком обучения, стал и языком, поглощающим прочие языки, отличные от него.

Библиография

- Бармич М.Я.* Ненецко-русские связи//Контактологический словарь энциклопедический словарь-справочник. М., 1994. С.141-151.
- Гецадзе И.О.* Особенности ареального распределения лингвистических явлений в условиях языкового взаимодействия//Взаимодействие лингвистических ареалов. Теория, методика и источники исследования. Наука. Ленинград. 1980.
- Зуев В.Ф.* Материалы по истории этнографии Сибири XVII века (1771-1772). М.-Л., 1947.
- Лантандер Р.И.* Этнолингвистические кросс-культурные контакты ненцев, ханты и коми-зырян, проживающих на территории Приуральского района Ямало-Ненецкого автономного округа//Научный вестник ЯНАО. Выпуск №3(47). Русский язык как фактор интеграции этносов ЯНАО. Салехард. 2007. С.35-40.
- Лантандер Р.И.* Оленеводческая терминология в ненецком языке и ненецкие заимствования в соседних с ним языках//Материалы 3-й международной научной конференции по самоидентификации (Новосибирск 26-28 октября 2010 г.). Отв. редактор С.И. Буркова. Новосибирск, 2010. С. 144-153.
- Онина С.В.* Морфологический анализ оленеводческой лексики хантыйского языка// Финно-угристика на пороге III тысячелетия. Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угров. Саранск. 2000. С.238-241.
- Рандымова З.И.* Лексика, связанная с жилищем и перекочевкой, в усть-обском говоре приуральских хантов//Народы Северо-Западной Сибири: сборник. Вып.2. Томск, 1995. С.43-49.
- Сахарова М.А., Сельков Н.Н.* Ижемский диалект коми языка. Коми книжное издательство. Сыктывкар. 1976.

Сязи А. М. Орнамент и вещь в культуре хантов Нижнего Приобья. Томск, Издательство Томского ун-та, 2000.

Терещенко, Н. М. К вопросу о ненецко-хантыйских языковых связях // Вопросы языкознания, №2. 1959. С.96-103.

Терещенко Н. М. Материалы и исследования по языку ненцев. М.-Л. Наука. 1990.

Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. С-Пб., 2003.

Сказка о старике-русском и его трёх сыновьях (ненецкая сказка)

Текст записан от Василия Токлевича Сэротэтто (1954 г.р.), бригадира Ярсалинской оленеводческой бригады №2 в июле 2009 г. во время стоянки возле мёртвого посёлка Нерута, полуостров Ямал. Сказка заимствована из русского фольклора, но пересказана с особенностями ненецкого повествования.

Расшифровка и перевод на русский язык Р.И. Лаптандер

Жил один старик-русский. У него была жена и три сына. Ещё и коровка у них есть. Жил он бедно, кроме коровки, было ещё у него небольшое поле, на котором он выращивал рожь. Как-то старик-русский говорит.

‘Осталось мне жить совсем мало (досл. Дожил я до лет, когда умирают)’.

У старика-русского старшие сыновья женатые, только младший не женат. Целыми днями он на глиняной печи лежит. Старшие сыновья дрова кололи, хоть так работали. Хорошую работу делать не умели. Наверное, поэтому так бедно жили. Вот старик помер. После смерти отца, сыновья стали делить наследство. Всё его нехитрое хозяйство поделили на три части. Старший говорит:

‘Нашей коровушкой, ведь у нас всего одна, будем обрабатывать землю, пахать для того, чтобы хлеб хорошо рос, поэтому, не будем делить её. Пусть коровка будет общей’.

После этого два старших сына старика-русского построили себе по избе. Младшего брата своего выгнали. Была у них старенькая банька, выгнали они брата жить туда.

Младший брат живёт в старой баньке, у которой одна сторона вся разобранная. Живут они там вместе с матерью. Вот, как-то два старших сына русского старика прогуливались. Пришло обеденное время, а младший сын старика-русского, дурак,

распахивает поле коровкой. Песню русскую поёт. ‘Ой, коровушка моя, тяни вперёд, ты ведь самая лучшая, моя коровушка, хорошо работай!’

Старшие сыновья русского старика рассердились тут:

‘Как же нам он надоел, нашу с тобой корову своей называет?’

Рассердились они на брата, коровушку забыли.

‘Пусть живёт без коровы, мы то уж для себя ещё приобретём!’

Как тут быть? Младший сын старика-русского мясо коровушки заготовил, часть засолил, часть высушил. Коровью шкуру хорошо высушил и аккуратно сложил в мешок. Как только он ногой мешок пихал, коровья шкура начинала шуршать, словно говорила что-то. Словно что-то рассказывала...

Вот, старика-русского дурак-сын закинул мешок за плечо, пошёл по городу. Несёт мешок с коровьей шкурой. Идет по городу, повернул в сторону царского терема. В его сторону пошёл. Заглянул, пока шел мимо, в окно царского терема, заглянул он в царскую столовую. Смотрит так, царская жена с одним русским в железных одеждах кушает. На столе какой только еды нет! Вин всяких много, всякая еда на столе стоит. Так посмотрел на них, затем дальше своей дорогой пошёл. Не-

сёт свой мешок, так идёт. Вот и время обедать пришло.

‘Ой, может быть царь уже домой вернулся? Наверное, уже пришёл, может быть, где-то ходил?’

Подумал он. Повернул в сторону царского терема.

‘Да и я, — говорит, — пойду домой поесть’. Обрато пошёл, опять мимо ворот царя шёл, а царь на улице стоял. У ворот на улице стоял, говорит:

‘Младший сын старика-русского, здравствуй!’

Сказка рассказывает: ‘Видать того старика-русского этот царь знал, работал тот у него, поэтому его сына он узнал’.

‘Ты не голоден сейчас? Мне не с кем обедать, может, зайдешь ненадолго?’

Старика-русского младший сын в дом зашёл. Сели с царем за стол напротив друг друга. Дурак мешок с коровьей шкурой под стол засунул. Разговаривают, за разговором младший сын старика потихоньку мешок, раз, да и заденет ногой. Сам с собой разговаривает: ‘Вот, тебе-то какое дело?’. Коровья шкура только и зашуршит. Царь спрашивает:

‘С кем это ты там разговариваешь?’

‘Нет. Ни с кем не разговариваю’.

‘Разговариваешь ведь’.

‘Да, — говорит, — расскажу, только это не поверишь, наверное, с кем я разговариваю? Ладно, — говорит, — расскажу. Этот, с кем я разговариваю, говорит, что жена твоя с кем-то ела тут, потом, вот, вина бы мне неплохо было бы выпить, вина немного. Под столом бутылка ещё стоит’.

‘Ой, действительно там! — воскликнул царь, заглянув под стол, — действительно, под столом какой только ещё еды нет?!’

Вот, стали они кушать. Младший сын

старика тут задумался: ‘Наверное, царская жена своего в железо одетого мужика куда-то спрятала?’ Вот, он снова мешок с коровьей шкурой под столом пихнул ногой. Коровья шкура снова захлопотала. Младший сын старика говорит:

‘Так, какое твоё ещё дело?’

Царь говорит:

‘С кем это ты снова разговариваешь?’

‘Да ни с кем, ты все равно не поверишь’.

‘Говори — воскликнул царь, — я тебя не накажу, скажи, с кем и о чём это там ты разговариваешь под столом’.

Вот, сын старика-русского и говорит:

‘В доме у тебя человек в железных одеждах спрятан. Он тебя убить собирается’.

Приказал царь своим работникам найти человека в железных одеждах, вывести его на улицу и там расстрелять.

Царь говорит на радостях:

‘Младший сын старика-русского, дурак, давай я куплю у тебя это. Оно видимо знает, когда я умру (досл. Смерти моей срок знает)’.

Младший сын старика-русского говорит:

‘То, что у меня в мешке, мне и самому нужно. Не отдам тебе я это, когда моей жизни грозит что-то, оно оберегает меня. Правда, царь...’

Младший сын старика-русского коровью шкуру потихоньку пихает, а она словно о чем-то говорит. Царь говорит:

‘Я дам тебе три воза золота!’

Младший сын старика-русского подумал и говорит:

‘Так уж быть, может быть, я ещё себе такое найду. Только в мешок сам никогда не заглядывай. Когда нужно будет, тогда оно само скажет, когда смерть твоя придёт’.

Вот так, царь купил коровью шкуру, а дурак разбогател на три воза золота.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Головнев Андрей Владимирович

Главный научный сотрудник института истории и археологии УрО РАН, член-корр. РАН, профессор, Уральский федеральный университет

Первалова Елена Валерьевна

Заведующая сектором этнографии института истории и археологии УрО РАН, к.и.н.

Федорова Елена Геннадьевна

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН им. Петра Великого

Кугаевский Андрей Николаевич

Заместитель Губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа

Каранетова Ирина Альфредовна

Старший научный сотрудник Российского этнографического музея, к.и.н.

Мартынова Елена Петровна

Зав.кафедрой истории России Тульского государственного педагогического университета, профессор, д.и.н.

Новикова Наталья Ивановна

Ведущий научный сотрудник института этнологии и антропологии РАН, к.и.н.

Пивнева Елена Анатольевна

Ученый секретарь института этнологии и антропологии РАН, к.и.н.

Кениг Александр Владимирович

Руководитель научных программ ООО «Югра-терра», к.и.н.

Туров Сергей Викторович

Доцент кафедры отечественной истории института истории и политических наук Тюменского государственного университета, к.и.н.

Федорова Наталья Викторовна

Заместитель директора по научной деятельности ГУ «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского», к.и.н.

Цымбалистенко Наталья Васильевна

Профессор кафедры гуманитарного образования государственного автономного учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа «Региональный институт развития образования», д.ф.н.

Штаммлер Флориан

Доктор этнологии, Лапландский университет, Рованием, Финляндия

Главатская Елена Михайловна

Профессор Уральского федерального университета, д.и.н.

Арефьева Анна Алексеевна

Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского

Волжанина Е.А.

Старший научный сотрудник лаборатории антропологии и этнографии института проблем освоения Севера СО РАН, к.и.н.

Корусенко С.Н.

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, к.и.н.

Корусенко М.А., Полеводов А.В.

Корусенко М.А. Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, к.и.н.

Харючи Галина Павловна

Заведующая сектором этнологии государственного бюджетного учреждения «Ямало-Ненецкий научный центр изучения Арктики», к.и.н.

Липтандер Роза Ивановна

Государственное автономное учреждение Ямало-Ненецкого автономного округа «Региональный институт развития образования», к.ф.н.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Головнёв А.В.</i> «УСТОЙЧИВОСТЬ И ИЗМЕНЧИВОСТЬ КУЛЬТУР СЕВЕРА»	3
<i>Первалова Е.В.</i> «ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, СТРАТЕГИИ СОХРАНЕНИЯ И МУЗЕЕФИКАЦИИ»	11
<i>Е.Г.Федорова</i> «ПРОШЛОЕ В НАСТОЯЩЕМ (ПОСЕЛОК ХУЛИМСУНТ В КОНЦЕ XX ВЕКА)»	11
<i>Кугаевский А.Н.</i> «ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ РАЗВИТИЕМ ТРУДА В ТРАДИЦИОННОМ ХОЗЯЙСТВОВАНИИ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА»	20
<i>Каранетова И.А.</i> «СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В ПУРОВСКОМ РАЙОНЕ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА»	26
<i>Мартынова Е.П.</i> «ОЛЕНЕВОДСТВО НА ЯМАЛЕ В НАЧАЛЕ XXI В.: СОХРАНЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ САМОБЫТНОСТИ В РЕЖИМЕ САМОВЫЖИВАНИЯ ИЛИ СТАБИЛЬНАЯ РАБОТА?»	32
<i>Новикова Н.И.</i> «ОЛЕНЕВОДЫ И ПРОМЫШЛЕННЫЕ КОМПАНИИ: МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ»	41
<i>Пивнева Е.А.</i> «ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ (ПО ОБСКО-УГОРСКИМ МАТЕРИАЛАМ)»	52
<i>Кениг А.В.</i> «РЕЗУЛЬТАТЫ ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СРЕДИ ТАЗОВСКИХ СЕЛЬКУПОВ»	58
<i>Туров С.В.</i> «ТРАДИЦИОННОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ И ПРИРОДОВЕДЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ СТАРОЖИЛОВ ОБДОРСКОГО КРАЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX ВЕКА)»	62
<i>Федорова Н.В.</i> «СЕВЕР ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 13 – НАЧАЛЕ 14 ВВ.: СТОЛЕТИЕ ПЕРЕМЕН»	69
<i>Цымбалистенко Н.В.</i> «ТРУДНОСТИ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В ЯНАО И НОВЫЕ ФОРМЫ ОБРАЗОВАНИЯ НА ЯМАЛЕ»	73

Др Флориан Штаммлер

«КОЧЕВЫЕ И ОСЕДЛЫЕ ОБИТАТЕЛИ НА СЕВЕРЕ:
О СТАНОВЛЕНИИ ЧУВСТВА МЕСТНОСТИ
В СЕВЕРНОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ» 84

Главацкая Е.М.

«ПРИПОЛЯРНАЯ ПЕРЕПИСЬ 1926-27 ГГ.:
ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ
РЕЛИГИОЗНОГО ЛАНДШАФТА ОБДОРСКОГО КРАЯ»..... 89

Арефьева А.А., Перевалова Е. В.

«ИГРУШКИ ИЗ ДЕРЕВА И КОСТИ
УТРОВ И САМОДИЙЦЕВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АНАЛОГИИ)» 97

Волжанина Е.А.

«СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КОЧЕВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ НЕНЦЕВ
ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА
В ПЕРВОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI ВЕКА ПО ДАННЫМ СТАТИСТИКИ» 101

Корусенко С.Н.

«РОЛЬ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ
В АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
(НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ
И СОЦИУМА НАСЕЛЕНИЯ ТАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ)»..... 110

Корусенко М.А., Полеводов А.В.

«К РАЗРАБОТКЕ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ И СОПОСТАВЛЕНИЙ» 116

Харючи Г.П.

«К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ
ИССЛЕДОВАНИЯ САКРАЛЬНОЙ СФЕРЫ» 122

Лаптандер Р.И.

«КОНТАКТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ:
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ НА ЯМАЛЕ»..... 132

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Издание Ямало-Ненецкого автономного округа

ВЫПУСК 1

2011 г.

Государственное бюджетное учреждение «Ямало-Ненецкий научно-инновационный центр»

Подписано в печать 18.10.2011 г.

Формат 60x90 ¹/₈. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18.

Гарнитура «Newton». Заказ 0633. Тираж 100 экз. Сверстано и отпечатано в ГУП ЯНАО «Издательство «Красный Север».
г. Салехард, ул. Ямальская, 14.